

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2020. Т. 12. № 4

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/mongolian>

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk, and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Web-site: <http://kigiran.com/pubs/index.php/mongolian>

Главный редактор

д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**,

Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимаа**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р ист. наук **Ц. П. Ванчикова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

канд. филол. наук **Д. Н. Музраева**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Элиста);

канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН
(Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности
РГГУ, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа
экономики», Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

канд. филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Редактор (рус. яз.): Р. Г. Саряева

Переводчик: С. В. Джагрунов

Дизайн и верстка: Д. В. Татнинов

Ответственный секретарь: С. В. Мирзаева

Editor-in-Chief

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista);

Editorial Board:

- A. Alimaa*, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia, Ulaanbaatar);
- A. Birtalan*, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Hungary, Budapest);
- L. S. Dampilova*, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russia);
- C. Humphrey*, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Britain, Cambridge);
- D. N. Muzraeva*, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- R. M. Khaninova*, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt*, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia, Ulaanbaatar);
- V. V. Kukanova*, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- L. V. Kuras*, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russia);
- K. V. Orlova*, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies of the RAS (Russia, Moscow);
- G. Ts. Pyurbeev*, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics of the RAS (Russia, Moscow);
- A. D. Tsendina*, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies of the RAS (Russia, Moscow);
- Ts. P. Vanchikova*, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. M. Yarmarkina*, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editor (Russ.): R. G. Saryaeva
Translator: S. V. Dzhagrunov
Design and page layout: D. V. Tatninov
Executive Secretary: S. V. Mirzaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Баянова А. Т.</i> Семантика белого цвета в фольклорном тексте: культурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта).	592
<i>Лиджиева Л. А., Убушиева Б. Э., Мукабенова Ж. А.</i> Пространственная семантика послелога <i>деер</i> в калмыцком языке	605
<i>Цыбенков Б. Д.</i> Языки и диалекты национальных меньшинств Хулун-Буира как объект исследования	615
<i>Гэрэлма Гуруучин, Гедеева Д. Б.</i> Монгол хүний бичиг үсгийн чадварын судалгаа (албан ёсны кирилл үсгийн жишээн дээр) (= Исследование письменной грамотности среди монголов (на примере официального кириллического письма))	625
<i>Баранова В. В.</i> Условное деепричастие и организация дискурса в калмыцком и других монгольских языках	635
<i>Дамбуева П. П.</i> О расширении круга модальной лексики в разговорном бурятском языке: функционально-модальные слова	644
<i>Бембеев Е. В.</i> Особенности калмыцкого письменного языка XIX в. (на материале калмыцких писем И. Я. Шмидта (1800–1810 гг.)	652
<i>Мазарчук А. В.</i> Употребление показателей множественного числа существительных в современных халха-монгольском и бурятском языках	660

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Манджиева Б. Б.</i> Традиционные темы в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева	668
<i>Бурькин А. А.</i> Календарный 12-летний животный цикл в фольклоре калмыков и других народов Азии	679

ИСТОРИЯ

<i>Ужень Гаова.</i> Предводитель «новых» торгутов Шеаренг-тайша	692
<i>Лиджа Г.</i> Некоторые сведения о торгутском Анджан курэ и Анджата-ламе	701
<i>Зоригту Т.</i> Черный бунчук (сульде) Галдан Бошокту-хана	709

Орламджав Ч.
Каменная стела на горе Геденг: ойратский текст эдикта об усмирении джунгаров 723

Ряжнев А. С.
«Реэстр зюнгорскому ружью», или Вопрос о джунгарском пополнении Ставропольского корпуса крещёных калмыков в политике государства (конец 50 – начало 60-х гг. XVIII в.) 735

Сартикова Е. В.
Партия и СМИ (развитие партийно-советской печати Калмыкии в 20–30-е гг. XX в.) 752

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Лиджиева А. М.
«Люди ехали и верили: город будет!». К истории становления Элисты как города в 1928–1930 годах 764

Гучинова Э.-Б. М.
У каждого своя Сибирь. Два женских рассказа о депортации калмыков . . . 778

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Галдан Д.
Ойратская коллекция Фонда древних рукописей национальных меньшинств Синьцзяна 801

Алдарту Борджигин.
Новые сведения об авторе «Лунного света. Истории равджам Зая-пандиты». 815

Базаров А. А.
Фотообразы буддистов Бурятии. 824

CONTENT

LINGUISTICS

<i>Bayanova A. T.</i> Semantics of White in Folklore Text: A Linguocultural Aspect (A Case Study of Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt)	592
<i>Lidzhieva L. A., Ubushieva B. E., Mukabenova Zh. A.</i> Postposition <i>deep</i> in the Kalmyk Language: Spatial Semantics	605
<i>Tsybenov B. D.</i> Ethnic Minorities of Hulun Buir: Languages and Dialects as an Object of Research	615
<i>Gerelmaa Guruuchin, Gedeeva D. B.</i> Exploring Written Literacy of Mongolians: The Official Cyrillic Writing System)	625
<i>Baranova V. V.</i> Kalmyk and Buryat Languages: Conditional Constructs with Converbs and Conjunctions	635
<i>Dambueva P. P.</i> Expanded Modal Vocabulary of Spoken Buryat Revisited: Functional-Modal Words	644
<i>Bembeev E. V.</i> Peculiarities of 19th-Century Written Kalmyk: A Case Study of I. J. Schmidt's Kalmyk-Language Letters, 1800–1810	652
<i>Mazarchuk A. V.</i> The Use of Nominal Plurality Markers in Modern Khalkha Mongolian and Buryat	660

FOLKLORE STUDIES

<i>Mandzhieva B. B.</i> Traditional Themes in the Epic Repertoire of Jangarchi Telya Lidzhiev.	668
<i>Burykin A. A.</i> Folklore of Kalmyks and Other Asian Peoples: 12-Year Animal Calendar Cycle.	679

ИСТОРИЯ

<i>Wuren Gaova.</i> Warlord of the "new" <i>torguts</i> of Shearing Taisha	692
<i>Lijai G.</i> Some Information about Torguut Andzhan Kure and Andzhatan Lama	701
<i>Zhaorigetu.</i> Black Bunchuk (Sulde) of Galdan Boshoktu-khan	709

<i>Wurilumujiifu.</i> Stone Stela on Mount Gedeng: the Oirat Text of the Edict on the Suppression of the Dzungars	723
<i>Ryazhev A. S.</i> ‘Register of Dzungar Rifles’: or the Question of New Dzungar Recruits for the Stavropol Corps of Kalmyk Christians in State Policy, Late 1750s – Early 1760s	735
<i>Sartikova E. V.</i> Party and Mass Media: Development of Party-Soviet Print Media in Kalmykia, 1920s–1930s	752

ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY

<i>Lidzhieva A. M.</i> ‘People Would Set out Completely Convinced: There Will Be a City!’: History of Transforming Elista into a City (1928–1930) Revisited	764
<i>Guchinova E.-B. M.</i> ‘Everyone Has One’s Own Siberia’: Two Female Narratives of the Kalmyk Deportation	778

SOURCE STUDIES

<i>Galdan D.</i> Oirat Collection of the Fund of Ancient Manuscripts of Xinjiang Ethnic Minorities	801
<i>Bao Aladartu.</i> New Information about the Author of "Moonlight. The Story of the Ravjam Zaya Pandita"	815
<i>Bazarov A. A.</i> Photo Images of Buryatia’s Buddhists	824

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-592-604

Семантика белого цвета в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

*Александра Тагировна Баянова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,
Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-5689-6454. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Баянова А. Т., 2020

Аннотация. *Введение.* Цветообозначение относится к наиболее архаичному пласту лексики любого языка. Оно имеет ярко выраженную национально-культурную специфику и является важной составной частью языковой и лингвоцветовой картин мира. В природе цвет — это объективная и независимая данность, но в культуре и языке восприятие цвета совершенно субъективное. Различие особенностей менталитета, уникальная и самобытная материальная культура, присущая одному отдельно взятому народу, а также природная среда влияют на цветовосприятие. Цвет в калмыцком языке основательно и отдельно как лингвокультурологическая проблема не изучался. Проблема комплексного изучения цветообозначений остается на периферии калмыцкой филологической науки. *Цель* статьи — на основе калмыцких сказок в записи ученого Г. Й. Рамстедта проанализировать один из основных цветовых символов — белый цвет — с точки зрения лингвокультурологии. *Результаты.* В цветовом спектре у монголоязычных народов белый цвет считается главным. Компаративный анализ лексемы *цаһан* позволяет выделить специфические особенности исследуемого колоронима в неродственных языках (калмыцком и немецком). Проанализировав фольклорные тексты Г. Й. Рамстедта, приходим к выводу, что лексема *цаһан* обладает более широким спектром значений. Она является цветовым определителем предметов, воспринимаемых человеческим зрением, при этом диапазон цвета охватывает оттенки от белоснежного до серого, в немецком переводе от ослепительно-белого ‘blendendweiß’ до серебряного ‘silber’.

Ключевые слова: калмыцкий язык, фольклорный текст, культурологический аспект, лингвокультурология, калмыцкая сказка

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»). Материалы статьи апробированы на Международ-

ной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Баянова А. Т. Семантика белого цвета в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 592–604. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-592-604

UDC 811.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-592-604

Semantics of White in Folklore Text: A Linguocultural Aspect (A Case Study of Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt)

*Aleksandra T. Bayanova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0002-5689-6454. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bayanova A. T., 2020

Abstract. *Introduction.* Color terms constitute a most archaic lexical stratum of any language. Being characterized by vivid ethnocultural specifics, those serve as important elements to the linguistic view of the world. In nature color is an objective and independent phenomenon, while in culture and language color perceptions turn completely subjective. Differences in mentality, unique material culture inherent to each and every ethnos that lives in particular natural surroundings — all the factors have their impacts on color perceptions. And there are virtually no works to have investigated color in the Kalmyk language, i.e. comprehensive studies of color terms still remain in the periphery of Kalmyk linguistics. *Goals.* The paper analyzes Kalmyk folktales recorded by the Finnish scholar G. J. Ramstedt for a key color symbol — white — in a linguocultural perspective. *Results.* Traditionally, Mongolic peoples tend to view white as the main color of the spectrum. The comparative analysis of the lexeme *уаһан* (Kalm. ‘white’) reveals a number of specific features attributed to the examined color term in unrelated languages (Kalmyk and German). The study concludes that the Kalmyk lexeme comprises a wider range of meanings. It denotes colors of visually perceived objects, and the color scope includes shades from ‘snow white’ to ‘grey’, while in German — from ‘sharply white’ (Germ. *blendendweiß*) to ‘silver’ (Germ. *silber*).

Keywords: Kalmyk language, folklore text, culturological aspect, linguoculturology, Kalmyk folktales

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century:

Current State and Development Prospects – II' funded RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Bayanova A. T. Semantics of White in Folklore Text: A Linguocultural Aspect (A Case Study of Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt). *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 592–604. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-592-604

Введение

В культуре многих народов белый цвет является сакральным, божественным. В цветовом спектре у монголоязычных народов он считается главным цветом, матерью цветов [Цултэм 1982: 95]¹. Он символизирует чистоту помыслов, безгрешность, привлекает добрых богов и отпугивает злые силы. Этот цвет является символом всего «чистого, светлого, священного и божественного» [Пюрбеев 2015: 76].

Материалом исследования послужили 22 калмыцкие сказки, тексты которых были записаны лингвистом Г. Й. Рамстедтом в 1903 г. во время лингво-фольклорной экспедиции в калмыцкие степи, осуществленной при поддержке Императорского Гельсингфорского университета. Ученый работал в ареале функционирования одного из трех говоров, бытующего до настоящего времени в калмыцком языке, — дербетском. Аутентичный фольклорный текст, зафиксированный в финно-угорской транскрипции в начале XX в. в Малодербетовском улусе Калмыцкой степи, представляет собой бесценный материал для изучения живой калмыцкой речи, для исследования не только фонетических, диалектных, языковых, но и лингвокультурологических особенностей языка.

Для исследования калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта фольклорные тексты были переложены на современную калмыцкую орфографию и переведены на русский язык, затем загружены в программу TextAnalyser, разработанную в рамках научно-исследовательской работы в КалмНЦ РАН. Немецкий, русский и калмыцкий тексты автоматически сегментированы на предложения, которые были между собой соотнесены для удобства работы. Наличие 3 192 параллельных блоков свидетельствует о репрезентативности материала исследования с точки зрения объема.

Значения лексемы *цаһан* в калмыцком языке

В словаре калмыцкого языка лексема *цаһан* зафиксирована в следующих значениях:

1. 1) белый; 2) незлопамятный, добродушный; 2. 1) седина; 2) белок; 3) белизна; 4) в составе биологических и зоологических названий; 3. праздник весны [КРС 1977: 622–623].

Рассмотрим семантику лексемы *цаһан* на основе анализа текстов калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта.

В своем основном номинативном значении, указанном в «Калмыцко-русском словаре» (далее — КРС), лексема *цаһан* обозначает белый цвет предме-

¹ В живописи монголоязычных народов существовала четкая иерархия цветов: мать цветов, отец цветов и цвета-слуги. К отцам цветов относились желтый, зеленый, синий, красный. Белый цвет считался матерью, так как при смешении его с другими цветами образовывались новые тона. Тона, образованные при смешении черного цвета с другими, назывались цветами-слугами [Цултэм 1982: 95].

тов — конкретных реалий, который воспринимается человеческим зрением. В русском языке существует 96 слов-синонимов, обозначающих оттенки белого цвета². Диапазон данного цвета в калмыцком языке недостаточно широк, как в русском: он варьируется от чисто белого до серого. В таблице 1 выделена шкала оттенков белого цвета, примеры которых присутствуют в тексте сказок в записи Г. Й. Рамстедта.

Таблица 1. Шкала оттенков белого цвета

[Table 1. Shade scale of white]

	Цвет	Калмыцкий текст	Русский перевод
1.	белый	(1) ах ^н dartsɔɕ tsayān kɪl ^o gīg tā tatān tālān üzülñā. = <i>Ахнь дарцг цаһан кишлгиг тэ татад тәэлэд үзүлнэ</i> [Сказка № 16].	‘Брат белую рубашку скинул и показал’.
2.	серый или белый (?)	(3) böřögīn bökn tsayān tūlā keptā bögn döšēb, ɣasn sumn keptā ɣāgn döšēb, gūyā g arɔɕ bolnā. = <i>Бөөргин бөкн цаһан туулэ кептә[н] бөгн дөшэд, хасн сумн кептә[н] хэгн дөшэд, гүүһа[д] һардг болнэ</i> [Сказка № 21].	‘Словно по бугоркам скачущий горбатый белый заяц, сгорбившись, побежал, словно вылетевшая стрела, дрожа, побежал’.
3.	молочно-белый	(2) güđz jowtl neg tsayān ger ɣaryɔdz irwā. = <i>Гүүжэ йовтл нег цаһан гер харһж ирвэ</i> [Сказка № 11].	‘Мчался он так, и в пути одна белая кибитка повстречалась’.
4.	кремовый	(4) tawn zūn maj ^o temēndān kürēb irnā, ik ^o tsayān būrīn orā dēr ^o irēb g arɣ uɣ gēgēb dū g arnā. = <i>Тавн зун май темэндэн күрэд ирнэ, ик цаһан буурин орэ дээр ирэд, «һаң-һуң» гегед ду һарнэ</i> [Сказка № 17].	‘Подлетел к пятиста одногорбым верблюдам своим, над большим белым верблюдом-самцом пролетая, «ганг-гунг» прокричал’.
5.	серовато-белый	(5) «bi tsayān mönggān sul ^u öwrl̥ʃk ^o lā-w» gedž kelnā. = <i>«Би цаһан мөңгэн сул өврлчкәв», — гегж келнэ</i> [Сказка № 7].	‘«Я свои серебряные монеты за пазуху просто положил», — говорит’.
6.	серебристый	(6) üjñ tsayān öwsīg üjīn oldž ɣarwān, ük ^o tīn tšigā ɣadīy ɣamɣoɭ ɣarwān, jī gedəg g olīg iptə ɣayān sumīn gedž orkw. = <i>Үйн цаһан өвсиг үйинь олж харвад, үкрин чигэ хадыг хамхлн харвад, Үи гедг һолыг ивт хаһад, суминь гегж оркв</i> [Сказка № 18].	‘Ковыля перистого стебля узел найдя, выстрелил, скалу величиной с корову разрушив, выстрелил, через реку, называемую Йи, стрела перелетела и потерялась’.

1. Для определения белого цвета одежды, в нашем случае рубашки, в русском языке из 69 оттенков можно использовать следующие: белоснежный, кипенно-белый, белокипенный (от цвета кипения — белой пены, которая образуется при кипении воды), иссиня-белый, изголуба-белый (вероятно, эти наименования оттенков белого возникли из того, что во время стирки для придания белизны использовали различные средства). В кочевых условиях

² Данные взяты из «Словаря синонимов русского языка» [электронный ресурс] // URL: <https://sinonim.org/> (дата обращения: 05.08.2020).

весьма сомнительно, что пользовались кипячением или подсиниванием белья. Перед лексемой *цаһан* стоит слово *дарцг*, что означает ‘флажок, вымпел’ [КРС 1977: 337]. И. А. Житецкий описывает *дарцг* как «род хоругвей» — «живописные изображения бурханов на четырехугольных кусках материи», к которым прикреплялось древко [Житецкий 1893: 44]. На этих флажках могли располагаться и молитвенные тексты. Считалось, что флажки, вывешенные на крышах домов и храмов, на деревьях, развеваясь на ветру, разносили эти божественные тексты и привлекали благополучие в дом, устраняли препятствия и т. д. [Гедеева, Гантулга 2020: 148]. Из этого следует, что *дарцг цаһан* означает ‘белый’, при этом в «Калмыцком словаре» Г. Й. Рамстедт приводит пример *dartсг tsayān kīʹgñ sein hemd, so weiss wie die tempelflagge* ‘его рубашка такая белая, как хурульное знамя’ [Ramstedt 1935: 78]. Из вышеназванных оттенков белого больше подходит белоснежный как показатель чистоты и святости.

В немецком тексте калмыцких сказок переводчик использовал прилагательное *fahnenweiß* (букв. ‘белый, как знамя; знаменно-белый’). Данное слово не найдено ни в одном словаре немецкого языка. Для передачи белого цвета рубашки можно было бы использовать прилагательные *schneeig*, *schneeweiß* ‘белоснежный’. Специфичность символики белого цвета в калмыцкой лингвокультуре наложила отпечаток на немецкий перевод. Таким образом, *fahnenweiß* — это неологизм, созданный Г. Й. Рамстедтом. Такая метафоризация является относительно новой и необычной для показателя белизны одежды в немецком языке.

Согласно классификации перевода цветообозначений, предложенной З. О. Давидян [Давидян 2008: 135], применительно к данному примеру мы наблюдаем полное совпадение оригинала и перевода на морфологическом уровне, т. е. они выражены одной и той же частью речи — прилагательным.

2. В данной группе сочетание *цаһан туулэ* ‘букв. белый заяц’ вызывает вопрос о том, о каком зайце идет речь. Это может быть и заяц-беляк, и заяц-русак. Здесь у них не совпадает ареал обитания: первый обитает в лесной зоне, а второй — в степной. В сказке может идти речь и о зайце-беляке, поскольку изначально предки монгольязычных народов традиционно относились к «лесным» народам и поэтому однозначно были знакомы с этим животным, и о зайце-русаке, ареал обитания которых совпадает с местами кочевий калмыков. Что касается цвета, то зимой беляк чисто белый, за исключением чёрных кончиков ушей, окраска летнего меха в различных частях ареала — от рыжевато-серой до аспидно-серой с бурой струйчатостью, а для русака характерен серо-коричневый окрас летом и серебристо-серый зимой. Из текста сказки не ясно, в какой период года происходят события в сказке. В дербетской свадебной традиции мать жениха исполняла ритуальный танец в белых штанах, декорированных в определенных местах мехом (*цаһан шалвр*). Такие штаны называют еще *туулан шалвр* ‘заячьи штаны’, символизирующие замену невесты в качестве неопита свекровью, которая передает свои функции молодой девушке [Бакаева 2008: 171, 175]. «Особенности кроя и наименования белых штанов в свадебном ритуале калмыков-дербетов, символика обрядовых действий свидетельствуют о древнейших корнях обычая ритуального танца в

белых штанах, восходящих к эпохе родового строя и архаической праздничной культуре» [Бакаева 2008: 176].

3. Цвет традиционного жилища калмыков *ишкэ гер* являлся определителем имущественного состояния владельца. Черная кибитка *хар гер* являлась жилищем простолюдина [Пюрбеев 1996: 113]. Белый цвет кибитки *цахан гер* указывал на то, что хозяином жилища является представитель высших слоев общества. По утверждению У. Э. Эрдниева, «кибитки, покрытые белой кошмой, принадлежали богатым, гелюнгам» [Эрдниев 1970: 128], устанавливали их также во время свадьбы новобрачным, так как считалось, что белый цвет кибитки ограждал молодую семью от воздействия злых сил [Батырева 2019: 136]³.

Исходным материалом войлока служила овечья шерсть. Преобладающим цветом шерсти калмыцких овец был рыжий, черных же и белых овец было мало. Шерсть черных овец для валяния войлока вообще не использовалась, а белая шерсть из-за небольшого ее количества была недоступна для бедных слоев населения [Житецкий 1893: 4]. Следовательно, кибитка, о которой говорится в сказке, принадлежала состоятельному калмыку, возможно, нойону.

Определить оттенок белого цвета кибитки можно, исходя из трудоемкого и веками отработанного ручного процесса валяния войлока. Перед валянием шерсть промывали и высушивали, а затем подвергали тереблению для полного очищения от сора, грубых волосинок и свалявшихся комков, при этом периодически смачивали молочной сывороткой [Батырева 2017: 156]. Для придания особой белизны войлок пропитывали «известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче» [Путешествие... 1957: 91]. Но отбелить войлок до цвета снега невозможно. В палитре белого цвета ему близок молочно-белый тон. Как утверждают А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова и С. С. Мищенко, белый цвет ассоциируется со снегом и относится к холодным цветам [Василевич, Кузнецова, Мищенко 2005: 84], но белую кибитку очень трудно отнести к предмету с холодным цветом. Теплоту и мягкость ему придает желтый подтон: слияние белого и желтого дает оттенок молочно-белый.

Применительно к жилищу на немецкий язык Г. Й. Рамстедт переводит лексему *цахан* как *weiß* ‘белый’, *blendendweiß* ‘ослепительно-белый’, *hellweiß* ‘ярко-белый’:

Während er so geht, trifft er auf ein weisses Zelt. ‘В то время, как он шел, встретила ему белая кибитка [Сказка № 11].

Sie kamen zu einem blendendweissen Zelte. ‘Они подошли к ослепительно-белой кибитке’ [Сказка № 4].

Vorn wird ein bis auf Band und gurt hellweisser Hof sichtbar. ‘Впереди показалась ярко-белая кибитка без перевязи’ [Сказка № 19].

Почему Г. Й. Рамстедт использует при переводе цвета кибитки сложные оттенки белого цвета *blendendweiß*, *hellweiß*? В оригинале перед лексемой *цахан* стоит усилительная частица *ор*, т. е. совершенно белый [КРС 1977: 400].

³ В свадебной традиции многих народов присутствовал войлок, принципиальным различием был только цвет войлока. К примеру, у народа коми своеобразным маркером счастливой и безбедной жизни молодоженов служил *лӧз гын* ‘синий войлок’ [Низовцева 2017:42–43].

4. Окрас шерсти верблюдов варьируется от песчано-желтого до темно-коричневого. Белая масть верблюдов довольно редка. По утверждению Ц. С. Санжаева, в природе только 2,8 % верблюдов бывают белыми [Санжаев 2004: 8]. Но, если посмотреть строение шерсти у верблюда, то шерстный покров у него плотный и разной длины. Густой и нежный подшерсток — возможно, белого цвета. Но длинная шерсть внизу шеи, на верху горба, на загривке не может быть чисто белой ввиду особенностей среды обитания (в основном пустыня), образа жизни (кочуют постоянно с одного места на другое) и питания (питаются грубой растительностью и долго обходятся без воды). В данном контексте окрас животного — кремовый.

5. В калмыцком языке словосочетание *цаһан мөңгн* (букв. ‘белая монета’) имеет два значения: 1) серебро (металл); 2) монеты (собирательное значение) [КРС 1977: 641]. В данном фольклорном тексте оно применяется в первом значении скорее всего потому, что в старину имели хождение именно серебряные деньги. В современный период чаще всего данное словосочетание употребляется во втором значении. Здесь мы наблюдаем метафорический перенос значения лексемы *цаһан* по цвету. В силу традиций и цвета советские монеты, изготовленные из медно-никелевого сплава серебристо-белого цвета, и современные монеты из стали калмыки тоже называли и называют *цаһан мөңгн*. В переводе на немецкий язык Г. Й. Рамстедт использовал слова *die Silbermünze* ‘серебряные монеты’ и *das Silbergeld* ‘серебряные деньги’.

6. В калмыцком языке лексема *цаһан* присутствует и в определении ботанических терминов — *цаһан өвсн* ‘ковыль перистый’ (букв. ‘белая трава’). Ковыль перистый — травянистое растение, после цветения выпускает серебристо-белые метелочки, из-за чего в этот период степь кажется белой. В калмыцкой поэзии при описании ковыльной степи применяют также эпитет «седой». В алтайском языке словосочетание *ак өлөнг*, что тоже означает ‘белая трава’, является определителем растения *пырей*.

В немецком переводе Г. Й. Рамстедт использует выражение *weißgliederige gras* (букв. ‘белая расчлененная трава’), хотя в лексике немецкого языка есть два слова, обозначающие ковыль: *das Pfiemengras*, *die Federschmiele*. Почему он дословно переводит в данном случае название травы? Допускаем, что он не знал, что речь идет о ковыле, потому что в оригинале текста название травы — *цаһан өвсн* (букв. ‘белая трава’).

Шкала оттенков белого цвета, выделенных на основе фольклорного текста, позволяет сделать вывод, что его диапазон не обладает такой неограниченной сочетаемостью, как, например, в русском языке. Калмыки не выделяли в цвете сложных оттенков (к примеру, иссиня-белый, фарфорово-белый, сахарно-белый и т. д.).

Помимо того, что белый цвет определяет различные оттенки, он имеет и производные значения. В производно-номинативном значении, в котором присутствует сема «признак цвета», лексема *цаһан* означает ‘седой’ (при обозначении цвета волос человека)⁴:

⁴ В русском языке ‘седой’ трактуется применительно к волосам как «белый, потерявший свою окраску» [СРЯ 1961: 96].

(10) tsal bür̩ saχpl̩tā, tsayān bür̩ öwgn̩ kür̩tš̩ ir̩ēḅ ser̩ü̩ldž̩-ēñā. = Цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн күрч ирэд серүлжэнэ. ‘Белобородый седой старик, подойдя, стал будить [ее] — Der schneeweisse mann mit dem silberweissen barte kam herbei und weckte sie. ‘Белоснежный мужчина с серебристо-белой бородой подошел и разбудил ее’ [Сказка № 17].

Для перевода лексемы цаһан в значении ‘седой’ Г. Й. Рамстедт использует синонимы *weisshaarig* ‘беловолосый’, *schneeweiß* ‘белоснежный’, *weiß* ‘белый’:

(11) ar̩y̩pl̩plā bit̩šk̩ñ tsayān ul̩n or̩ā dēr̩ tsal bür̩ saχpl̩tā, tsayān bür̩ öwgn̩ bā̩χp, ter̩ ar̩y̩p̩ldž̩ üz̩k² = Арһлхлэ, бичкн цаһан уулын орэ deer цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн бээх, тер арһлжэ үзх ‘Кто сможет помочь, так это живущий на вершине невысокой снежной горы белобородый седой старик, он сможет помочь’ — Wenn hier etwas zu machen ist, so lebt auf dem gipfel des kleinen weissen berges ein weisshaariger greis mit silberweissem bart, der wird dir helfen können. ‘Если здесь есть что-нибудь сделать, то на вершине маленькой белой горы живет беловолосый старик с серебристо-белой бородой, который сможет вам помочь’ [Сказка № 17].

(12) tsal bür̩ saχpl̩tā, tsayān bür̩ öwgn̩ kür̩tš̩ ir̩ēḅ ser̩ü̩ldž̩-ēñā. = Цал буурл сахлтэ, цаһан буурл өвгн күрч ирэд серүлжэнэ. ‘Белобородый седой старик, подойдя, стал будить [ее]’ — Der schneeweisse mann mit dem silberweissen barte kam herbei und weckte sie. ‘Белоснежный мужчина с серебристо-белой бородой подошел и разбудил ее’ [Сказка № 17].

(13) öm̩ñ -tš̩l̩ñ tsal bür̩ saχpl̩tā tsayān bür̩ öwgn̩, χojr̩ nü̩dān töm̩r̩ēr̩ tel̩s̩ñ öwgn̩ χarkk²... = Омнчн цал буурл сахлтэ цаһан буурл өвгн хоёр нүдэн төмрэр телсн өвгн харһх... ‘Впереди тебе с белой как снег бородой седовласый старик с железными распорками на глазах встретится...’ — Auf deinem wege wird dir ein weisser greis mit silberweissem bart begegnen. ‘На твоём пути встретится тебе белый старик с серебристо-белой бородой’ [Сказка № 22].

К группе переносных следует отнести значение лексемы цаһан ‘пустой, голый’:

(14) «bi mend² bāñā-w», gedž̩ kel̩ldēḅ, «ēdž̩-ugē ērm̩ tsayān ködēḅ² g, arāb̩ kül̩²c möfnā šür̩ügēḅ, küm̩nā zal̩y̩ñ tš̩id̩l̩ēḅ, χurts² mes²d̩ñ χurtsār̩ aw̩ld̩jā!» = «Би менд бээнэв» геж келлдэд, «эжго эрм цаһан көдэд һарад кулг мөрнэ шүрүһар, күмнэ залуһин чидлэр, хурц месдин хурцар авлдый!» «Я жив-здоров», — так друг другу сказав, в безлюдную белую степь выйдя, резвостью своих верховых коней, силой своей мужской, остротой своих острых мечей сразиться решили они — „Heil!“ begrüßen sie einander. Danach sprechen sie: „Auf die herrenlose weisse steppe, wo man sich verirrt, hinausreitend, lass uns uns messen in der schnelligkeit der trefflichen renner, in der stärke der männer und der schärfe der schneidenden schwerter!“ “Цел и невредим!” приветствуют они друг друга. Затем они говорят: „В безлюдную белую степь, где можно заблудиться, выехав, давай измерим себя в быстроте превосходных бегунов, в силе мужской и остроте режущих мечей!“ [Сказка № 16].

Сходство данного значения можно наблюдать и с лексемой ак ‘белый’ в алтайском языке: ак чдл ‘пустынная, голая степь’ (букв. ‘белая степь’) [Майзина 2008: 102]. В значении ‘пустой, голый’ определение лексемы цаһан отсутствует в словарях калмыцкого языка. В русском языке выражения *белая земля*, *белое место* означают ‘свободная земля’: обычно это были земли церковные, свободные от податей [Даль 1978: 153].

В переводе на немецкий язык Г. Й. Рамстедт использует прилагательное *weiß* ‘белый’:

Во фразеологически связанных значениях лексема *цаһан* определяется как социальная принадлежность человека: аристократический *цаһан яста кун* (букв. ‘человек белой кости’):

(15) en° šidrt° tsayān jastā kūn ugē, möñkñ dörwñ tsakt° dötšñ zurγātāγār bāγād bādrc. = Эн шидрт цаһан ястэ кун угэ, мөңкн дөрвн цагт дөчн зурһатәһар бәәһад бәэдг. ‘Поблизости знатного человека нет, в вечные четыре времени [года] в сорокачетырёхлетнем возрасте пребывающий...’ — in dieser gegend gibt es keine hochgeborenen leute, keine, die ewig und zu allen zeiten sechzehn jahre alt wären ‘В этом краю нет высококоррожденных людей, которые вечно и во все времена были бы шестнадцатилетними’ [Сказка № 22].

У калмыков существовала строгая иерархия сословных групп: к категории *цаһан яста* относились нойоны, зайсанги, к *хар яста* (букв. ‘черная кость’) — низшее сословие, крепостные. По воззрениям калмыков, нойон был воплощением божества, так как происходил не от людей, а от богов. Как отмечает И. А. Житецкий, «обмануть, оскорбить нойона — все равно, что оскорбить бурхана» [Житецкий 1893: 41].

Данное значение лексемы *цаһан* мы не находим в словаре калмыцкого языка. Так как большая часть словарей была создана в советский период, когда господствовал атеизм, то цензурой исключались такие понятия, как божественное происхождение человека и деление на классы. У разных народов различные представления о знатном происхождении человека. У англичан для обозначения аристократического происхождения человека существует выражение «родиться с серебряной ложкой во рту», приписываемое прозаику О. Голдсмиту, т. е. у них признаком богатства считается столовое серебро. В русском языке для обозначения дворянского, аристократического происхождения существует выражение «голубая кровь» [ТСРЯ 1935: 592].

В немецком тексте сказок для определения аристократического происхождения человека используется причастие *hochgeboren* ‘высокорожденный’ (*hoch* ‘высокий’ + причастие от глагола *gebären* ‘родиться’):

(16) tsayān jastā kūnā öšk° zürkñ zokkīmñ » genā. = «Цаһан ястэ күүнэ оошк-зүркн зокхимн», — генә. ‘«Знатного* [букв. белой кости] человека легкие и сердце помогут мне», — отвечает’ — Die lungen und das herz von einem hochgeborenen menschen werden mir geziemen. ‘Легкие и сердце высококоррожденного человека помогут мне’ [Сказка № 22].

В немецком языке для определения аристократического происхождения существуют следующие слова и выражения: *vornehm* ‘знатный, аристократический’, *adlig* ‘дворянский, знатный’, *von adliger Herkunft* ‘дворянского происхождения’, *edel* ‘знатный’. Переводчик не использует ни одно из этих значений, посчитав, что слово *hochgeboren* наиболее точно передает божественное происхождение аристократа-нойона. Он точно уловил понятие аристократизма в представлении калмыков: это человек, в крови которого есть частица божественности. В немецкой же культуре, в корне отличающейся от мировоззрения калмыков, такого понятия нет.

Переносное значение лексемы *цаһан* — ‘священный, сакральный’ — образуется путем метафорического переноса. Оно чаще всего используется в ре-

лигиозной лексике: *цаһан ном* ‘священная сутра, священная молитва’ (букв. ‘белая сутра’):

(17) *amŋ ärtŋ död̄ tsayān nom aŋxṛān üleṗād oknā.* = *Амн арун деед цаһан ном аңхрад үлэхэд окнә.* ‘Священную молитву [брат] прочитал и дунул [на него]’ — *Über ihm spricht Mars Chara sein heiligstes bestes reines gebet und bläst ihn an.* ‘Над ним произносит Марс Хара свою священную молитву и дует на него’ [Сказка № 16].

В словарях калмыцкого языка данное значение лексемы *цаһан* отсутствует. При переводе выражения *цаһан ном* ‘священная молитва’ Г. Й. Рамстедт использует сразу несколько прилагательных: *heiligst* ‘наисвятейший’ (превосходная степень прилагательного *heilig* ‘святой, священный’), *best* ‘наилучший’ (превосходная степень прилагательного *gut* ‘хороший’) и *rein* ‘чистый’.

При переводе выражения *цаһан ном* ‘священная молитва’ на немецкий язык мы отмечаем отличие культур народов. У калмыков лексема *цаһан* в контексте со словом *ном* уже несет в себе сакральный смысл. У немцев же понимание священного должно иметь высшее проявление признака, что выражается употреблением превосходной степени прилагательных *heiligst* ‘наисвятейший’, *best* ‘наилучший’. Г. Й. Рамстедт употребляет также прилагательное *rein* ‘чистый’, и здесь мы видим совпадение в культурах двух народов: ‘белый’, ‘чистый’ значит ‘священный’.

Лексему *цаһан* в значении ‘священный, сакральный’ мы наблюдаем и в следующем предложении:

(18) *bitškn̄ tsayān üln̄ tal gügēb̄, gügä jowdž.* = *Бичкн цаһан уул тал гүүһэд, гүүһә[д] йовжс.* ‘К невысокой белой (= священной) горе бегом побежала [она].’ — *Da lief und lief sie nach dem kleinen, schneebedeckten berg zu.* ‘Здесь побежала и побежала она к маленькой, покрытой снегом горе’ [Сказка № 17].

Выражение *цаһан уул* ‘белая гора’ наводит на мысль, что белой гора может быть только от того, что покрыта снегом. Но из контекста предложения выясняем, что гора — *бичкн* ‘маленькая’ (т. е. невысокая), следовательно, снежной она вряд ли может быть. Тогда почему же гора названа белой? Ответ, возможно, найдем, вспомнив культурные и религиозные традиции монголоязычных народов. Почитание гор, поклонение священным горам — древнее явление у многих народов. По преданию, и это описано в «Сокровенном сказании монголов», священная гора, расположенная у истоков реки Онон в Монголии, спасла от смерти Чингис-хана: «Бурхан-халдуном защищена (как щитом) жизнь моя... Будем же каждое утро поклоняться (ползком взбираясь) ей и каждодневно возносить молитвы» [[Сокровенное сказание 2002: 30](#)]. Священной была и *Өл Маңхн цаһан уул* ‘Величественная сизо-белая гора’ в стране Бумба, которая высилась как «средоточие земли и неба» [[Джангар 1990: 197](#)]. Культ гор существовал и на Алтае, где «каждый сеок имел свою родовую гору, которую он считал священной покровительницей рода» [[Потапов 1946: 148](#)]. Высота священной для калмыков горы Богдо, расположенной в Астраханской области, составляет всего лишь 149 м. Исходя из культурных и религиозных традиций, можем констатировать, что лексема *цаһан* используется в значении ‘священный’.

Выражение *цаһан уул* ‘белая гора’ Г. Й. Рамстедт перевел как *ein schneebedecktes Berg* ‘покрытая снегом гора’, что на калмыцкий язык можно перевести как *цасар буркгдсн уул*. Здесь он ошибочно перевел данное выражение, подразумевая, что гора может быть белой только от снега.

Следует отметить, что большее количество словоупотреблений лексемы *цаһан* наблюдается в именах собственных — 57 (56,4 % от общего количества лексемы). *Цаһан* является женским именем. В отличие от лексемы *хар* слово *цаһан* не присутствует в именах богатырей, так как само значение данной лексемы находится в прямой оппозиции к слову *хар*: не мощь и сила заложены в значениях этих антропонимов, а скорее нежность, мягкость, доброта в некоторой степени — слабость в силу юного возраста, поэтому данная лексема присутствует большей частью в женских именах, в том числе божеств, и в именах младших членов семей: *Цаһан Дэрк* (Белая Тара — божество буддийского пантеона), *Бөкн Цаһан* (мужчина), *Гинд Цаһан* (младший брат богатыря Марс Хара), *Нээлхн Цаһан* (мать богатыря Найхала) и др. Из вышеназванного списка имен оним *Бөкн Цаһан* выступает особняком: во-первых, это мужчина, во-вторых, он не относится ни к божествам, ни к младшим членам семьи. Если рассмотреть этимологию слов, то получается следующее: *бөкн* ‘горбатый, горбун’, *цаһан*, возможно, в значении ‘седой’. На немецком языке Г. Й. Рамстедт дает только транслитерацию этих имен.

Таким образом, проанализировав фольклорные тексты Г. Й. Рамстедта, приходим к выводу, что лексема *цаһан* обладает более широким спектром значений, чем это отражено в современных словарях. Она является цветовым определителем предметов, воспринимаемых человеческим зрением, при этом диапазон цвета охватывает оттенки от белоснежного до серого, в немецком языке от ослепительно-белого (*blendendweiß*) до серебряного (*silber*).

В языковой картине мира не только калмыков, но и других монголоязычных народов лексема *цаһан* имеет положительную коннотацию, что детерминировано символикой белого цвета, олицетворяющего чистоту и святость.

На основе анализа фольклорного текста Г. Й. Рамстедта следует дополнить структуру словарной статьи в Калмыцко-русском словаре следующими значениями лексемы *цаһан*:

1. *Перен.* священный, сакральный; используется чаще всего в религиозной лексике: *цаһан ном* ‘священная сутра, священная молитва’. В силу того, что большинство словарей калмыцкого языка было издано в период господства атеизма в советский период, данное значение лексемы *цаһан* не описано в словарной статье.
2. *Перен.* пустой, голый: *цаһан көдэ* ‘голая степь’. Рассматривая данное значение лексемы *цаһан*, можно провести межъязыковую параллель с лексемой *ак* ‘белый’ в алтайском языке: *цаһан көдэ* (калм) — *ак чёл* (алт.) — ‘голая степь’.
3. *Перен.* аристократический; употребляется как социальная принадлежность человека: *цаһан яста кун* ‘знатный человек’.

При переводе на немецкий язык лексемы *цаһан* Г. Й. Рамстедтом в отдельных случаях четко видно различие культур и традиций калмыцкого и немецкого народов.

Литература

- Бакаева 2008 — *Бакаева Э. П.* Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. 189 с.
- Батырева 2017 — *Батырева С. Г.* Войлок в традиционном быту калмыков: художественная обработка // Монголоведение (Монгол судлал). 2017. Вып. 10. С. 154–161.
- Батырева 2019 — *Батырева С. Г.* Войлок в обрядовой культуре калмыков // Монголоведение (Монгол судлал). 2019. Вып. 1. С. 134–145.
- Василевич, Кузнецова, Мищенко 2005 — *Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Цвет и название цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
- Гедеева, Гантулга 2020 — *Гедеева Д. Б., Гантулга Д.* Буддийская символика в системе калмыцких тамг // Монголоведение. 2020. № 1. С. 142–153.
- Давидян 2008 — *Давидян З. О.* Способы перевода цветообозначений с французского языка на испанский // Вестник ВолГУ. Сер. 2. 2008. Вып. 7. С. 134–137.
- Даль 1978 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А-З. М.: Русский язык, 1978. 699 с.
- Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий героический эпос. М.: Наука, 1990. 475 с.
- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Майзина 2008 — *Майзина А. Н.* Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). Горно-Алтайск: Научно-исслед. ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2008. 264 с.
- Низовцева 2017 — *Низовцева С. Г.* Поэтика загадок коми: к вопросу о фольклорных формулах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 2. С. 36–52.
- Потапов 1946 — *Потапов Л. П.* Култ гор на Алтае // Советская этнография. 1946. № 2. С. 145–160.
- Путешествие... 1957 — Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 270 с.
- Пюрбеев 1996 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Пюрбеев 2015 — *Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: культура и язык. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2015. 280 с.
- Санжаев 2004 — *Санжаев Ц. С.* Продуктивные и некоторые биологические особенности верблюдов в условиях Забайкалья: автореф. дис. ... канд. сельскохозяйств. наук. Улан-Удэ, 2004. 24 с.
- Сокровенное сказание 2002 — Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2002. 156 с.
- СРЯ 1961 — Словарь русского языка. Т. IV. С–Я. М.: Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 1088 с.
- ТСРЯ 1935 — Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1935. 1564 с.
- Цултэм 1982 — *Цултэм Н.* Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX в. М.: Изобразительное искусство, 1982. 232 с.
- Эрдниев 1970 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. xxx + 560 s.

References

- Bakaeva E. P. Garments in Kalmyk Culture: Traditions and Symbols. Elista: Gerel, 2008. 189 p. (In Russ.)
- Batyreva S. G. Felt in the ritual culture of the Kalmyks. *Mongolian Studies*. 2019. No. 1. Pp. 134–145. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-1-134-145
- Batyreva S. G. Felt in the traditional life of the Kalmyks: felt crafts. *Mongolian Studies*. 2017. Vol. 10. Pp. 154–161. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2017-10-154-161
- Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 1: A-3. Moscow: Russkiy Yazyk, 1978. 699 p. (In Russ.)
- Davidyan Z. O. Color terms: French-to-Spanish translation means. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2008. No. 7. Pp. 134-137. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks: Late 19th – Early 20th Centuries. Historical-Ethnographic Essays. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. 312 p. (In Russ.)
- Evgenyeva A. P. (ed.) Dictionary of the Russian Language. Vol. IV: С–Я. Moscow: State Publ. House of Foreign and Soviet National Dictionaries, 1961. 1088 p. (In Russ.)
- Gedeeva D. B., Gantulga D. Buddhist symbolism in the system of Kalmyk tamgas. *Mongolian Studies*. 2020. No. 1. Pp. 142–153. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-142-153
- Jangar: Kalmyk Heroic Epic. N. Bitkeev, E. Ovalov (comp., prep., etc.) et al. Institute of World Literature (USSR Academy of Sciences); Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics. Moscow: Nauka, GRVL, 1990. 475 p. (In Kalm. and Russ.)
- Mayzina A. N. Semantic Field of Altaian and Mongolian Color Terms: A Comparative Study. Gorno-Altaysk: Surazakov Institute of Altaic Studies, 2008. 264 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nizovtseva S. G. Poetics of the Komi's riddles: towards folklore formulas. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2017. Vol. 11. No. 2. Pp. 36–52. (In Russ.)
- Potapov L. P. Cult of mountains in the Altay. *Sovetskaya etnografiya*. 1946. No. 2. Pp. 145–160. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. Epic of Jangar: Culture and Language. Elista: Dzhangar, 2015. 280 p. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. Traditional Life of the Kalmyks: An Explanatory Dictionary. Elista: Kalmyk Book Publ., 1996. 176 p. (In Kalm. and Russ.)
- Sanzhaev Ts. S. Camels in Transbaikalia: Productive and Some Biological Peculiarities. Cand.Sc. (Agriculture) thesis abstract. Ulan-Ude, 2004. 24 p. (In Russ.)
- Shastina N. P. (ed.) John of Pian de Carpine and William of Rubruck: Journey to the Eastern Parts. N. Shastina (foreword, comment.). Moscow: Geografiz, 1957. 270 p. (In Russ.)
- The Secret History of the Mongols. S. Kozin (transl.). Moscow: KMK, 2002. 156 p. (In Russ.)
- Tsul'tem N. Arts of Mongolia: Since Ancient Times to the Early 20th Century. Moscow: Izobrazitelnoe Iskusstvo, 1982. 232 p. (In Russ.)
- Ushakov D. N. (ed.) Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1935. 1564 p. (In Russ.)
- Vasilevich A. P., Kuznetsova S. N., Mishchenko S. S. Color and Color Term in the Russian Language. Moscow: KomKniga, 2005. 216 p. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Astrakhan Kalmyks: Sketches of Everyday Life. Ethnographic Observations of 1884-1886. Moscow: M. Volchaninov, 1893. 75 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. xxx + 560 s. (In Germ.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-605-614

Пространственная семантика послелого *деер* в калмыцком языке

Людмила Алексеевна Лиджиева¹, Бамба Эрендженовна Убушиева²,
Жанна Алексеевна Мукабенова³

¹ Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова
(д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0003-4262-5458. E-mail: lidzhieva-la@mail.ru

² Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова
(д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0003-1895-2897. E-mail: ubamba@yandex.ru

³ Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова
(д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

старший преподаватель

 0000-0002-7527-7990. E-mail: zhanna61297@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Лиджиева Л. А., Убушиева Б. Э., Мукабенова Ж. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Настоящая статья посвящена пространственным употреблением послелого *деер* в калмыцком языке. В семантической системе послелогов, образующих послеложные конструкции, открывается сложная область различных отношений. Особое место в монгольских языках занимают пространственные значения послелогов. Послелог *деер* — один из распространенных и продуктивных послелогов в монгольских языках. *Целью исследования* является описание пространственных значений послелого *деер* в калмыцком языке. *Материалом исследования* послужили данные, выбранные из различных словарей, художественных и публицистических текстов, находящихся в Национальном корпусе калмыцкого языка, Калмыцкого национального корпуса, Калмыцкой электронной библиотеки. *Результаты исследования.* Данный послелог отмечен во всех словарях монгольских языков и является одним из распространенных и продуктивных послелогов. Выражает самые разнообразные отношения, вытекающие из его синтаксических связей: пространственные, временные, комитативные, целевые, количественно-ограничительные значения. Наряду с конкретными, реальными отношениями данный послелог в различных речевых ситуациях приобретает дополнительные, иногда весьма абстрактные значения, отталкиваясь от своего основного значения. Подробно рассмотрены пространственные значения послелого *деер* в калмыцком языке. Помимо своего основного значения — расположения или движения

на поверхности, данный послелог обозначает движение или совершение действия над поверхностью объекта без достижения контакта, возле, около ориентира, а также показывает направленность действия. Этот послелог может выражать «событийное пространство». *Выводы.* Анализ пространственных отношений, выражаемых послелогом *deep*, показал многообразие передаваемых значений в различных речевых ситуациях, а также особенности его употребления в калмыцком языке.

Ключевые слова: пространственные отношения, послелоги, средства выражения, калмыцкий язык

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00551 «Категория пространства в монгольских языках: типология и диахрония» и внутривузовского гранта Калмыцкого государственного университета в рамках проекта «Монгольское и тюркское языкознание: традиции и инновации». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Лиджиева Л. А., Убушиева Б. Э., Мукабенова Ж. А. Пространственная семантика послелога *deep* в калмыцком языке // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 605–614. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-605-614

UDC 811.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-605-614

Postposition *deep* in the Kalmyk Language: Spatial Semantics

Liudmila L. Lidzhieva¹, Bamba E. Ubushieva², Zhanna A. Mukabenova³

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0003-4262-5458. E-mail: lidzhieva-la@mail.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0003-1895-2897. E-mail: ubamba@yandex.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Senior Lecturer

 0000-0002-7527-7990. E-mail: zhanna61297@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Lidzhieva L. A., Ubushieva B. E., Mukabenova Zh. A., 2020

Abstract. Introduction. The article examines spatial uses of the postposition *deep* in the Kalmyk language. The semantic system of postpositions that form postpositional constructions comprises a complex area of various relations. A remarkable place in the Mongolic languages is occupied by spatial meanings of postpositions, the postposition *deep* being a most common and productive one therein. **Goals.** The research aims to describe spatial meanings of the postposition *deep* in the Kalmyk language. **Materials.** The work analyzes data selected from various dictionaries, literary and journalistic texts included in the National Corpus of

the Kalmyk Language, Kalmyk National Corpus, and the Kalmyk Digital Library. *Results.* This postposition is mentioned in all dictionaries of Mongolic languages and is a most common and productive lexical unit. It expresses a wide variety of relations resulting from its syntactic ties: spatial, temporal, comitative, target, and quantitative-restrictive values. Along with concrete, real relations this postposition in various speech situations acquires additional, sometimes very abstract meanings based its core seme. The spatial meanings of the postposition *deep* in the Kalmyk language are considered in detail. In addition to its main meaning — location or movement on the surface — this postposition indicates movement or performing an action over the surface of an object without reaching contact, in close vicinity, near a landmark, and also shows the direction of action. This postposition can express ‘event space’. *Conclusions.* The analysis of spatial relations expressed by the postposition *deep* shows a variety of transmitted meanings in various speech situations, as well as features of its use in the Kalmyk language.

Keywords: spatial relations, postpositions, means of expression, Kalmyk language

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-012-00551 ‘The Category of Space in the Mongolic Languages: Typology and Diachrony’, and Gorodovikov Kalmyk State University, research grant project ‘Mongolic and Turkic Linguistics: Traditions and Innovations. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Lidzhieva L. L., Ubushieva B. E., Mukabenova Zh. A. Postposition *deep* in the Kalmyk Language: Spatial Semantics. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 605–614. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-605-614

Введение

Известно, что для монгольских языков характерно широкое употребление послелогов. В семантической структуре данных служебных слов, образующих послеложные конструкции, наблюдается сложная область различных отношений, выражающих понимание самых разнообразных связей между предметами, состояниями и действиями в реальной действительности.

Пространственные отношения являются наиболее значимыми для языка. Каждый язык выработал целый набор определенных лексических и морфологических средств отражения окружающего нас пространства (существительные, прилагательные, наречия, послеложные конструкции, местоимения, глаголы, глагольные формы и др.). По замечанию О. Н. Селиверстовой, «каждый язык располагает средствами интерпретировать одну и ту же ситуацию сознания множеством разнообразных способов. Центральной задачей лингвистики является изучение этих средств и их функций» [Селиверстова 1982: 13]. Таким образом, в каждом языке существует специфическая система обозначения направления движения или местонахождения предмета.

В монгольских языках пространственные отношения рассматривались в связи с изучением послеложных конструкций, глаголов движения, семантики падежных форм [Пюрбеев 1993; Трофимова 1989; Бадмаев 2002; Харчевникова 2006; Шойжонова 2007; Убушиева 2013; Лиджиева 2017] и др.

Системе многих языков характерна многозначность послелогов. Это связано с тем, что «семантические объемы их семем перегружены, и это является

причиной образования в языке новых единиц — производных послелогов или их функциональных аналогов, первоначально однозначных, и лишь в течение длительного функционирования становящихся ... многозначными» [Лиджиева 2017: 23].

В данной статье рассматривается пространственная семантика многозначного послелого *деер* в калмыцком языке. Это один из распространенных и продуктивных послелогов в монгольских языках, который выражает самые разнообразные отношения, вытекающие из его синтаксических связей: пространственные, временные, комитативные, целевые, количественно-ограничительные значения. Наряду с конкретными, реальными отношениями данный послелог в различных речевых ситуациях приобретает дополнительные, иногда весьма абстрактные значения, отталкиваясь от своего основного значения. Материалом исследования послужили данные, извлеченные из избранных старописьменных памятников, различных словарей, а также национальных корпусов калмыцкого языка и калмыцкой электронной библиотеки.

Пространственные значения послелого *деер*

В «Этимологическом словаре монгольских языков» отмечается наличие данного послелого в следующих монгольских языках: *degere* (*dege-re) — халх. *дээр*, бур. *дээрэ*, калм. *деер*, бао. *дэбоң*, даг. *дэр*, дунс. *джэирэ*, мнгр. *дере* ‘наверху, высоко; на; лучше’ [ЭСМЯ, I 2015: 180].

По мнению Г. Д. Санжеева, «наречие-послелог *дегере* представляет собою образование от омертвелого ныне корня *деге-* плюс *-ре*, т. е. элемент, входящий в состав указательного местоимения *тере* ‘тот’ и ряда наречий-послелогов: *доура* ‘внизу’, *джагура* ‘в пути’ и др. [Санжеев 1953: 221].

Данный послелог отмечен во всех словарях монгольских языков [Ramstedt 1935; Позднеев 1911; БАМРС, 2 2001; КРС 1977; БРС, 1 2010; и др.]. Например: *mörn dēr³ qarxa* ‘садиться на коня’¹ [Ramstedt 1935: 91]; *nüčūken yazar dēre bičigei kekte* ‘не лежи на голой земле’ [Позднеев 1911: 68]; *čotoni noyon ger dēreni irebe* ‘Цотон нойон пришел к дому’ [Позднеев 1911: 140]; монг. *зам дээр буув* ‘остановился у дороги’ [БАМРС, 2 2001: 118].

В старописьменных памятниках он встречается в значениях местонахождения на поверхности, а также указывает направленность действия на поверхность предмета. Например:

– среднемонг. *dabaan deere nikan hulaan deeltu eme kuun* ‘На перевале (стояла) женщина в красном халате’ [СС 1941: 240, § 146]; *Bekter huldun deere širqa aqtatan yesun mori qaraju* ‘Бектер в это время стерег на холме девять соловых мерингов’ [СС 1941: 213, § 77]; *nikan udur Duwa-Soqor Dobun-Merkan deu-lue-been Burqan-qaldun deere qarba* ‘Однажды Дува-Сохор, вместе со своим младшим братом Добун-Мергеном, взобрался на Бурхан-халдун’ [СС 1941: 203, § 5];

– класс. *Taryutai-yi tergen degere unayulju* ‘Таргутая уронила на телегу’ [АТ 1992: 50, 1616–1617]; *tayičiyud Onan-u ergi degere qurimlalduju naran šinggebesü ele tarqabai* ‘Тайдчиудцы праздновали веселым пиршеством на крутом берегу Онона и разошлись, когда уже зашло солнце’ [АТ 1992: 14, 586–587]; *ene qoyar söni čayan šongqor naran saran qoyar-i: adqun niscü irejü, yar*

¹ Здесь и далее перевод авторов.

degere minu bayuba ‘Мне приснилось, будто спустился ко мне на руку белый сокол, зажавший в когтях солнце и руку’ [АТ 1992: 10, 429–430].

Подробно остановимся на пространственных значениях послелого *деер* в калмыцком языке, который управляет именительным падежом.

I. Первое значение послелого *деер* связано с местонахождением на поверхности

а) нахождение объекта на горизонтальной поверхности (контактное расположение):

(1) *Герин маштг кирлцэн деер дөрвн, тавн куукд баглад сууцхаж.*

Гер=ин	маштг	кирлцэн	деер	дөрвн,
Дом-Gen	низкий-Adj	крыльцо-Nom	на-Post	четыре-Num
тавн	күн	баглр-ад	суу-цха-ж.	
пять-Num	человек-Nom	собираться-Cvb.Ant	сидеть-Plr-Evd.	

‘На низком крыльце дома сидели четыре–пять человек’.

[НККЯ: Эрнжэнэ Константин. Халан хадл]

б) нахождение объекта на вертикальной поверхности (контактное расположение):

(2) *Гер дотр, ордг үүднэ хажуд, эрс деер телефон өлгэтэ билэ.*

Гер	дотр,	ор-дг	үүдн-э	хажуд,
Дом-Nom	в-Post	входить-Пtcp.Nab	дверь-Gen	возле-Post
эрс	деер	телефон	өлг-этэ	билэ.
стена-Nom	на-Post	телефон-Nom	вешать-Пtcp.Pass	быть-Rem.

‘В доме, возле двери, на стене висит телефон’.

[КНК: Илүмжин Николай. Ө-шуһу модна һазрт]

в) в калмыцком языке данный послелог может выражать значение нахождения объекта в большом размере пространства. При этом, по словам О. Н. Селиверстовой, «обнаруживается допустимость разного осмысления денотатов таких слов, как *небо, море, океан, болото, поле*» [Селиверстова 2000: 196]. Из данного примера видно, что нет определенных требований к небу как плоскости или объему:

(3) *Теңгр деер, хол, түмн оддуд гилвкнэ.*

Теңгр	деер,	хол,	түмн	
Небо-Nom	на-Post	далеко-Adv	десять тысяч-Num	
од-д-уд	гилвк-нэ.			
звезда-Pl	светиться-Prs.			

‘На небе, далеко, сияют множество звезд’.

[КЭБ. Сусен Аксен. Теегин үрн]

II. Послелог *деер* указывает на место совершения действия

а) совершение действия или движение в пространстве на горизонтальной поверхности с достижением контакта:

(4) *Хаалһ деер дөрвн хурдн мөрн көндрв.*

Хаалһ	деер	дөрвн	хурдн	
Дорога-Nom	на-Post	четыре-Num	быстрый-Adj	

мөрн кэндр-в.
 лошадь-Nom двигаться-Pst.
 ‘По дороге движутся четыре быстрые лошади’.

[КЭБ. Сусен Аксен. Шин жирһл угтад]

б) движение на поверхности, где объектом выступают географические названия — уул ‘гора’, хад ‘скала’, толһа ‘курган’, өөдм ‘возвышенность’ и т. п.:

(5) Энд хол талвң бээнэ, уул деер бумб тэвгдэж:

Эн-д	хол	талвң	бээ-нэ,
Здесь-Pron-Dat	главный-Adj	площадь-Nom	быть-Pst
уул	деер	бумб	тэв-гд-ж.
гора-Nom	на-Post	памятник-Nom	ставить-Pass-Evd.

‘Здесь находится главная площадь, на горе поставили памятник’.

[КНК: Хальмг үнн]

в) движение объекта над определенной поверхностью (отсутствие контакта). Локализуемый объект занимает позицию выше ориентира, показывая при этом отсутствие контакта. При этом необязательно, чтобы поверхность являлась плоским объектом:

(6) Мамайин өөдм деер утан цоонград, теңгриг кевтнь бүтэчкн бээнэ.

Мамай-ин	өөдм	деер	утан
Мамай-Gen	возвышенность-Nom	над-Post	дым-Nom
цоонгр-ад	теңгр-иг	кевтнь	
подниматься вверх-Cvb.Ant	небо-Acc	целиком-Adv	
бүт-э-чк-сн	бээ-нэ.		

заполняться-Caus-Compl-Ptcp.Pst становиться-Prs.

‘Над Мамаевым курганом дым, поднявшись вверх, полностью заполнил небо’.

[КНК: Илүмжин Николай. Абиль]

г) движение или совершение действия около ориентира:

(7) Хөд оңһц деер улм дарцад-хэргэд бээнэ.

Хө-д	оңһц	деер	улм
Овца-Pl	корыто-Nom	возле-Post	еще-Adv
дарц-ад-хэрг-эд		бээ-нэ.	
толпиться--Cvb.Ant-давиться-Cvb.Ant		быть-Pst	

‘Овцы у корыта стали еще сильнее давиться’.

[КЭБ. Манжин Нимгр. Ик герин бичкн эзн]

III. Направленность действия относительно ориентира

а) направленность на верхнюю сторону ориентира (горизонтальную поверхность) с достижением контакта:

(8) Умшлч, гийэд Батан өөрк диван деер суув.

Умш-л-ч,	гий-эд	Бата-н
Читать-Imp-Part.Emph-Per2Part	говорить-Cvb.Ant	Бата-Gen
өөр-к	диван	деер суу-в.
находящийся возле-Post	диван-Nom	на-Post сидеть-Pst

‘Прочитай-ка, сказав так, [он], он сел на диван, находящийся возле Баты’.

[КНК: Эрнжэнэ Константин. Һалан хадһл]

б) направленность на поверхность объекта (не обязательно плоский):

(9) *Уулын ора деер харч харв.*

Уул-ын	ора	деер	хар-ч	хар-в.
Гора-Gen	вершина-Nom	на-Post	выходить-Cvb.Ipfv	смотреть-Pst.

‘Взобравшись на вершину горы, (он) стал пристально смотреть’.

[КРС 1977: 400]

в) направленность к определенному объекту:

(10) ... *үкрмүд гер деер күрч ирв*

... үкр-мүд	гер	деер	күр-ч	ир-в.
Корова-Pl	дом-Nom	к-Post	доходить-Cvb.Ipfv	приходить-Pst

‘... коровы пришли домой (к дому)’.

[КЭБ. Манжин Нимгр. Ик герин бичкн эзн]

IV. Отдельно следует отметить значение послелого *деер*, которое обозначает «событийное пространство» [Селиверстова 2000: 200]. В данном случае отмечаются представления о площадках, где распределены объекты, связанные с описываемым пространством, например на базаре, станции, собрании, встрече и т. д.

(11) *Альк базр деер эн зэңг келв?*

Альк	базр	деер	эн
Какой-Прон	базар-Nom	на-Post	этот-Прон

зэңг кел-в?
новость-Асс говорить-Pst?
‘На каком базаре сказали эту новость?’.

[НККЯ: Эрнжэнэ Константин. Һалан хадһл]

(12) *Олна хург деер хэлэх төрмүд хаһлгдв.*

Олн-а	хург	деер	хэлэ-х.
Много-Gen	собрание-Nom	на-Post	смотреть-Ptcp.Fut

төр-мүд хаһл-гд-в.т
тема-Pl решать-Pass-Pst.
‘На общем собрании были рассмотрены поставленные проблемы’.

[КЭБ: Нармин Морхаж. Манц хол]

Также в калмыцком языке значение данного пространства может соотноситься со словами *хотн* ‘хотон’, *балһсн* ‘город’. Так как населенные пункты ассоциируются с закрытым, внутренним пространством, то послелог *деер* выступает в значении ‘в, внутри’.

(13) *Балһсн деер көдлдг орм уга болву?*

Балһсн	деер	көдл-дг	орм	
Город-Nom	в-Post	работать-Ptcp.Hab	место-Nom	уга бол-в-у?

Нет-Neg быть-Pst-Q?

‘В городе не было работы?’.

[КЭБ: Бадмин Алексей. Усна эхн — булг]

(14) *Нег цагт, ик кезэнэ, мана хотн деер тиим догшн аюл болсн юмн.*

Нег	цаг-т,	ик	кезэнэ,
Один-Num	время-Dat	большой-Adj	давно-Adv
ма-на-	хотн	деер	тиим
Я-Gen	хотон-Nom	в-Post	такой-Pron
догшн	аюл	болсн	юмн.
свирепый-Adj	стихия-Nom	становиться-Ptcp.Pst	есть-Part.Aff.

‘Однажды, очень давно, в нашем хотоне была такая стихия’.

[НККЯ: Сэн-Белгин Хаср. Дурн болн дун]

Заключение

Функциональная дистрибуция послелого *деер* в калмыцком языке обнаруживает разнообразие и многозначность пространственных отношений. Наряду с конкретными, реальными значениями, данный послелог в различных речевых ситуациях приобретает дополнительные, отталкиваясь от своего основного значения. Основное значение послелого связано с нахождением на поверхности (горизонтальной, вертикальной), где прослеживаются отсутствие или наличие контакта. Совершение действия отмечается не только на поверхности, но и над определенным пространством (бесконтактное движение), а также около, возле определенного ориентира. Отдельно выделены значения направленности действия. Отмечается наличие значений, которые связаны с «событийным пространством».

Сокращения

бао. — баоаньский, бур. — бурятский, даг. — дагурский, дунс. — дуньсянский, калм. — калмыцкий, класс. — классический монгольский, мнгр — монгорский, среднемонг. — среднемонгольский, халх. — халхасский
 Acc — аккузатив, Adj — прилагательное, Adv — наречие, Caus — каузатив (побудительный залог), Compl — законченный вид, Cvb.Ant — разделительное деепричастие, Cvb.Ipfv — соединительное деепричастие, Dat — датив, Evd — прошедшее результативное время, Gen — генитив, Imp — императив, Neg — отрицание, Nom — номинатив, Num — числительное, Part — частица, Part. Emph — усиленная частица, Part.Aff — подтверждающая частица, Pass — пассив (страдательный залог), Per2Part — лично-предикативная частица 2-го лица ед. ч., Pl — множественное число, Plr — глагольная множественность, Post — послелог, Pron — местоимение, Prs — настоящее время, Pst — недавнопрошедшее время, Ptcp.Fut — причастие будущего времени, Ptcp.Hab — многократное причастие, Ptcp.Pass — страдательное причастие, Ptcp.Pst — причастие прошедшего времени, Q — вопросительная частица, Rem — преждепрошедшее время

Источники

- AT 1992 — Hans. Petet Vietze, Gendeng Lubsang. Altan Tobči. Text und Index. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1992. 278 p.
 НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://kalmcorp.org.ru/> (дата обращения: 25.08.2020).
 НКК — Калмыцкий национальный корпус [электронный ресурс] // URL: <http://webcorp.org.net/> (дата обращения: 25.08.2020).
 КЭБ — Калмыцкая электронная библиотека [электронный ресурс] // URL: <http://halmglib.org/> (дата обращения: 25.08.2020).

СС 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol=un niγuča tobčiyān*. Юань чао би ши. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.

Sources

Kalmyk Digital Library. Available at: <http://halmglib.org/> (accessed: August 25, 2020). (In Kalm.)

Kalmyk National Corpus. Available at: <http://web-corpora.net/> (accessed: August 25, 2020). (In Kalm.)

Kozin S. A. The Secret History of the Mongols: Mongolian Chronicle of 1240 Titled *Mongγol-un niγuča tobčiyān*. *Yuáncháo bīshǐ*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 620 p. (In Russ.)

National Corpus of the Kalmyk Language. Available at: <http://kalmcorporu.ru/> (accessed: August 25, 2020). (In Kalm.)

Vietze H.-P., Lubsang G. Altan Tobči. Text und Index. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1992. 278 p. (In Eng.)

Литература

Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. xxx + 560 s.

Бадмаев 2002 — *Бадмаев Б. В.* Проблема служебных частей речи в современном калмыцком языке: послелогои // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Сб. науч. ст. Вып. 1. М.; Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2002. С. 90–112.

БАМРС, 2 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. Т. 2. М.: АCADEMIA, 2001. 536 с.

БРС, 1 2010 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во АОА «Республиканская типография», 2010. 636 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Лиджиева 2017 — *Лиджиева Л. А.* Послелогои калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. 143 с.

Позднеев 1911 — *Позднеев А. М.* Калмыцко-русский словарь. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 306 с.

Пюрбеев 1993 — *Пюрбеев Г. Ц.* Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. М.: Наука, 1993. 304 с.

Санжеев 1953 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 241 с.

Селиверстова 1982 — *Селиверстова О. Н.* Предикаты «нахождения в пространстве» // Сематические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 146–151.

Селиверстова 2000 — *Селиверстова О. Н.* Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000. С. 189–242.

Трофимова 1989 — *Трофимова С. М.* Падежно-послеложные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты. Новосибирск: Наука, 1989. 95 с.

Убушиева 2013 — *Убушиева Б. Э.* Лексика калмыцких народных песен (когнитивно-семантический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2013. 27 с.

Харчевникова 2006 — *Харчевникова Р. П.* Функциональный аспект исследования категории падежа в современном калмыцком языке // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Сб. науч. ст. Вып. 2. М.; Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 45–65.

Шойжонова 2007 — *Шойжонова Д. Б.* Послелогои и послеложные слова в современном бурятском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2007. 29 с.

ЭСМЯ, 1 2015 — Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Том I. А–Е. / гл. ред. Г. Д. Санжеев; ред. Л. П. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.

References

- Badmaev B. V. Auxiliary parts of speech in modern Kalmyk: postpositions. In: Tenishev E. R. (ed.) *Issues of Kalmyk Theoretical Grammar. Collected Scholarly Articles. Vol. 1.* Moscow, Elista: Kalmyk State University, 2002. Pp. 90–112. (In Russ.)
- Kharchevnikova R. P. Investigating the category of case in modern Kalmyk: functional aspect. In: Kharchevnikova R. P., Esenova T. S., Badmaev B. V. (eds.) *Issues of Kalmyk Theoretical Grammar. Collected Scholarly Articles. Vol. 2.* Moscow, Elista: Kalmyk State University, 2006. Pp. 45–65. (In Russ.)
- Lidzhieva L. A. *Kalmyk Postpositions: A Comparative Historical Perspective.* Elista: Kalmyk State University, 2017. 143 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary.* Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pozdneev A. M. *Kalmyk-Russian Dictionary.* St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 306 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pyurbеev G. Ts. *Comparative Historical Studies of Mongolic Grammars: Syntax of Word Combinations.* Moscow: Nauka, 1993. 304 p. (In Russ.)
- Luvsandendeв A., Pyurbеev G. Ts. (eds.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary.* In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Ramstedt G. J. *Kalmückisches Wörterbuch (A Dictionary of Kalmyk).* Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. XXX + 560 p. (In Kalm. and Germ.)
- Sanzheev G. D. *Comparative Grammar of Mongolic Languages. Vol. 1.* Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. 241 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etymological Dictionary of Mongolic Languages.* In 3 vols. Vol. I: A – E. G. Sanzheev et al. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong. and Russ.)
- Seliverstova O. N. Predicates of ‘spatial locations’. In: Seliverstova O. N. *Sematic Types of Predicates.* Moscow: Nauka, 1982. Pp. 146–151. (In Russ.)
- Seliverstova O. N. Semantic structure of the preposition *на*. In: Paia D., Seliverstova O. N. (eds.) *Studies in Semantics of Prepositions.* Moscow: Russkie Slovari, 2000. Pp. 189–242. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryat-Russian Dictionary.* In 2 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Shoyzhonova D. B. *Postpositions and Postpositional Lexemes in Modern Buryat.* Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2007. 29 p. (In Russ.)
- Trofimova S. M. *Mongolic Declensional-Postpositional Constructs and Their Russian Equivalents.* Novosibirsk: Nauka, 1989. 95 p. (In Russ.)
- Ubushieva B. E. *Vocabulary of Kalmyk Folk Songs: A Cognitive-Semantic Aspect.* Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Elista, 2013. 27 p. (In Russ.)

УДК 81=512.31

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-615-624

Языки и диалекты национальных меньшинств Хулун-Буира как объект исследования

Базар Догсонович Цыбенков¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Цыбенков Б. Д., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению языков некоторых национальных меньшинств, проживающих в городском округе Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия КНР. Исследование представляется актуальным, поскольку затрагивает ряд малоизвестных в отечественном монголоведении языковедческих вопросов. Основной *целью* исследования является рассмотрение некоторых аспектов языковедческого изучения в публикациях южномонгольских авторов. *Материалами* исследования явились научные работы южномонгольских исследователей Боусяна, Энхэбату, Цэбэрхас, Урангуа, Юй Шаня, Сэрэнбату. *Результаты.* Существующее ныне деление на языки и диалекты имеет некоторые расхождения в Китае и России, которые, очевидно, требуют выработки единого общепринятого стандарта. Старобаргутский диалект, сохраняющий ряд забытых в других современных монгольских языках слов, требует продолжения сравнительно-сопоставительного изучения. Даурский язык и его диалекты плодотворно изучаются филологами. Выяснено, что большое внимание исследователи уделяют сравнительному анализу даурского языка с монгольским, особенностям хайларского и бутхаского диалектов даурского языка. *Выводы.* Для создания полноценной картины языковой ситуации в Хулун-Буире отечественным филологам необходимо в содружестве с историками и этнографами разрешить ряд вопросов, связанных со стандартизацией языков и диалектов региона, и начать комплексное изучение научных разработок исследователей Внутренней Монголии. В целом языки и диалекты Хулун-Буира, как показывает наше предварительное изучение, представляют собой перспективное исследовательское направление в отечественном монголоведении.

Ключевые слова: языки, диалекты, Хулун-Буир, баргуты, дауры, статьи, сравнительные исследования

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00344 «Духовная культура национальных меньшинств Хулун-Буира: письменные источники и современная историография проблемы». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции

«Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Цыбенков Б. Д. Языки и диалекты национальных меньшинств Хулуи-Буира как объект исследования // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 615–624. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-615-624

UDC 81=512.31

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-615-624

Ethnic Minorities of Hulun Buir: Languages and Dialects as an Object of Research

*Bazar D. Tsybenov*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Tsybenov B. D., 2020

Abstract. *Introduction.* The article examines languages of some national minorities living in the Hulun Buir Urban District of the Inner Mongolia Autonomous Region (PRC). The study is relevant since the Han majority subjects national minorities to strong linguistic assimilation. Timely study of the languages and dialects of this region is necessary for a comparative analysis with the languages of the Mongolic and Tungus-Manchu peoples living in Russia. *Goals.* The research primarily aims to examine some aspects of linguistic studies in publications of Inner Mongolia's philologists. The work solves the following tasks: 1) review of languages and dialects of Hulun Buir ethnic groups, including in publications of Russian researchers; 2) research of some works dealing with the Old Barga dialect of the Mongolian language; 3) analysis of publications on the Dagur language and one scientific article about the Evenki language. *Materials.* The article analyzes scientific works of researchers from Inner Mongolia, such as Bousian, Enkhabatu, Tseberkhas, Urangua, Yu Shan, Serenbatu. *Results.* The existing division into languages and dialects has some differences in China and Russia. This unequal linguistic status requires the development of a single generally accepted standard. The Old Barga dialect has preserved a number of words from the language of medieval Mongols. This Barga dialect also borrowed some words from Manchu, Japanese and Russian. Philologists of Inner Mongolia actively study the Dagur language and dialects. They carry out comparative analyses of the latter and Mongolic languages, identify features of the Hailar and Butcha dialects of the Dagur language. So, scientists conducted a sociological survey on whether the Daur people know their native language, as well as Mongolian and Chinese. Professor Serenbat analyzed Evenki verb endings in comparison with Mongolian, Manchu and Dagur ones. *Conclusions.* The important issue is a standardization of languages and dialects of the region. It must be done in accordance with generally accepted standards in Russia and China. Russian philologists should begin comprehensive studies of the scientific developments of Inner Mongolia's researchers. The study of the historiography of languages and dialects of Hulun Buir has great prospects.

Keywords: languages, dialects, Hulun Buir, Barga Mongols, Daur, articles, comparative studies

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-09-00344 ‘Spiritual Culture of Hulun Buir National Minorities: Written Sources and Contemporary Historiography of the Issue’, state reg. no. AAAA-A20-120052290031-7.

The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Tsybenov B. D. Ethnic Minorities of Hulun Buir: Languages and Dialects as an Object of Research. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 615–624. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-615-624

Понятие «духовная культура» многогранно, оно также включает в себя и язык этноса. Собственно, язык является основой, где хранятся и развиваются духовные ценности (устное народное творчество, обычаи и традиции и др.). Поэтому в рамках изучения темы «Духовная культура национальных меньшинств Хулун-Буира: письменные источники и современная историография проблемы» мы решили затронуть вопрос о языках и диалектах, распространенных в этом регионе. В нем проживают такие интересующие нас национальные меньшинства, как монголы, дауры, эвенки, русские. К монголам Хулун-Буира относятся баргуты (новые и старые), буряты, олеты, а также хорчины, харчины и представители других южномонгольских этнических групп, прибывшие в регион в XX в. Они, соответственно, говорят на своих диалектах. Язык баргутов и бурят зачастую объединяют в один, баргу-бурятский, диалект монгольского языка. В свою очередь баргуты говорят на двух диалектах: новобаргутском и старобаргутском. Язык олетов Хулун-Буира, по мнению носителей языка, сохранил основные черты ойратского языка. Их язык, очевидно, относится к маньчжурскому говору олетского диалекта. Дауры в городском округе Хулун-Буир представлены двумя этнотерриториальными группами: хайларские и бутхаские, каждая из которых говорит на своем диалекте. Эвенками являются солоны, ороконы, хамниганы и эвенки-яко, проживающие как в степных, так и в горно-таежных местностях Прихинганья. Если следовать официальному делению эвенков КНР на два этноса — солонгов и ороконов, то, вероятно, можно говорить о двух самостоятельных языках — солонском и ороконском. Язык эвенков-яко можно отнести к диалекту солонского языка. Хамниганы же говорят на маньчжурском диалекте хамниганского языка, относящегося к монгольской группе языков. В то же время есть сведения, что они двуязычны и продолжают использовать хамниганский диалект эвенкийского языка. Русские (в большинстве своем потомки смешанных русско-китайских браков) проживают в городском уезде Эргуна. Бытует мнение, что около 100–150 «полукровок» еще говорят на русском языке. Последний представляет собой забайкальский диалект и сохраняет лексические особенности, присущие довоенному русскому языку [Забияко, Забияко 2017: 25–26]. В целом, как мы видим, отдельно можно рассмотреть и проблему соотношения языков и диалектов национальных меньшинств Хулун-Буира. Ситуация здесь выглядит несколько

запутанной в силу других определений и статусов, применяемых в Российской Федерации. Поскольку, например, в России буряты, как и калмыки, являются самостоятельным этносом, и большинство хамниган ныне причисляют себя к этому этносу. Российские эвенки, проживающие на обширной территории Сибири и Дальнего Востока, представляют, в отличие от китайских собратьев, единый этнос. Поэтому возникает необходимость в прояснении и разрешении этих и других, подобных вопросов.

Язык монголов и дауров Внутренней Монголии (включая Хулун-Буир) достаточно изучен в отечественном монголоведении, во многом благодаря работам калмыцкой исследовательницы Б. Х. Тодаевой [Тодаева 1960; Тодаева 1981; Тодаева 1985; Тодаева 1986]. В начале XXI в. языки национальных меньшинств Хулун-Буира продолжают вызывать интерес у российских ученых. Так, бурятские исследователи, среди которых есть и ученики профессора В. И. Рассадина, провели сравнительное изучение бурятского и баргутского языков [Афанасьева 2006; Бадмаева 2012; Бухоголова 2015], бурятского и даурского языков [Рассадин 2004; Бадагаров 2013]. В соавторстве с монгольскими и китайскими коллегами они выявили тунгусо-маньчжурский пласт в даурском языке [Цыбенков, Энбадрах 2017], составили даурско-русский словарь [Тумурдэй, Цыбенков 2014]. Научным сотрудником Института лингвистических исследований РАН Н. Я. Булатовой были введены в научный оборот новые материалы по языку эвенков-солонгов [Булатова 2013]. Таким образом, можно констатировать, что исследования, начатые А. О. Ивановским, Н. Н. Поппе, Б. И. Панкратовым, В. И. Цинциус и другими российскими учеными, продолжаются и сегодня.

В настоящей работе мы кратко освещаем некоторые доступные нам публикации современных авторов, в основном филологов из Внутренней Монголии. Они посвящены изучению языков старых баргутов, дауров и эвенков. Рассмотрение начнем со старобаргутского диалекта монгольского языка. Так, в работе китайского монголоведа Боусяна проведено изучение раннемонгольских слов, сохранившихся в этом диалекте. В 1980 г. он проводил полевые исследования старобаргутского диалекта в Хулун-Буире, в 1988–1989 гг. во время пребывания в Японии подготовил и издал там статью в материалах одной конференции. В 1990 г. Боусян переиздал статью на монгольской письменности в «Научном журнале университета Внутренней Монголии». В работе он анализирует ряд старобаргутских слов (*хэмэс*, *ниутагфин*, *бэдэ:р*, *туга:р*, *ху:н*, *мулиу:* и др.), восходящих, по его мнению, к языку ранних монголов. Так, слово *хэмэс* (*хомош*), имеющее в старобаргутском диалекте значение ‘монгольский нож’, восходит к *sotoči kituγ-a*, упоминающемуся в § 80 в «Сокровенном сказании монголов». Очевидно, здесь речь идет о разновидностях ножей, использовавшихся средневековыми монголами. Как объясняет исследователь, в результате дальнейшего развития начального *s* и конечного *č(i)* в обозначении вышеуказанного термина появились новые согласные *x* и *f*. Таким образом, старобаргутский термин *хэмэс* является исконно монгольским и в силу обстоятельств сохранился только в языке старых баргутов [Bousiyang 1990: 15–16]. По нашему предположению, это название, несколько видоизмененное, могли сохранить и буряты. В частности, по данным информанта — закаменского буряты, раньше в детстве

он слышал, как буряты говорили *хумаша*. Под ним понимался нож небольшого размера, узкий и острый. Как полагает информант, он использовался охотниками для снятия и выделки шкурок небольших зверей (белок, зайцев), овец и коз. Само слово *хумаша* указывает на стрелу (бур. *хомо(-н)*; монг. *сум*). Возможно, средневековые монгольские воины, имевшие в своих колчанах комплект из 30 стрел различного назначения, с маркировкой (в дальних походах даже два комплекта), обязательно имели такой нож для общипки древка стрел [ПМА: Батуев]. Слова, встречающиеся в старобаргутском диалекте, имеются в примечаниях к главам в художественном произведении Урансайхана и Дэлгэра под названием «Лебеди рядом с юртой». В предисловии говорится, что в этом романе сокрыта тайна «100-летнего одиночества» рода хурлат. Тайну хранят два одинаковых камня размером со ступицу колеса баргутской повозки, которые находятся рядом с небольшой горой в верхней части Баргузинской долины (территория Республики Бурятия. — Б. Ц.) [Uransayiqan, Delger 2008: 4]. Заметим, что в названии романа отражено почитание лебедя родом хурлат. Среди родов старых баргутов культ лебедя особо характерен для этого рода. В ряде случаев его даже называют *хун шувуу хурлат*, увязывая этноним с названием лебедя [ПМА: Пурэв]. В примечаниях к главам имеются следующие слова: *ташигуй* ‘школа’, *дэгэгулун* ‘подпрыгнув’, *нус гэсэн* ‘что-либо короткое’; *гоомай* ‘опасный, безрассудный’ [Uransayiqan, Delger 2008: 31], *монторхой* ‘похожий на мяч’; *зайсан* ‘богатый’, *у-ту* ‘очень мало’, *Ание* ‘новый год по лунному календарю’, *хунхэ* ‘доблесть’ и др. Встречаются также наименования чиновничьих рангов, японские (*очияномичу* ‘вода для чая’) и русские слова (*senter* ‘центр’, основа; от рус. *центр*), названия болезней, топонимы, этнонимы [Uransayiqan, Delger 2008]. Вероятно, в различные периоды истории старых баргутов (строительство русскими Китайско-Восточной железной дороги, проникновение японцев в годы Маньчжоу-Го) в их язык проникали и на определенное время закреплялись новые иноязычные термины. Можно заметить, что ряд слов старобаргутского диалекта сближается с даурскими: *ташигуй*, *Ание*, *хунхэ* [Тумурдэй, Цыбенев 2014] — и имеет маньчжурскую языковую основу.

Маньчжурское влияние на малочисленные этносы северо-востока Китая, особенно на дауров, было сильным. Так, в статье даурского филолога Энхэбату говорится о написании даурской интеллигенцией в Цинский период особых сочинений на маньчжурской письменности. Их особенность состояла в том, что дауры писали тексты на даурском языке маньчжурским письмом. В XIX в. даурский поэт Аола Ченсян усовершенствовал систему записи даурских слов посредством маньчжурского письма. Основываясь на таких трудах, как «Сборник стихов Аола Ченсяна» и «Сравнительный маньчжурско-китайско-даурский словарь», Энхэбату провел изучение почти 200-летней истории и эволюции правил написания даурских текстов на маньчжурском письме [Engkebatu 1994]. Несмотря на тесное взаимодействие с маньчжурами, дауры сохранили свою самобытную культуру и язык, в котором, по данным профессора Хулун-Буирского университета Юй Шаня, более 50 % слов являются исконно даурскими. Как он отмечает в своей статье, около 40 % даурских слов близки монгольским; менее 10 % составляют слова, заимствованные из тунгусо-мань-

чжурских и китайского языков. Юй Шань представляет вниманию читателей четыре таблицы, из которых самой обширной является четвертая таблица, содержащая исконно даурские слова [Iui Šan 2004: 70–72]. Сравнительным изучением даурского и монгольского языков занимается филолог Цэбэрхас. В частности, одна из ее ранних статей [Čeberqas 2004] посвящена сравнительному анализу гласных звуков в начале слова в даурском и монгольском языках. Анализ основан на хайларском диалекте даурского языка, с использованием бутхаского и цицикарского диалектов. Исследовательница выделяет 70 даурских слов с гласным *a* в начале слова, 50 слов — с *э*, 31 слово — с *и*, 41 слово — с *о*, 34 слова — с *у*, 24 слова — с *ө*, 33 слова — с *у*. В итоге выяснено, что из 280 даурских слов 112 (40 %) имеют одинаковые значения с монгольскими; 82 слова (29,3 %) близки по значению монгольским словам. 86 даурских слов (30,7 %) с гласными в начале слова не имеют аналогов в монгольском языке [Čeberqas 2004: 64]. В другой публикации Цэбэрхас указывает на относительно разные значения одинаковых слов в даурском и монгольском языках. Например, *даага(н)* в монгольском языке означает двухлетнего жеребенка. Даурское слово *дааг* указывает на жеребенка (до одного года). К тому же в даурском языке встречаются такие определения, как *морий дааг* (досл. ‘жеребенок лошади’), *эллиг дааг* (‘осленок’). К другим, имеющим разные значения, словам относятся *хүмэл* (монг. ‘лук монгольский’) — *кумбил* (даур. ‘кипрей волосистый мохнатый’); *будуун*, *дэржээ*, *итоо*, *марах* — *мэрэх*, *бээрэх*, *самуун* — *само*, *эмгэн* — *эмгун* и др. [Čeberqas 2009: 66–68]. Еще одна статья Цэбэрхас основана на полевых исследованиях бутхаского диалекта даурского языка, проведенных в июле 2008 г. Так, исследовательница из 1 600 специально отобранных слов даурского языка выделяет 177 слов (11,1 % от всех слов), имеющих диалектные особенности. В частности, прослежены следующие переходы: $l + \text{ɟ} \rightarrow l + l$ (*bɔ:lɟ* → *bɔ:l* (блевать)¹, *galdɟo:* → *gallo:* (бешеный), *ɟildɟiy* → *ɟilliy*) (детеныш; поросенок); $l + d \rightarrow l + l$ (*aldər* → *allər* (имя; слава; новость), *oldo:n* → *ollo:n* (около; возле), *kuldur* → *kullur* (лопата)) и др. Работа снабжена иллюстрациями, показывающими фонетические изменения слов в бутхаском диалекте [Čeberqas 2013: 11–14]. Подобные переходы согласных, как отмечала Б. Х. Тодаева, «являются существенной чертой дагурского языка» [Тодаева 1986: 35]. Изучению согласных в начале слова посвящена статья профессора Оюунгуа. Исследование основано на данных хайларского диалекта, для сравнения приводятся слова бутхаского диалекта даурского языка. По ее данным, в ряде случаев такие согласные в начале слова, как *n*, *b*, *x*, *g*, *m*, *l*, *s*, *f*, *tf*, *ɟ*, *t*, *d*, *k* звучат как *n^w*, *b^w*, *x^w*, *g^w*, *m^w*, *l^w*, *s^w*, *f^w*, *tf^w*, *ɟ^w*, *t^w*, *d^w*, *k^w* соответственно. В качестве примеров приведены следующие слова: *x^wal* ‘кан’, *g^waida:n* ‘медленный’, *f^wa:dər* ‘пятиться — о лошади, телеге’, *d^wa:ng* ‘арбуз’, *k^wa:rt* ‘охотничий нож’ и др. [Oyungyou-a 2008: 78]. Оюунгуа провела также социологическое исследование языковой ситуации в даурском селе Баянтала Эвенкийского автономного хошуна. Жителям села были розданы более 800 анкет, в результате чего были получены интересные сведения о знании даурами родного языка, а также монгольского и китайского языков. В частности, выяснено, что 12,9 % детей, младше 10 лет, не знают даурского языка. Из этой группы детей монгольский

¹ В слове *bɔ:lɟ* → *bɔ:l* буква «ɟ» в оригинальном тексте статьи Цэбэрхас написана как «ə».

язык не понимают 61,29 %. В то же время китайским языком владеют 80,65 % детей младше 10 лет. Подобные данные приведены по всем возрастным группам дауров [Oyungyou-a 2012: 84–87].

В ряду филологических работ отметим также публикацию профессора Хулун-Буирского университета Д. Сэрэнбату, в которой проведен анализ глагольных окончаний в эвенкийском языке в сравнении с монгольским, маньчжурским и даурским языками. Автором приведены примеры с глагольными формами прошедшего, настоящего и будущего времени, а также обобщающая сравнительная таблица [Serenbatu 2005: 70]. На примерах статьи Сэрэнбату можно наглядно увидеть существенные различия в глагольных окончаниях монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Языки и диалекты национальных меньшинств продолжают привлекать внимание исследователей. Старобаргутский диалект монгольского языка, очевидно, хранит немало редких слов, восходящих к языку средневековых монголов. Необходимо продолжать исследования в этой области, включая в него и материалы по бурятскому и другим монгольским языкам. Большая работа проводится филологами в деле изучения диалектов даурского языка. Благодаря их публикациям, исследования в области даурского языка выходят на новый уровень.

Полевые материалы автора

ПМА: Батуев — Информант Батуев Иван Арьяевич, 1943 г. р., бурят, род *hoiho*, патронимическая группа *минаахай*. Запись 26.08.2020.

ПМА: Пурэв — Информант Пурэв, баргут, род *хурлат*. Запись 07.2005.

Author's Field Data

Informant: Ivan A. Batuev, b. 1943, ethnic Buryat, Үоууо clan, Minaakhay patronymic group. Rec. on August 26, 2020. (In Bur. and Russ.)

Informant: Pürev, ethnic Barga Mongol, Khurlat clan. Rec. in July of 2005. (In Mong.)

Литература

Афанасьева 2006 — *Афанасьева Э. В.* Исторические связи бурятского и баргутского языков (на примере фонетики и грамматики). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. 178 с.

Бадагаров 2013 — *Бадагаров Ж. Б.* Дагурско-бурятские языковые связи: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013. 197 с.

Бадмаева 2012 — *Бадмаева Л. Б.* Лексические параллели в языке байкало-кударинских бурят и хуучин-баргутов // Баргуты: история и современность. Сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. С. 140–146.

Булатова 2013 — *Булатова Н. Я.* Новые материалы по солонскому языку // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2013. Т. 9. № 3. С. 147–165.

Бухоголова 2015 — *Бухоголова С. Б.* Языковой сдвиг и современная языковая ситуация у новых баргутов КНР // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 8. С. 26–29.

Забияко, Забияко 2017 — *Забияко А. П., Забияко А. А.* Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 340 с.

Рассадин 2004 — *Рассадин В. И.* Особенности дагурского языка в сопоставлении с бурятским и монгольским языками // История и внешние связи бурятского языка: сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 13–17.

- Тодаева 1960 — *Тодаева Б. Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. М.: Наука, 1960. 137 с.
- Тодаева 1981 — *Тодаева Б. Х.* Язык монголов Внутренней Монголии. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Тодаева 1985 — *Тодаева Б. Х.* Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. М.: Наука, 1985. 133 с.
- Тодаева 1986 — *Тодаева Б. Х.* Дагурский язык. М.: Наука, 1986. 190 с.
- Тумурдэй, Цыбенев 2014 — *Тумурдэй Г., Цыбенев Б. Д.* Краткий дагурско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
- Цыбенев, Энбадрах 2017 — *Цыбенев Б. Д., Энбадрах С.* Тунгусо-маньчжурский пласт в даурском языке // Приграничный регион в историческом развитии. Ч. 2. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2017. С. 163–166.
- Bousiyang 1990 — *Bousiyang.* Qayučin baryu-yin yariyan-du üledegdejü bayıγ-a erten-ü üges-ün tuqai (= О древних словах, сохранившихся в разговорной речи старых баргутов) // *Öbür mongγol-un yeke surγayuli-yin erdem šinjilgen-ü setegül* (= Научный журнал Университета Внутренней Монголии). 1990. 2-duγar quyučay-a. Pp. 15–22.
- Čeberqas 2004 — *Čeberqas.* Mongγol daγur kelen-ü egešig abıyan-u ungšilγ-a dayudalyγ-a yin qarıčayulul (= Сравнительный анализ чтения и произношения гласных звуков в монгольском и даурском языках) // *Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan* (= Общественные науки Внутренней Монголии). 2004. 4-duγar quyučay-a. № 131. Pp. 62–65.
- Čeberqas 2009 — *Čeberqas.* Daγur kele ba mongγol kelen-ü ijil γarul-tai üges-ün üge-yin udaq-a-yin ilayγ-a jüγiy-e (= Смысловые различия одинаковых слов в даурском и монгольском языках) // *Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan* (= Общественные науки Внутренней Монголии). 2009. 6-duγar quyučay-a. № 163. Pp. 66–71.
- Čeberqas 2013 — *Čeberqas.* Daγur kelen-ü Butaq-a ayalyun-u ijilišil-un tuqai ögülekü-ni (= Об идентификации слов в бутхаском диалекте даурского языка) // *Dumdatu ulus-un mongγol sudulul* (= Монголоведение Китая). 2013. 41-düger boti. 2013. 6-duγar quyučay-a. № 250. Pp. 10–15.
- Engkebatu 1994 — *Engkebatu.* Daγur kele-yi manju üsüg-iyer bičiglekü yosun-u tuqai (= О традиции написания даурских слов на маньчжурской письменности) // *Öbür mongγol-un yeke surγayuli-yin erdem šinjilgen-ü setegül* (= Научный журнал Университета Внутренней Монголии). 1994. 2-duγar quyučay-a. Pp. 1–25.
- Iui Šan 2004 — *Iui Šan.* Daγur kelen-ü üges-ün sang-un бүрлдүсө-yin tuqai tobči ögülekü-ni (= К изучению формирования словарного фонда даурского языка) // *Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan* (= Общественные науки Внутренней Монголии). 2004. 4-düger quyučay-a. № 131. Pp. 70–73.
- Oyungγou-a 2008 — *Oyungγou-a.* Daγur kelen-ü Qayilar ayalyun-du-ki üge-yin ekin-ü uγyulšiyсан geyigülügči-yin tuqai (= О губных согласных в начале слова в хайларском диалекте даурского языка) // *Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan* (= Общественные науки Внутренней Монголии). 2008. 4-düger quyučay-a. № 155. Pp. 76–79.
- Oyungγou-a 2012 — *Oyungγou-a.* Evengki qošiγun-u Bayantal-a siyang-un daγurčud-un kereglejü bayıγ-a kele-yi bayıčayan šinjilekü-ni (= Исследование языковой ситуации среди дауров в селе Баянтала Эвенкийского хошуна) // *Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan* (= Общественные науки Внутренней Монголии). 2012. 4-düger quyučay-a. № 179. Pp. 83–89.
- Serenbatu 2005 — *Serenbatu D.* Evengki kele kiged mongγol, daγur, manju kelen-ü temdeg üyile üge-yin qarıčayulul (= Сравнительный анализ глагольных окончаний в эвенкийском, монгольском, даурском, маньчжурском языках) // *Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan* (= Общественные науки Внутренней Монголии). 2005. 2-duγar quyučay-a. № 135. Pp. 64–71.

Uransayıqan, Delger 2008 — *Uransayıqan, Delger*. Toyono-bar tosoysan qun-u čubuy-a (=Лебеди рядом с юртой) // Čolmon. Uran jokiyal-un ularil-un setegül (= Цолмон. Литературный периодический журнал). *Öbür mongyol-un arad-un keblel-ün qoriya-a* (= Народное издательство Внутренней Монголии), 2008. № 1. Pp. 4–224.

References

- Afanasyeva E. V. Historical Ties between the Buryat and Barga Languages: A Comparative Study of Phonetics and Grammar. Ulan-Ude: Buryat State University, 2006. 178 p. (In Russ.)
- Badagarov Zh. B. Dagur-Buryat Language Ties. Cand. Sc. (philology) thesis. Ulan-Ude, 2013. 197 p. (In Russ.)
- Badmaeva L. B. Kudara Buryats and Old Barga Mongols: lexical parallels. In: *Barga Mongols. Past and Present. Collected Scholarly Papers*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2016. Pp. 140–146. (In Russ.)
- Bousiyang. Old Barga Mongols: revisiting ancient words preserved in their spoken language. *Öbür mongyol-un yeke suryayuli-yin erdem šinjilgen-ü setegül*. 1990. Is. 2. Pp. 15–22. (In Mong.)
- Bukhogolova S. B. Language shift and modern language situation at the New Barguts of China. *Buryat State University Bulletin*. 2015. No. 8. Pp. 26–29. (In Russ.)
- Bulatova N. Ya. New materials on the Solon language. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2013. Vol. 9. No. 3. Pp. 147–165. (In Russ.)
- Čeberqas. Buteha dialect of the Dagur language: identification of lexemes revisited. *Dumdatu ulus-un mongyol sudulul*. 2013. Vol. 41. Is. 6 (250). Pp. 10–15. (In Mong.)
- Čeberqas. Reading and spelling vowels in Mongolian and Dagur: a comparative analysis. *Öbür mongyol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan*. 2004. Is. 4 (131). Pp. 62–65. (In Mong.)
- Čeberqas. Synonyms in Dagur and Mongolian: semantic differences. *Öbür mongyol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan*. 2009. Is. 6 (163). Pp. 66–71. (In Mong.)
- Engkebatu. Dagur words in Manchu script: the tradition revisited. *Öbür mongyol-un yeke suryayuli-yin erdem šinjilgen-ü setegül*. 1994. Is. 2. Pp. 1–25. (In Mong.)
- Iui Šan. The shaping of Dagur vocabulary revisited. *Öbür mongyol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan*. 2004. Is. 4 (131). Pp. 70–73. (In Mong.)
- Oyungyou-a. Daur of Ewenki Autonomous Banner: a case study of the language situation. *Öbür mongyol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan*. 2012. Is. 4 (179). Pp. 83–89. (In Mong.)
- Oyungyou-a. Hailar dialect of the Dagur language: initial labial consonants revisited. *Öbür mongyol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan*. 2008. Is. 4 (155). Pp. 76–79. (In Mong.)
- Rassadin V. I. Dagur, Buryat and Mongolian in a comparative perspective: outlining the former's peculiarities. In: *History and External Ties of the Buryat Language. Collected Scholarly Articles*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2004. Pp. 13–17. (In Russ.)
- Serenbatu D. Verbal endings in Evenki, Mongolian, Dagur and Manchu: a comparative analysis. *Öbür mongyol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan*. 2005. Is. 2 (135). Pp. 64–71. (In Mong.)
- Todaeva B. Kh. *Dagur Language*. Moscow: Nauka, 1986. 190 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. *Mongolic Languages and Dialects of China*. Moscow: Nauka, 1960. 137 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. *The Language of Inner Mongolia's Mongols*. Moscow: Nauka, 1981. 276 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. *The Language of Inner Mongolia's Mongols: An Essay on Dialects*. Moscow: Nauka, 1985. 133 p. (In Russ.)
- Tsybenov B. D., Enbadrakh S. Tungus-Manchu stratum of the Dagur language. In: *The Border Region in a Historical-Developmental Perspective*. Vol. 2. Chita: Transbaikal State University, 2017. Pp. 163–166. (In Russ.)

- Tumurdey G., Tsybenov B. D. A Concise Dagur-Russian Dictionary. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2014. 236 p. (In Dag. and Russ.)
- Uransaiyiqan, Delger. Swans near the Yurt. *Čolmon* (Literary Journal). 2008. No. 1. Pp. 4–224. (In Mong.)
- Zabiyako A. P., Zabiyako A. A. Russians of the Tryokhrechy: Fundamentals of Ethnic Identity. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (Sib. Branch of RAS), 2017. 340 p. (In Russ.)

УДК 811.512.31

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-625-634

Монгол хүний бичиг үсгийн чадварын судалгаа (албан ёсны кирилл үсгийн жишээн дээр) (= Исследование письменной грамотности среди монголов (на примере официального кириллического письма))

Гэрэлма Гуруучин¹, Дарья Бадмаевна Гедеева²

¹ Институт языка и литературы АН Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)
докт. фил. наук (Ph. D), старший научный сотрудник, доцент
E-mail: g_mgl2003@yahoo.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-8735-9184. E-mail: gedeevadb@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Гэрэлма Г., Гедеева Д. Б., 2020

Аннотация. *Введение.* В 1970 г. в Монголии на официальном уровне началось обучение кириллице, что способствовало успешной борьбе с неграмотностью в стране. Все принимавшие участие в этом проекте специалисты были награждены золотой медалью Н. К. Крупской от ЮНЕСКО. Исследование современного состояния письменной грамотности связано с социолингвистической проблематикой обучения монгольскому языку и письменности. Кроме того, монголы используют для общения в Интернете латиницу, а с 2025 г., согласно принятым законам, в официальном документообороте, наряду с кириллицей, будет использоваться монгольская национальная письменность. В связи с этим возникла необходимость изучения письменной грамотности среди монголов в использовании кириллицы. *Цель.* В данной работе мы исследуем современное состояние письменной грамотности среди монголов, определяем перспективы и изучаем опыт других стран в подобных проектах. В этих целях в рамках социально-лингвистического исследования с использованием статистических методов был выполнен анализ материала, изучены социальные факторы и законодательная база, влияющие на письменную грамотность. *Выводы.* В опросе принимали участие представители более 10 разных профессий — учителя, парикмахеры, повара, математики, государственные служащие, студенты и пенсионеры, разделенные на три возрастные категории. Результаты исследования показывают, что уровень письменной грамотности, а также способности составить самостоятельно текст составляет 47,5 % в возрастной категории 16–30 лет, 78,4 % — в категории 31–40 лет и 52,1 % — для лиц старше 41 года. В совокупности уровень кириллической грамотности в указанных возрастных категориях составляет 59,3 %. Определенное беспокойство вызывает влияние использования латиницы на кириллическую грамотность среди представителей молодежи 16–30 лет.

Ключевые слова: кириллица, способность, возрастная классификация, тест, социолингвистическое исследование

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Гэрэлма Г., Гедеева Д. Б. Монгол хүний бичиг үсгийн чадварын судалгаа (албан ёсны кирилл үсгийн жишээн дээр) (= Исследование письменной грамотности среди монголов (на примере официального кириллического письма)) // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 625–634. (На монг.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-625-634

UDC 811.512.31

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-625-634

Exploring Written Literacy of Mongolians: The Official Cyrillic Writing System

Gerelma Guruchin¹, Daria B. Gedeeva²

¹ Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences (54A, Enkhtaivan (Peace) Ave., Bayanzurkh District, Ulaanbaatar 13330, Mongolia)

Ph.D., Senior Research Associate, Associate Professor

E-mail: g_mgl2003@yahoo.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-8735-9184. E-mail: gedeevadb@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020

© Gerelmaa G., Gedeeva D. B., 2020

Abstract. Introduction. The article studies the Cyrillic literacy of Mongolians through the use of sociolinguistic methods. Mongolians had been using the Mongolian script from ancient times through 1921, and since then by the 1930s the traditional script was replaced because it was considered obsolete and feudal. In 1941, Mongolia officially switched to modified Latin alphabet which was used for some time. However, two months later this decision was cancelled, and three months thereafter Cyrillic alphabet was introduced — on March 25, 1941, the Mongolian People’s Republic officially adopted the Cyrillic writing system. Mongolian script has been taught at secondary schools since the mid-1980s and under the influence of democracy and transparency, the national idea of the public has revived, and their current desire is to use the national script officially. Mongolians also use the Latin script in the Internet and mobile telephony. The Law on Mongolian Language was approved in 2013 and is being implemented, and this law stipulates that from 2025 onwards official documents shall be written in Cyrillic and Classical Mongolian. **Results.** The work investigates how Mongolians use three writing systems — Cyrillic, Latin and Traditional Mongolian. However, the official script (and literacy to be assessed) is still Cyrillic. The paper uses methods of social linguistics to assess Cyrillic literacy among citizens aged 16–30, 31–40, and over 40.

The Cyrillic literacy skills are as follows: 16–30 year olds — 47.5 %, 31–40 year olds — 78.4 %, 41 and older — 52.1 %. The average value of Cyrillic literacy skills across all the three age groups is 59.3 %. The influence of Latin alphabet on Cyrillic skills for 16–30 year olds proves a matter of concern.

Keywords: Cyrillic literacy, skills, age classification, test, sociolinguistic method

Acknowledgements. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Gerelmaa G., Gedeeva D. B. Exploring Written Literacy of Mongolians: The Official Cyrillic Writing System. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 625–634. (In Mong.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-625-634

Судалгааны хэсэг

Бид судалгаандаа бусад улс гүрэн эх хэлэндээ хэрхэн хандаж буй туршлагаас суралцахын тулд Япон улсыг сонгон авч танилцаа. Япон улсын Боловсрол, соёл, шинжлэх ухаан, спортын яам нь япон хүний эх хэлний чадварт анхаарал хандуулж, жил бүрийн «Эх хэлний талаарх олоннийтийн судалгаа»-нд тулгуурлан Эх хэлний зөвлөлд асуудлыг хэлэлцүүлж цаашид хэрэгжүүлэх бодлогоо тодорхойлдог юм байна. Мөн нийгмийн хөгжил, технологийн дэвшилтэй холбоотой гаднаас орж ирж буй харь хэлний үгийг катакана үсгээр тэмдэглэн, утгыг тайлбарласан «Утгын тайлбар толь»-ийг тухайн онд шинэчлэн гаргадаг байна. Бидний санаа авч хэрэгжүүлмээр нэг зүйл нь ард олны дунд «Үгийн өдөр», «Жилийн ханз», «Хайкү шүлгийн уралдаан», «Номын санг нэмэгдүүлэх» зэрэг үйл ажиллагааг нутаг тус бүр зохион байгуулдаг нь үгийн утгыг таниулахын зэрэгцээ эх хэлний талаарх мэдлэг, сонирхолыг үргэлж бий болгож эх хэлээ сурталчлах үйл ажиллагааг олон нийтийн мэдээллийн хэрэгслээр дамжуулан өргөн сурталчилдаг байна.

Монгол хүний бичиг үсгийн чадварыг судалсан нь

Бид энэ удаа өдгөө албан ёсоор хэрэглэгдэж буй кирилл бичиг үсгийн өнөөгийн чадварын судалгааг хийлээ.

Монгол улс 1941 оны 3 сарын 25-нд болсон МАХН-ын Төв хороо, Сайд нарын зөвлөлийн хамтарсан хурлаас шинэ үсгийг зохиох ажлыг нэг сарын дотор МАХН-ын Төв хорооны тэргүүлэгчид ба Засгийн газарт оруулж батлуулахыг Ю. Цэдэнбал даргатай комисс (орлогч дарга Машлай, гишүүд Гонгоржав, Доржсүрэн, Лувсанвандан, Дамдинсүрэн, Сүрмаажав, Далхжав, Цэвэгмид, Тамжид, Лувсандорж)-г даалгаснаар кирилл үсгийг албан ёсоор хэрэглэх эхлэл тавигджээ [Шагдарсүрэн 2001: 189]. Улмаар «Орос үсэг дээр үндэслэсэн монгол шинэ үсэг батлах тухай» Ардын сайд нарын зөвлөл, МАХН-ын Төв хорооны Тэргүүлэгчдийн 1941 оны 5 сарын 9-ний өдрийн хамтарсан хурлаар, орос үсэгт үндэслэн 35 үсэгтэй кирилл үсгийг батлан, түүнийг бичих ба хэрэглэх урьдчилсан дүрмийг долоо хоногийн дотор боловсруулан гаргаж зарлах ба цагаан толгой, сурах бичгийг ойрын хугацаанд бэлтгэн гаргахыг ШУХ, Ардыг гэгээрүүлэх яаманд даалгаж «...бага сургуулийн 1, 2-р ангиудад 31–32 оны хичээлийн жилээс эхлэн бүх хичээлийг шинэ үсгээр явуулсугай» гэж тогтоожээ [Шагдарсүрэн 2001: 190]. Кирилл үсгийг түргэн сургахад саад гарсан нь дэлхийн хоёрдугаар дайн бөгөөд дайн дуусмагц 1945 оны 5 сарын 18-нд

болсон БНМАУ-ын Сайд нарын зөвлөл, МАХН-ын Төв хорооны хамтарсан хурлаар «...бүх хэвлэл ба улсын албан хэргийг 1946 оны 1 сарын 1-нээс эхлэн шинэ үсгээр явуулсугай...» гэж тогтоож, Ц. Дамдинсүрэн 1942 онд хэвлэсэн шинэ үсгийн дүрмээ засварлан 1946 онд «Монгол шинэ үсгийн товч дүрэм» нэртэйгээр гаргасныг мөрдөж эхэлжээ. Энэхүү «Монгол шинэ үсгийн товч дүрэм»-ийн гол гол зүйлийг бусад монгол бичгийн нэгэн адил үсэг зүйн үүднээс орос цагаан толгойн гучин нэгэн үсэг, хоёр тэмдэгтийг хэвээр авч дээр нь Ө, Ү-г нэмээд нийт 35 үсэг, тэмдэгтэй болгожээ. Дүрэмд «...шинэ үсгийн а, о, у, э, ө, ү, ы, и, й, я, е, ё, ю энэ 13 нь эгшиг, б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ 20 нь гийгүүлэгч үсэг, ь, ь хоёр нь дуудлагагүй тул эгшиг ч биш, гийгүүлэгч ч биш зүгээр тэмдэг үсэг болно...» хэмээн тайлбарлажээ. Кирилл үсгийг сургах хөдөлгөөнийг МАХН-ын Төв хорооны 1946 оны 4 сарын хурлаар 16–40 насны бүх хүмүүс ялангуяа нам эвлэлийн гишүүдийг шинэ үсэгт заавал сургах журам тогтоосны сацуу энэ ажлыг улсын төлөвлөгөөгөөр хийж, биелүүлсэн сумд, хүмүүсийг шалгаруулан шагнах болзол хүртэл гаргаж байв. Энэ үйл ажиллагаанд улсаас 1941–1948 оны хооронд 6 314 070 төгрөг зарцуулж [Чулуунбаатар 2002: 210] мөн давтан сургах зэргээр тасралтгүй үйл ажиллагаа явуулсны үрээр хөдөөгийн малчныг хүртэл сургаж чаджээ. Иргэн бүрээ бичиг үсэгт сургасны төлөө ЮНЕСКО-оос 1970 онд Хэл зохиолын хүрээлэнг Н. К. Крупскаягийн нэрэмжит бичиг үсэг үл мэдэх явдлын устгасны төлөө «Алтан медаль»-иар шагнаж байжээ.

Кирилл үсгийг албан ёсны бичиг үсэг болгон хэрэглэсээр 1990-ээд он гарахад нийгмийн байдал өөрчлөгдөн олон ургальч үзлийн үүднээс бичиг үсэгт хандах хандлага өөр болж үндэсний монгол бичиг болон латин үсгийг авах гэсэн санал цөөнгүй гарах болсон билээ. Энэ байдалд иргэд хэрхэн хандаж байгааг ШУА-иас 2007 онд судлан үзэхэд нийт оролцогсдын 8,4 % монгол бичгийн, 4,4 % нь латин үсгийг хэрэглэх, 72,6 % нь кирилл үсгийг албан ёсны бичиг хэвээр байлгах саналтай [Ширнэн 2006: 159–163] дүн гарсан бол хоёр дахь удаагийн судалгаагаар нийт оролцогсдын 64,9 % нь төрийн албан хэргийг кирилл монгол бичгээр хөтлөх ёстой гэж үзсэн бол 31 % нь уйгаржин монгол бичгээр, 3,7 % нь латин бичгээр хөтлөх нь зүйтэй хэмээн тус тус үзжээ [Хэлний бодлогыг оновчтой болгох асуудал 2007: 21]. Эдгээр судалгааг харьцуулан үзэхэд төрийн албан хэргийг кирилл үсгээр хөтлөн явуулья гэсэн санал давамгайл байгаа нь харагдаж байна.

Дээрх судалгаанаас үндэслээд одоо үед хүмүүсийн бичиг үсгийн чадвар хэрхэн ямар байгааг судлан үзэх нь бичиг үсгийн болоод хэлний бодлогод чухал байна. Иймээс бид монгол хүний бичиг үсгийн чадварыг тогтоохдоо нийгмийн дотор орж, өөрийн аргаа боловсруулан эх хэрэглэгдэхүүнээ цуглуулан нийгэм хэл шинжлэлийн дүгнэлт хийсэн [Бондалетов 1987: 8]. Судалгааны аргын хувьд насны ангиллыг голчлон үзэж 3 ангилав. Үүнд:

- 18–30 нас;
- 31–40 нас;
- 41–60 насны ангиллаар авч үзлээ.

Судалгаанд багш, тогооч, үсчин, оюутан, жолооч, эдийн засагч, бизнесийн удирдлага, орчуулагч зэрэг 10 гаруй мэргэжлийн 58 хүнийг хамруулж нийгэм хэл шинжлэлийн судалгаа хийлээ.

Кирилл бичгийн чадварыг шалгахдаа нийт оролцогчдоос

- зөв бичгийн дүрмийн сорил;
- ажилд орох өргөдөл бичих сорил авлаа.

Зөв бичих чадварын судалгаа

Зөв бичих чадварын судалгааг үсгийн дүрмийн шаардлагатай монгол хэлний хэл зүйн хэлбэр залгасан 6 үг, гадаад хэлнээс орж ирсэн 4 үг нийтдээ 10 үгийг хэлж бичүүлэн оролцогч бүрээс тус тусад нь шалган үзэв.

Насны ангиллаар авч үзвэл, эхний бүлэг 18–30 насны 23 хүний кирилл бичгийн чадварын түвшин 47,5 % -тай байлаа. Үүнээс бүрэн дунд боловсролтой нь 6, дээд боловсролтой нь 17 хүн байсан бөгөөд энэ бүлгийн дотор сорилоос ямар нэгэн оноо аваагүй бүгдийг хийгээгүй 1 хүн байв. Энэ бүлгийнхний хамгийн дээд чадвартай нь сорилын 60 орчим хувийг гүйцэтгэсэн нь харагдаж байна. Энэ насныхан зөв бичгээр бичихдээ латин үсэг хольж t, d гэх зэргээр бичих, мөн гээгдэх эгшгийн дүрмийг мэдэхгүйгээс алдсан тохиолдол их байлаа. Иймээс энэ бүлгийн нийт чадварын судалгаа 50 хувиас доогуур гарсан байна. Бичиг үсгийн хэлбэр сайнгүй гаргацтай муутай бичсэн байх нь түгээмэл байв.

Хүснэгт А. Кирилл бичгийн чадварын судалгаа

	Зөв хийсэн хувь	41-ээс дээш насны 21 хүн				31–40 насны 14 хүн			18–30 насны 23 хүн		
		Бүрэн дунд	Дээд	Тусгай дунд	Хувь	Бүрэн дунд	Дээд	Хувь	Бүрэн дунд	Дээд	Хувь
10 үг цээжээр бичүүлэхэд	0 %									1	4,3
	10 %						1	7,1		2	8,6
	20 %	3			14,2					1	4,3
	30 %	1			4,7				1		4,3
	40 %	2	4		28,5	1	1	7,1	2	5	30,4
	50 %	2	3	1	28,5		1	7,1	1	1	8,6
	60 %		1		4,7		4	28,5		3	13,0
	70 %			2	14,2		3	21,4	1	3	17,3
	80 %			1	4,7		3	21,4	1	1	8,6
	90 %										
100 %											
50 %-иас дээш				52,1			78,4				47,5

41-ээс дээш насны 21 хүний кирилл бичгийн чадварын түвшин 52,1 % -тай байлаа. Энэ насны хүмүүс монгол үгийн зөв бичих дүрмийг сайн мэдэж байгаа боловч нийтлэг ажиглагдсан зүйл нь гадаад үгийг буруу бичих хандлагатай байна. Англи хэлнээс орж ирсэн түгээмэл хэрэглэгдэж буй үгсийг ресейпшин, рсепшин, ресеепшин гэх зэргээр дуудлагаараа янз бүр бичиж байсан юм. Энэ бүлэгт дээд, тусгай дунд, бүрэн дунд сургууль төгссөн боловсролын түвшинтэй хүмүүсийг хамруулж үзэхэд алдааны хувь нь 14,2 %-аас эхэлж буй нь өмнөх бүлгээс чадварын хувьд харьцангуй илүү байгаа нь харагдаж байна.

31–40 насны 14 хүний кирилл бичгийн чадварын түвшин 78,4 %-тай байлаа.

Кирилл бичгийн хамгийн өндөр чадвартай насны бүлэг бөгөөд тэд 10 үг тутмаас 8-ыг нь бичиж чадаж байна гэсэн үг. Нийтлэг алдаа нь гээгдэх эгшийн дүрмийг ихэнхдээ алдаж байв.

Найруулгын болон учир зүйн чадварын судалгаа (Ажилд орох өргөдөл)

Кирилл бичгийн зөв бичих чадвараас гадна 58 хүнээс өргөн хэрэглээний албан баримт болох ажилд орох өргөдөл бичүүлж, түүнийгээ найруулга болон учир зүйн үүднээс зөв эсэхийг нь шалгаж үзвэл дараах байдалтай байв. Үүнд:

- Найруулгын алдаатай 53,4 % нь буюу 31 хүн;
- Учир зүйн алдаатай 15,5 % нь буюу 9 хүн;
- Огт алдаагүй 46,5 % нь 27 хүн байв.

Ажилд орох өргөдөл бичсэн байдлыг үзвэл, албан бичгийн найруулгын өнгө аясыг гажуудуулан хэлзүйн хэлбэрийг «ажилд орох хүсэлтэй байна, ажилд орохыг хүсч байна» гэх зэргээр бичсэн байхын сацуу өөрийн хаана, ямар сургууль төгсөж, мэргэжил эзэмшсэн талаар дутуу танилцуулсан байна.

Учир зүйн алдаа нь гол төлөв өөрийгөө товч танилцуулаагүйгээс үүдэн гарсан бөгөөд «танай байгууллагад ажилд орох хүсэлтэй байна» гэсэн үгээр хязгаарлагдаж байна. Үүнийг нэгэн ажилд орох өргөдлөөр жишээлбэл,

«Нас 18, эрэгтэй, бүрэн дунд боловсролтой хүний ажилд орох өргөдөл.

Өргөдөл гаргах нь

Миний бие Энхтөрийн Билгүүн ажилд орох өргөдөл гаргах нь:

Би өмнө нь ажлын дадлага туршилага сургуулийн болон хуваараа 2 жил хийсэн туршилагатай. Мөн мэргэжлийн диплом, 12 төгссөн гэрчилгээтэй, мэргэжлийн онол болон практиктай. Спортын талд гэвэл хөлбөмбөг сайн тоглодог эвэсэлтэй болон мөн хурдан сурах чадвартай. Намайг ажилд авбал 2 талдаа ашигтай гэдэгт бат илтгэлтэй байна» хэмээн бичснээс үзвэл ямар байгууллагад орох гэж буй, ямар мэргэжил эзэмшсэн зэрэг нь тодорхойгүй байхын сацуу өргөдлийн загварыг мэдэхгүй байгаа нь харагдаж байна.

Бичиг үсгийн чадварт нийгмийн орчин нөлөөлөх нь

Бидний хийж буй судалгаа нь дан ганц кирилл үсгийн чадварын судалгаа биш бөгөөд бичиг үсгийн хэрэглээнд нөлөөлж буй нийгмийн харьцаа хамаарлыг өөр өөр нас сэтгэхүйн түвшинд [Гэрэлмаа 2012: 8] судлан үзэхийг зорьсон юм.

Нийгмийн байдалтай нь уялдуулан үзвэл, 18–30 насныхан 1990 он, түүнээс хойш төрсөн хүмүүс багтах бөгөөд тэдний нийгмийн орчинд латин үсэг болон монгол бичиг тодорхой хэмжээгээр нөлөөлж байгаа учраас латин үсгээр хольж бичдэг 3 хүн байхын сацуу монголоор огт бичдэггүй англиар бичдэг гэсэн 1 байв. Энэ нь тухайн бичигт үсгийн чадварт анхлан сурсан хэлний нөлөөл байдгийг харуулж байгаа юм.

31–40 насныханд анх бичиг үсэг сурахдаа үндэсний монгол бичгээр сурсан хүн 4 байв. Гэсэн хэдий ч энэ насныхан бичихдээ дан кирилл үсгээр бичдэг гэж хариулж байгаа нь тэдний ажил хөдөлмөр идэвхтэй эрхэлдэг настай холбоотой байна.

41-ээс дээш насныхан онцлог нь дан кириллээр бичдэг хэмээн хариулсан нь тэдэнд ЕБДС-д монгол бичиг заагаагүй, латин үсгийн хэрэглээ байгаагүйтэй холбоотой юм.

Мөн 3 хүнээс бусад нь төрөлх монгол хэлнээсээ гадна 24 хэл мэддэг гэсэн байгаа нь насны ангиллаас үл хамаарсан нийтлэг байдал байв.

58 хүнээс 48 хүн нь кирилл үсгийг дангаар нь тогтмол хэрэглэдэг гэсэн байна. Харин латин үсгээр бичдэг 5 хүн түүнээс 1 хүн монгол бичгээр бичдэг, 4 нь кирилл болон латин үсгийг хольдог гэсэн санал өгчээ.

Анхлан сурсан бичиг үсэг нь гадаад хэлээр сурсан 3, монгол бичгээр сурсан 4, хариулаагүй 10, кирилл бичиг сурсан нь 41 байлаа.

Бичиг үсгийн чадварыг сайжруулж байдаг хамгийн гол хэрэглүүр нь ном унших байдаг. Өнөөгийн хүмүүс ном яаж уншиж байгааг цаг хугацаа болон унших хэлбэрээр асуулгын аргаар судлан үзвэл, хариулаагүй болон уншаагүй хүний тоо 35 байгаа нь дундажаас доогуур үзүүлэлт гарч байна.

Хүснэгт Б. Ном уншсан тухай судалгаа

		41-ээс дээш (Бүрэн дунд)	41-ээс дээш (Дээд)	41-ээс дээш (Тусгай дунд)	31-40 (Бүхэн дунд)	31-40 (Дээд)	18-30 (Бүрэн дунд)	18-30 (Дээд)
Хэдэн хэл эзэмшсэн	0		1			2		
	1	5	2	1	1	2		7
	2	2	5	1		5	3	8
	3		1	1		2	2	1
	4		1					1
	Хариулаагүй	1				2	1	
Анхлан сурсан үсэг, бичиг	Монгол (кирилл үсэг)	8	7	2	1	7	4	12
	Монгол бичиг					4		
	Гадаад хэл		1				1	1
	Хариулаагүй		2	1		2	1	4
Ашиглаж буй бичгийн хэлбэр	Дан кириллээр бичдэг	7	6	2	1	11	4	15
	Монгол бичгээр бичдэг		1					
	Латин үсэг хольдог		1	1			1	2
	Англи болон бусад гадаад хэлээр бичдэг		1				1	
	Дан кирилл ба монгол бичиг		1					
	Хариулаагүй	1				2		

Сүүлийн 3 сард уншсан номын тоо	Уншаагүй		1		1	3	1	4
	1	3				2		2
	2	3		1		4	4	7
	3			1				
	4					1		
	5		2					1
	5 –аас дээш		2			1		
	Хариулаагүй	2	3	1		2	1	3
Ном уншдаг хэлбэр	Цаасаар	6	3	3		5	4	11
	Цахимаар		2			1		2
	Аль алинаар нь		3			4		1
	Хариулаагүй	2	2		1	3	2	3

Бичиг үсэгт нөлөөлж буй эрх зүйн орчны байдлыг судалсан нь

Нийгэм хэл шинжлэлийн судалгааны нэг тал нь хүний чадварт нөлөөлөх нийгмийн хүчин зүйлүүдийг судлах бөгөөд эдгээрийн нэг нь эрх зүйн орчин юм. Иймээс бид бичиг үсгийн чадварт нөлөөлж болох төрөөс баримтлах бодлогын баримт бичгүүд болон Боловсролын тухай хууль, Монгол хэлний тухай хуулиудад түүний нэмэлт өөрчлөлт зэргийг судалж дүн шинжилгээ хийв.

БНМАУ-ын Анхдугаар Үндсэн хуулийг 1924 онд батлахад ард олныг эрдэм соёлд гэгээрүүлэх, элдэв ухааны эрдэмд бүрнээ үнэ төлбөргүйгээр боловсруулах тухай заалт оруулж байснаас хойш эрх зүйн орчинд олон шинэчлэл, өөрчлөлт хийсээр иржээ. 1982 онд БНМАУ-ын Ардын их хурал «Ардын боловсролын тухай» хуулийг батлан гаргаснаар бүх шатны боловсролын харилцааг нэгтгэн зохицуулж байв. 1991 онд Улсын Бага Хурлаас «БНМАУ-ын боловсролын хууль»-ийг батлан гаргаж өмнөх 1963, 1982 оны боловсролын тухай хуулийн нэгэн адил бүх шатны боловсролын харилцааг нэгтгэн зохицуулсан шинжтэй байсан хэдий ч тухайн үеийн нийгмийн тогтолцооны шинэчлэл, боловсролын хөгжлийн чиг хандлагыг харгалзан үзсэн шинэлэг зохицуулалтуудыг агуулсан. Тухайлбал, хувийн хэвшлийн боловсролын байгууллага байгуулж болох, албан болон албан бус аль ч хэлбэрээр боловсрол эзэмших боломжтой болох талаарх асуудлыг тусгасан. Энэ хууль нь сургуулийн тухай бус боловсролын тухай хууль байснаараа ихээхэн онцлогтой байсан юм.

1991 онд Улсын Бага Хурлаас төрийн албан хэргийг сурагч, оюутнууд, нийт иргэдэд монгол бичгийг зааж сургах, багш бэлтгэх, ном, сурах бичиг зохион хэвлүүлэх, заах арга боловсруулах зэрэг далайцтай ажил өрнөсөн. Гэвч 1994 онд албан хэргийг монгол бичгээр хөтлөн явуулах бэлтгэл хангагдаагүй гэж үзээд албан хэрэг болон сургалтыг кирилл бичгээр явуулахаар шийдвэрлэсэн юм. Монгол Улсад боловсролын талаар баримтлах дараах төрийн бодлогын баримт бичгүүдийг УИХ-аас баталжээ.

- Монгол Улсын төрөөс боловсролын талаар баримтлах бодлого, 1995 онд;
- Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөр, 1995 онд;
- Монгол Улсын Латин үсгийн үндэсний хөтөлбөр, 2003 онд тус тус баталжээ.

Үүнээс харахад манай улс кирилл үсгээ хэрэглэхийн сацуу үндэсний монгол бичиг, латин бичгийг зэрэгцүүлэн хөгжүүлэх зорилт тавьсан байна.

УИХ-аас 1995 онд «Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөр»-ийг баталж, монгол бичиг сурах идэвхийг нэмэгдүүлэх, бүх шатны сургуульд монгол бичиг заах ажлыг үе шаттай хэрэгжүүлэхэд чиглэсэн зорилтуудыг тусгаж хэрэгжүүлжээ.

Монгол улсад интернет үйлчилгээ, тоон технологи нэвтэрч, үүний дагуу монгол кирилл үсгийг латин үсгээр янз бүрийн хэлбэрээр орлуулан хэрэглэснээр зөв, буруу ойлголцох, монгол хэлний нэгдмэл байдал алдагдах болсон гэж үзээд «Латин үсгийн үндэсний хөтөлбөр»-ийг баталжээ.

Монгол Улсын Их Хурлаас баталсан дээрх бодлогын баримт бичгүүдэд тулгуурлан Засгийн газраас боловсролын салбарт 1997–2005 онд хийх өөрчлөлтийн үндсэн чиглэл (1997), Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөр-1, Бүх нийтэд суурь боловсрол эзэмшүүлэх үндэсний хөтөлбөр (1995), Англи хэлний сургалтын чанарыг сайжруулах үндэсний хөтөлбөр (2001) зэрэг бодлогын баримт бичгүүд батлагдан хэрэгжсэн байна. Түүнчлэн Боловсролын багц хууль (1995, 1998, 2002, 2006, 2008), Сургуулийн өмнөх боловсролын тухай хууль (2008), Монгол Улсын Боловсролыг 2006–2015 он хүртэл хөгжүүлэх мастер төлөвлөгөө (2006), Бичиг үсгийн боловсролын үндэсний хөтөлбөр (2004) зэрэг хэрэгжсэн.

«Бичиг үсгийн боловсролын үндэсний хөтөлбөр (2004)»-т дараах зорилт тавигджээ. Үүнд: «бичиг үсгийн боловсролын таатай орчин бүрдүүлэх үндсэн дээр бичиг үсэг үл мэдэх явдлыг бүрмөсөн устган 2008 онд насанд хүрэгчдийн бичиг үсэгт тайлагдалтын түвшинг 99,0 хувиас доошгүй хэмжээнд хүргэх» гэж заасан нь кирилл үсгийн чадварыг хөгжүүлэх тухай заалт юм. Хүн ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогоор хүн амын бичиг үсгийн мэдлэг 98,3 хувьтай байна гэсэн дүн гарчээ.

Боловсролын асуудлыг зохицуулж байгаа хууль эрх зүйн баримт бичгүүд:

- Боловсролын хууль, 1991 он;
- Боловсролын тухай хууль, 1995 он;
- Боловсролын тухай хуулийн шинэчилсэн найруулга, 2002 он;
- Бага, дунд боловсролын тухай, 2002 онд тус тус батлагджээ.

Боловсролын тухай хууль бүтцийн хувьд боловсрол, сургалтын байгууллага болон боловсролын харилцаанд оролцогчдын эрх, үүргийг тодорхойлсон шинжтэй. Боловсролын тухай хуулийн шинэчилсэн найруулга 2002 онд батлагдсанаас хойш нийт 20 удаа нэмэлт өөрчлөлт оржээ (2012–2016 онд жил бүр тодорхой хэмжээнд өөрчлөлт орсон), 2016 онд 4 удаа, Боловсролын тухай хуулинд нийт 20 удаа нэмэлт, өөрчлөлт оруулсан нь 87,5 % хувь буюу 48 зүйлийн 42 нь өөрчлөгдсөн гэсэн үг.

Төрийн албан ёсны хэл, монгол хэл, бичиг үсгээ эзэмших, хэрэглэх, хамгаалах, хөгжүүлэхтэй холбогдсон харилцааг зохицуулах зорилготой «Төрийн албан ёсны хэлний тухай» хуулийг 2003 онд анх удаа батлан хэрэгжүүлж улмаар уг хуулиа нэмэн өөрчилж «Монгол хэлний тухай хууль»-ийг 2015 онд батлан мөрдөж байна.

Энэхүү хууль батлагдсанаар их, дээд сургуульд элсэгчдээс авах элсэлтийн ерөнхий шалгалт болон төрийн албанд анх орох иргэнээс авах монгол хэлний шалгалт авах, монгол хэл бичгээ хэрэглэхийг Монгол улсын нутаг дэвсгэрт хуульчилж өгсөн онцлогтой.

Дүгнэлт

1. Бидний гурван насны ангиллаар хийсэн судалгаагаар кирилл бичгийн чадвар 59,33 %-тай байгаа нь цаашид илүү өргөн судалгааг хийж бодлого боловсруулах хэрэгтэйг харуулж байна.
2. Бичиг үсгийн чадварыг дээшлүүлэхэд жил бүр олон нийтээс «Эх хэлний талаарх» судалгаа авч, шийдвэрлэдэг Япон улсын туршилгаас суралцах.
3. Монгол хүний бичиг үсгийн чадварт боловсрол, мэргэжил төдийлөн нөлөөлөхгүй, харин тухайн насны ангилал чухал нөлөөтэй нь судалгаанаас харагдаж байна. Ахмад насныханы гаргаж буй зөв бичгийн дүрмийн алдаа нь «Журамласан толь»-д туссаныг мэдэхгүйгээс болсон нь түгээмэл байна.
4. Эрхзүйн орчны хувьд бодлогын баримт бичиг, хууль цөөнгүй батлагдсан боловч тэдгээр нь тогтвортой хэрэгжиж чадахгүй байгаа тул дагаж мөрдөхөд бэрхшээлтэй байдаг нь боловсролын чанар стандартад сөргөөр нөлөөлж, сургалтын чанар, суралцагсдын чадварт нөлөөлж буй нь 30-аас доош насныхны бичиг үсгийн чадварын түвшингөөс харагдаж байна.
5. Монгол хэлний чадвараа сайн дураар сорих бүх нийтийн «цээж бичиг»-ийн аяныг жил бүр «Эх хэлний өдөр»-өөр зохион байгуулж хэвшүүлэх.

Литература

- Бондалетов 1987 — *Бондалетов В. Д.* Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 156 с.
- Гэрэлмаа 2012 — *Гэрэлмаа Г.* Хэрэглээний хэл шинжлэл. Улаанбаатар: Сансудай, 2012. 167 х.
- Хэлний бодлогыг оновчтой болгох асуудал 2007 — Хэлний бодлогыг оновчтой болгох асуудал. Монгол улсын ШУА-ийн нийгмийн шинжлэх ухааны салбарын Бага чуулган // Ажлын хэсгийн илтгэл, дүгнэлт, социологийн судалгаа. Улаанбаатар, 2007. 41 х.
- Чулуунбаатар 2002 — *Чулуунбаатар Л.* Нүүдэлчин монголчуудын бичиг үсгийн соёл. Улаанбаатар: МУИС-ийн Хэвлэх үйлдвэр, 2002. 251 х.
- Шагдарсүрэн 2001 — *Шагдарсүрэн Ц.* Монголчуудын бичиг үсгийн товчоон. Улаанбаатар: «Урлах эрдэм» хэвлэлийн газар, 2001. 300 х.
- Ширнэн 2006 — *Ширнэн Б.* Үсэг бичгийн талаархи бодлого. Улаанбаатар: Тоонотпринт, 2006. 200 х.

References

- Bondaletov V. D. Social Linguistics. Moscow: Prosveshchenie, 1987. 156 p. (In Russ.)
- Chuluunbaatar L. Mongolian Nomads: The Culture of Written Literacy. Ulaanbaatar: National University of Mongolia, 2002. 251 p. (In Mong.)
- Gerelmaa G. Applied Linguistics. Ulaanbaatar: Sansuday, 2012. 167 p. (In Mong.)
- Optimizing Language Policies. Social Science Conference Proceedings (Summarizing Report, Conclusions, Social Survey). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 2007. 41 p. (In Mong.)
- Shagdarsüren Ts. Literacy Bureau of Mongolia. Ulaanbaatar: Urlakh Erdem, 2001. 300 p. (In Mong.)
- Shirnen B. The Policy of Literacy. Ulaanbaatar: Toonotprint, 2006. 200 p. (In Mong.)

УДК 811.512.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-635-643

Условные конструкции с деепричастием и союзными словами в калмыцком и бурятском языках

Влада Вячеславовна Баранова¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 55, корп. 2, ул. Седова, 192148 Санкт-Петербург, Российская Федерация); Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, Тучков переулок, 199053 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

канд. ист. наук, доцент, научный сотрудник

 0000-0003-1642-4003. E-mail: vbaranova@hse.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Баранова В. В., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются разные типы условных конструкций в бурятском и калмыцком языках, выраженные условным деепричастием или с помощью союзных слов. *Цель* статьи — рассмотреть выражение условных значений в калмыцком и бурятском языках. В работе анализируется, как соотносятся условные предложения, маркированные деепричастием на *-хла* или *-bol* и союзные способы выражения временных и условных значений в калмыцком языке; для сравнения привлекаются также данные бурятского и халхасского языков. *Материалом* послужили как полевые записи автора (небольшой устный корпус, цитаты из которого приводятся без указания на источник), так и корпуса калмыцкого и бурятского языков (Калмыцкий корпус, далее — КК, и Бурятский корпус, далее — БК). *Результаты.* Условные конструкции в монгольских языках традиционно выражаются нефинитной формой условного деепричастия (форма на *-bal* в халха-монгольском и бурятском в калмыцком языке была вытеснена новой формой условного деепричастия на *-хла*). Наряду с этим способом выражения условного значения возникают модели, похожие на союзное сложное предложение с союзами *хэрбээ* в бурятском и *кемр* в калмыцком, стоящими в начале клаузы. Эти относительно новые стратегии выражения условного значения используют монгольские элементы, но синтаксически напоминают языки с союзными стратегиями сложного предложения, в частности русский. В центре внимания находится вопрос о развитии союзного оформления: можно ли интерпретировать это как контактное влияние русского языка? Союзная и деепричастная стратегия выражения условного значения используются одновременно: во многих монгольских языках есть больше одного способа выразить условное значение. На материале корпусных данных рассматривается частотность разных способов оформления условных конструкций в бурятском и калмыцком языках. Развитие условных союзов *хэрбээ* в бурятском и *кемр* в калмыцком может быть интерпретировано как контактное явление. Однако грамматикализация условного деепричастия *гихлэ* в показатель условной конструкции

представляется результатом внутреннего развития, характерного для грамматикализованного глагола *ги-* ‘говорить’ в калмыцком и для семантического развития дицендиальных глаголов в языках мира.

Ключевые слова: деепричастие, калмыцкий язык, бурятский язык, условная конструкция, союз, интерференция

Благодарность. Я благодарю Б. Д. Бальжинимаеву за комментарии к бурятским данным. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-512-44006 «Взаимодействие языков в поликультурном пространстве на материале монгольских языков: сравнительный анализ калмыцкого языка, языка ойратов Монголии и бурятского языка». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Баранова В. В. Условные конструкции с деепричастием и союзными словами в калмыцком и бурятском языках // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 635–643. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-635-643

UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-635-643

Kalmyk and Buryat Languages: Conditional Constructs with Converbs and Conjunctions

*Vlada V. Baranova*¹

¹ National Research University Higher School of Economics (55/2, Sedov St., St. Petersburg 192148, Russian Federation); Institute for Linguistic Studies of the RAS (9, Tuchkov Lane, St. Petersburg 199053, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor, Research Associate
 0000-0003-1642-4003. E-mail: vbaranova@hse.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Baranova V. V., 2020

Abstract. Introduction. The paper deals with different conditional constructions in Buryat and Kalmyk. Traditionally, the main way to express the conditional meaning in Mongolic languages is a non-finite clause with a converb (there are the conditional form on *-bal* in Buryat and Khalkha and new marker *-xla* in Kalmyk). Alongside with it, there are some new conditional constructions with connectives, with conjunction-like markers *herbee* in Buryat and Khalkha and *kemər* in Kalmyk co-occurring with a form of conditional converb. The language contact approach presupposes that connectives as well as a structural pattern with a conjunction are frequently borrowed from dominant languages. Thus, the research question of the paper is how to explain the new conditional construction. **Results.** In particular, the paper discusses the distribution of different types of conditional construction according to the data from Buryat and Kalmyk corpora. It suggests that conjunction-like markers *herbee* ‘if’ in Buryat and *kemər* ‘if’ in Kalmyk may be viewed as grammatical interference from Russian. Nevertheless, the form of conditional converb *gixlä* developing to a connective in Kalmyk is

grammaticalized among other forms of the verb *gi-* ‘say’ and its grammaticalization of a verb of saying to marker of a conditional clause is frequent cross-linguistically.

Keywords: converb, Kalmyk, Buryat, conditional clause, conjunction, grammatical interference

Acknowledgements. The author extends gratitude to Bayarma Balzhinimaeva for most precious comments on Buryat-language data. The reported study was funded by RFBR, project no. 19-512-44006 ‘Language Contact in Multicultural Contexts: The Comparative Analysis of Mongolic Languages (Case Studies of Kalmyk, Oirat Mongolian and Buryat Languages)’. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Baranova V. V. Kalmyk and Buryat Languages: Conditional Constructs with Converbs and Conjunctions. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 635–643. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-635-643

Введение

Монгольские языки выражают отношения между частями сложного предложения с помощью нефинитных форм, передающих целевые, условные, временные (предшествование одного действия другому) и другие значения. Большинство таких единиц — деепричастия (конвербы). Однако наряду с такой системой организации сложного предложения в некоторых монгольских языках существуют и союзные стратегии, в большинстве случаев более периферийные (см. подробное описание союзных стратегий в калмыцком языке [Пюрбеев 2010]). Распространенное суждение о развитии союзных стратегий в языках Евразии предполагает, что под влиянием контактов с языками, в которых части сложного предложения соотносятся с помощью союзов, союзные стратегии развились и в языках, которым не были свойственны.

С одной стороны, союзы, как и дискурсивные элементы, относятся к числу единиц, которые достаточно легко заимствуются или включаются из доминирующего языка при переключении кодов [Matras 2009: 157]. Достаточно часто встречаются прямые заимствования русских союзов в контактирующие языки: например, причинный союз *потому что* в казахском языке или условный союз *рас* в татарском (из русского разговорного показателя *раз: раз ты пришел, давай чай пить*) [Muhamedowa 2009: 337]. Засвидетельствованы случаи возникновения смешанных форм, например в коми-ижемском плеонастическая форма условного союза *jesl'i-kö* возникла из заимствованного русского *если* и исконной коми частицы *kö* ‘если’ [Leinonen 2009: 325–326]. Нередко эти заимствования сосуществуют с исходными способами выражения отношений внутри сложного предложения, как в восточно-хантыйском: используются как русская условная конструкция *если... то*, так и традиционный бессоюзный способ с условной формой глагола [Potanina, Filchenko 2016: 34]. С другой стороны, распространённым является заимствование модели союзного сложного предложения, когда под влиянием доминирующего языка, уже существующая единица развивает новое значение или расширяет употребление (pattern-borrowing в терминах [Matras, Sakel 2007]).

Прямое заимствование материального показателя союза не свойственно монгольским языкам (отдельные случаи можно рассматривать как примеры переключения кодов или спонтанного заимствования в речи билингвов). Однако существует ряд единиц, чье развитие отчасти напоминает союзы в индоевропейских языках. Вопрос о том, является ли это внутренним развитием или контактно-обусловленной грамматикализацией, должен решаться применительно к конкретным показателям, поскольку союзы и союзные слова — гетерогенная группа, складывающаяся как из исконных непроизводных единиц, так и заимствований разного времени или грамматикализовавшихся деепричастий, послелогов и др. В данной статье рассматривается выражение условных значений в некоторых монгольских языках. В частности, будет рассмотрено, как соотносятся условные предложения, маркированные деепричастием на *-хла* или *-bol* и союзные способы выражения временных и условных значений в калмыцком языке; для сравнения будут привлечены также данные бурятского и халхасского языков. Материалом послужили как полевые записи автора (небольшой устный корпус, цитаты из которого приводятся без указания на источник), так и корпуса калмыцкого и бурятского языков (Калмыцкий корпус, далее — КК, и Бурятский корпус, далее — БК).

Условное деепричастие

В халха-монгольском и бурятском форма условного деепричастия *-bAl* возникла из старой формы *-basu*. В калмыцком языке возникла новая форма условного деепричастия на *-хла*. Показатель *-хла* относится к числу вторичных деепричастий, возникших из сочетания застывших падежных форм с причастием на *-x* (целевое деепричастие на *-xap < x-ap* причастие будущего времени с орудным падежом, деепричастие на *-хла < -x-ла*, форма соединительного падежа будущего времени). Как отмечает А. Ракош, форма *Adverbium Conditionale* на *-wl*, использовавшаяся в письменном ойратском, редко встречается в современных ойратских диалектах, а в условных конструкциях используются формы *Adverbium Successivi* на *-xlā / xlā* и *-xlārn / xlārn*, которые обозначали действие, начавшееся сразу после окончания другого, однако также могли выражать и условное значение [Rákos 2015: 92–93]. В современном калмыцком представлены разные формы этого деепричастия, см. подробнее [Баранова 2019] о формах *-хларнь*, *-хлаг*; в частности предложена трактовка показателя *-хлаг* как сочетания аффикса условного деепричастия и винительного падежа.

В разных монгольских языках условное деепричастие используется в условной конструкции и других адвербиальных зависимых, прежде всего временных. Порядок клауз при этом обычно предполагает предшествование условной конструкции главной. Во многих монгольских языках формы условного деепричастия развили те или иные модальные значения, например, в калмыцком форма *болхла* используется для выражения ирреалиса. Подобное развитие можно объяснить эллипсисом главного предложения с финитной формой (инсубординацией) [Ямакоши 2017: 291–292].

Другой круг значений связан с топикальным статусом условных конструкций. В частности, в халха-монгольском показатель топика *bol* возник из стя-

женной формы условного деепричастия глагола ‘стать’. В калмыцком языке лексикализировались формы условного деепричастия от глаголов-местоимений ‘делать так’ (*тиигхлэ, шигхлэ*), глагола ‘стать’ (*болхла*) и ‘говорить’ (*гихлэ*), в бурятском им примерно соответствуют формы *тиигэбэл, болбол*. Они используются в качестве маркеров хезитатиции, в качестве эмфатической конструкции для выделения какого-то слова и топикализации с *болхла* (в устном калмыцком часто в форме *-хлаг: болхлаг, тиигхлэг*, см. подробнее [Баранова 2019]).

- 1) *Ekəm bol-xla jun uj-dæg, uj-dæg bilä*
 мама статья-CV.SUCC что шить- PC.HAB шить-PC.HAB быть.REM
 ‘Мама же швея, была швеей’.

Союзная стратегия в монгольских языках и грамматикализация деепричастий

Союзная стратегия оформления условной конструкции слабо грамматикализована в монгольских языках: в халхасском «союзообразный» маркер *xereb* дополнительно выражает условные отношения вместе с деепричастием на *-bal*, т. е. *xereb* еще нельзя трактовать как союз в полном смысле [Janhunen 2012: 287]. В бурятском отмечается сходное развитие показателя *хэрбээ* в условный союз, но интересно соотношение лексического и морфологического способов выражения условной семантики.

Данные корпуса бурятского языка показывают, что выражение условного значения возможно как только формой условного деепричастия *-бал / -бэл / -бол*, так и с помощью двойного маркирования. Обычно один элемент этого расщепленного кодирования условных конструкций союзообразный показатель *хэрбээ* в сочетании с формой условного деепричастия *-бал*, как в примере (2); с постпозитивной частицей *haa* (3), в одиночном употреблении маркирующей уступительные конструкции; с частицей *бол* (<*bolbol*), возникшей из формы условного деепричастия вспомогательного глагола *bol-* ‘стать’ и служащей маркером топика (4).

- 2) *Хэрбээ гар-ай хүдэл-бэл, сэдхэхэл-шье хүдэл-нэ*
 если рука-GEN двигаться-CVB.COND мысль-PCL двигаться- PRS
 ‘Если руки заняты, то и мысль работает’.

[М. Батоин. Буддын суртал (2007), БК]

- 3) *Холын хүн-эй хэрбээ ороо хаа, эшхэбтэр иэнги.*
 дальний человек- GEN если входит PCL.CONC неудобно словно
 ‘Если зайдет человек, прибывший издалека, неудобно’.

[Ч. Цыдендамбаев. Банзарай хүбүүн Доржо (1953), БК]

- 4) *Хэрбээ зарим гэр-нүүд-эйн тооно-ор бүүдэгэрхэн утаан-ай гараа-гүй бол,*
 если некоторый дом-PL дымовое.отверстие- INS-GEN-P3 неясный дым-GEN
 выходит- NEG TOP
тэдэнише холохоо хараха-да обёор-хоор бэшэ.

3. PL издалека смотреть-CVB замечать-CVB.PURP NEG

‘Если не будет видно еле заметного дыма из трубы, увидеть издалека невозможно’.

[Б. Санжин, Б. Дандарон. Заяная зам (1966), БК]

В примерах (2) и (3), по оценке носителей языка, показатель *хэрбээ* может быть и опущен, тогда как в примере (4) для передачи уступительного значения недостаточно топиальной частицы *бол*. Можно видеть, как происходит грамматикализация показателя *хэрбээ* в условный союз или союзообразный показатель. Во-первых, в большинстве случаев порядок слов соответствует положению союза в индоевропейских языках, в начале клаузы, хотя возможен и другой порядок слов, как в примере (3). Во-вторых, формы с двойным маркированием с условным деепричастием составляют лишь небольшую часть употреблений показателя *хэрбээ* в корпусе: из 825 случаев употребления показателя *хэрбээ* в БК условное деепричастие в той же клаузе находится лишь в 54 случаях. Наиболее распространенным случаем употребления *хэрбээ* является сочетание *хэрбээ... хаа* (N=406), часто переводимое как парный союз *если... то*, без дополнительного морфологического кодирования условной конструкции.

В калмыцком языке нет такого однозначного развития союзной стратегии на основе одного показателя. Г. Ц. Пюрбеев описывает несколько способов союзного выражения условных значений, прежде всего союзы *кемр* и *кемржэнэ*, а также «дицендиальное союзное слово *гихлэ*, расчленённые союзные сочетания *кемр... гихлэ* ‘коль... если’, а также малоупотребительное сочетание *гисн хөөн* [Пюрбеев 2010: 235].

Все эти способы, по экспедиционным данным, крайне мало представлены в устной речи. В письменной они также не слишком частотны; относительно регулярно используется только союз *кемр* в условной конструкции с двойным маркированием с показателем условного деепричастия (174 примера в корпусе).

5) *Кемр буркг өдри-г сөө-д тоол-хла, сөньюлн бол-жэ нар-на*
если пасмурный день-ACC ночь-DAT считать-CVB.SUCC ночь много стать-CVB.IPFV
выходит-PRS

‘Если пасмурные дни принимать за ночи, то ночей оказывается больше’.

[Пюрбеев 2010: 192]

Важно отметить, что эти способы организованы по-разному: если союзы *кемр* и *кемржэнэ* находятся в начале зависимого предложения и сочетаются с формой условного деепричастия, то развитие показателя *гихлэ* как маркера условной конструкции располагается в конце клаузы, что свойственно для условного деепричастия: Очевидно, что форма *гихлэ* грамматикализована, как в примере (6), однако в некоторых случаях может быть переведена буквально как условное деепричастие.

6) *Кемр хаалһ-ас хажси-й ги-хла, белкүсцэ-һэн көр-т булх-гд-на*
если дорога-AVL отступать-NOR говорить-CVB.SUCC до.пояса- P.REFL сугроб-DAT
закапывать-PASS-PRS

‘Как только надумаешь свернуть с дороги, сразу же по пояс проваливаешься в снег’.

[Пюрбеев 2010: 237]

Формы условного деепричастия в сочетании с вопросительными словами, образованными в свою очередь формами разделительного деепричастия, образуют союзообразные конструкции со значением уже не условного, а причинного союза. Наиболее распространённым является сочетание *юңгад гихлэ*, другое сочетание *яһад гихлэ*. Следует отметить, что не все носители языка одинаково оценивают эти конструкции: некоторые избегают их использования из стилистических соображений.

Лексикализация выражений *юңгад гихлэ* и *яһад гихлэ* показывает переход от биклаузальной структуры (когда *юңгад гихлэ* интерпретировалось как придаточное, соотносящееся с главным предложением) к моноклаузальной. Выражение собственного подлежащего зависимой клаузы невозможно, но встречается промежуточное употребление, близкое к функциям вставной конструкции, как в примере (7).

- 7) *Яһад ги-хлэ*, чи дегэд тагчгар шик-эж мөлк-нэ-ч, гижэ туула хэрү өгв
 что сказать, 2SG.NOM потом тихо наступать-CV.V.IPF ползти-PRS-2SG заяц ответ
 дать
 ‘Что (можно) сказать, ты подползаешь незаметно — ответил Заяц’.

[Хальмг үнн, 2006-05-04, КК]

В небольшом корпусе калмыцкого языка (КК) из 851 случая употребления формы условного деепричастия от глагола *ги-* ‘говорить’, *гихлэ*, большинство составляют *юңгад гихлэ* (N=551) и 79 употреблений *яһад гихлэ*.

Союзообразный показатель *юңгад гихлэ* стоит при этом в начале предложения и обычно в зависимой клаузе, как в примере (7).

- 7) *juṅgad gi-xlä či xalʹmæg kel-n durl-ad (...)*
 почему говорить-CV.V.SUCC 2SG.NOM калмыцкий язык-EXT любить-CV.V.ANT
 ‘Потому что ты полюбила калмыцкий язык...’

Однако в речи некоторых носителей возникают, вероятно, в качестве интерференции русской модели придаточных предложений с союзом *потому*, конструкции, в которых *юңгад гихлэ* оформляет вторую часть с финитной формой, что естественно для русского языка, но не свойственно монгольским языкам.

Заключение

Выше кратко рассмотрены соотношения условных деепричастных конструкций в калмыцком и бурятском языках и маркирование условных конструкций союзными или союзообразными показателями. Развитие показателя *хэрбээ* в бурятском (и, вероятно, халха-монгольском) и союза *кемр* в калмыцком сходно с индоевропейскими структурами условных предложений и может быть интерпретировано как контактное явление. Однако грамматикализация условного деепричастия *гихлэ* в показатель условной конструкции представляется результатом внутреннего развития топикальной конструкции с условным деепричастием десемантизированных глаголов. Развитие союзов, в том числе с условным значением, — характерное направление грамматикализации для глагола ГОВОРИТЬ в разных языках (ср. русскую противительную конструкцию *не говоря уже о том...*). Одновременно с этим сочетания с *гихлэ*

(*юңгад гихлэ* и др.) развиваются в союзные слова, стоящие в начале предложения, что также сходно с моделями союзного предложения в русском языке. Нужно отметить, что в речи некоторых носителей порядок клаузу с *юңгад гихлэ* копирует русские модели сложного предложения.

Сокращения

2, 3 — 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — винительный падеж; CVB.ANT — разделительное деепричастие; CVB.COND — условное деепричастие; CVB.IPFV — соединительное деепричастие; CVB.SUCC — последовательное или условное деепричастие; DAT — дательный падеж; HOR — гортатив, желательное наклонение; NEG — отрицание; P — личный possessивный показатель; PCL — частица; PC.HAB — хабитуальное («многократное») причастие; PC.PST — причастие прошедшего времени; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PURP — деепричастие цели; REM — отдаленное прошедшее время; SG — единственное число; TOP — показатель топика.

Литература

- Баранова 2019 — *Баранова В. В.* Условное деепричастие на *-хла* в калмыцком языке // Монгол-Орос хэл шинжлэлийн түүвэр / ред. Г. Билгуудэй и др. Улаанбаатар, 2018. С. 392–405.
- БК — Корпус бурятского языка (<http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/>).
- КК — Корпус калмыцкого языка (<http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/>).
- Пюрбеев 2010 — *Пюрбеев Г. Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. 2-е изд., перераб. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 299 с.
- Ямакоши 2017 — *Ямакоши Я.* Монгол төрөл хэлнүүдийн «insubordination» (гишүү бус огуулбэр) // Монгол судлал ба тогвортой хөгжил. Улаанбаатар, 2017. С. 289–292.
- Janhunen 2012 — *Janhunen J.* Mongolian. Amsterdam: John Benjamins, 2012. 320 p.
- Leinonen 2009 — *Leinonen M.* Russian influence on the Ižma Komi dialect // International Journal of Bilingualism, 2009. Vol. 13. No. 3. P. 309–329.
- Matras 2009 — *Matras Y.* Language contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 366 p.
- Matras, Sakel 2007 — Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective / ed. by Y. Matras. & J. Sakel. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. 610 p.
- Muhamedowa 2009 — *Muhamedowa R.* Russian Conjunctions in the Speech of Kazakhs // The International Journal of Bilingualism. Vol. 13. No. 3. 2009. P. 331–356.
- Potanina, Filchenko 2016 — *Potanina O., Filchenko A.* Russian Contact-Induced Innovations in Eastern Khanty // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. Vol. 12. No. 2. P. 27–39.
- Rákos 2015 — *Rákos A.* Synchronic and Diachronic Comparative Analysis of the Oirad Dialects. Doktori Disszertáció. Budapest: Eötvös Loránd University, 2015. 167 p.

References

- Baranova V. V. Conditional converbs with *-хла* in the Kalmyk language. In: Bilguudey G. et al. (eds.) Mongolian-Russian Linguistics. Collected Papers. Ulaanbaatar, 2018. Pp. 392–405. (In Russ.)
- Corpus of the Buryat Language. Available at: <http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/> (In Bur.)
- Corpus of the Kalmyk Language. Available at: <http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/> (In Kalm.)

- Janhunen J. Mongolian. Amsterdam: John Benjamins, 2012. 320 p. (In Eng.)
- Leinonen M. Russian influence on the Ižma Komi dialect. *International Journal of Bilingualism*. 2009. Vol. 13. No. 3. Pp. 309–329. (In Eng.)
- Matras Y. Language contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 366 p. (In Eng.)
- Matras Y., Sakel J. (eds.) Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. 610 p. (In Eng.)
- Muhamedowa R. Russian conjunctions in the speech of Kazakhs. *International Journal of Bilingualism*. 2009. Vol. 13. No. 3. Pp. 331–356. (In Eng.)
- Potanina O., Filchenko A. Russian contact-induced innovations in Eastern Khanty. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2016. Vol. 12. No. 2. Pp. 27–39. (In Eng.)
- Pyurbeev G. Ts. Kalmyk Grammar: Syntax. 2nd ed., rev. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2010. 299 p. (In Russ.)
- Rákos A. Synchronic and Diachronic Comparative Analysis of the Oirad Dialects. Budapest: Eötvös Loránd University, 2015. 167 p. (In Eng.)
- Yamakoshi Ya. ‘Insubordination’ in Mongolic languages. In: *Mongolian Studies and Sustainable Development*. Ulaanbaatar, 2017. Pp. 289–292. (In Mong.)

УДК 811.512.31

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-644-651

О расширении круга модальной лексики в разговорном бурятском языке: функционально-модальные слова

Полина Петровна Дамбуева¹

¹ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский переулок, 125009 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-1948-7149. E-mail: polina-dambueva@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Дамбуева П. П., 2020

Аннотация. *Введение.* Модальность присутствует в любом языке на уровне слова, словосочетания, предложения. В свете сказанного нет ничего неожиданного в том, что средства её выражения можно наблюдать на самых разных ярусах языка: модальность выражается на синтаксическом, морфологическом, лексическом, фонетическом уровнях; очень часто морфологические, синтаксические и другие средства выступают комбинированно. Несмотря на очевидную универсальность данного явления, проблема модальности в монголоведении еще не получила своего полного описания, а литература о модальных и функционально-модальных словах в частности очень ограничена. *Цель.* В статье поднимается вопрос о лексических единицах — существительных, прилагательных, наречиях, выполняющих в некоторых условиях функции модальных слов в силу их склонности к развитию вторичных употреблений, в частности, функцию модальных слов, усиливающих, подчеркивающих определенный отрезок высказывания. *Результаты.* Функционально-модальные слова, имея разные формально-морфологические признаки и свои первичные лексические значения, из-за заложенного в их семантике эмоционально-экспрессивного оттенка могут в сообщении, наряду с модальными словами, выражать их общее грамматическое значение — отношение (разноаспектное) говорящего к содержанию своего высказывания или его части. Рассмотренные функционально-модальные слова не отличаются от своих «собратьев» по лексико-грамматическому разряду, но эпизодические утраты лексического значения в связи с выполнением функции модального слова привлекают к ним внимание как явление, знаменующее собой возможное начало затемнения лексического значения и последующих деривационных процессов — лексикализации, транспозиции, перехода из одной части речи в другую. Касается автор и принципиального теоретического вопроса о включении / невключении в категорию модальности эмоционально-экспрессивных значений, которые многие исследователи исключают из названной категории, объясняя это тем, что они не выражают логико-рассудочную квалификацию содержания высказывания. Языковой материал, как представляется автору, сопротивляется делению высказываний на логико-рассудочные и эмоционально-экспрессивные, так

как во многих случаях даже в рамках одного слова эти два аспекта предстают в неразрывном единстве.

Ключевые слова: категория, модальность, модальные значения, объективная модальность, субъективная модальность, модальные слова, функционально-модальные слова

Благодарность. Настоящее исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 19-512-44017 «Структурно-вероятностная интегральная модель монгольских языков» и № 18-012-00611 «Структурно-вероятностная морфология монгольских языков». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Дамбуева П. П. Расширение круга модальных слов в разговорном бурятском языке: Функционально-модальные слова // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 644–651. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-644-651

UDC 811.512.31

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-644-651

Expanded Modal Vocabulary of Spoken Buryat Revisited: Functional-Modal Words

*Polina P. Dambueva*¹

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0003-1948-7149. E-mail: polina-dambueva@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Dambueva P. P., 2020

Abstract. *Introduction.* Modality is present in any language at the level of words, phrases, sentences. In this regard, it is not unexpected, that the means of its expression can be observed at most different levels of the language: modality is expressed at the syntactic, morphological, lexical, phonetic levels; very often morphological, syntactic and other means are combined. And, nevertheless, despite the obvious prevalence and universality of this phenomenon, the problem of modality has not yet received its full description, and the literature on modality, functional-modal words in particular, is very limited. *Goals.* The article raises the question of lexical units — nouns, adjectives, adverbs, which in some conditions perform the functions of modal words due to their tendency to develop secondary uses, in particular, the function of modal words, that reinforce, emphasize a certain segment of a statement. *Results.* Functional-modal words, having different formal-morphological features and their primary lexical meanings, due to the emotional-expressive connotation inherent in their semantics, can in the message, along with modal words, express their general grammatical meaning - the speaker's (multi-aspect) attitude to the content your statement or part of it. The considered functional-modal words do not differ from their 'brothers' in the lexical and grammatical category, but episodic losses of lexical meaning in connection with the performance of the function of the modal word draw attention to them as a phenomenon, that signifies the possible beginning

of obscuring the lexical meaning and subsequent derivational processes — lexicalization, transposition, transition from one part of speech to another. The paper also touches upon the fundamental theoretical issue of including / excluding emotional-expressive meanings in the modality category, which many researchers exclude from the named category, explaining that they do not express the logical-rational qualification of the content of the utterance. The linguistic material, as it seems to the author, resists the division of statements into logical-rational and emotional-expressive, since in many cases, even within the framework of one word, these two aspects appear in an inseparable unity.

Keywords: category, modality, modal meanings, objective modality, subjective modality, modal words, functional-modal words

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 19-512-44017 ‘Structural Probabilistic Integral Model of Mongolic Languages’ and project no. 18-012-00611 ‘Structural Probabilistic Morphology of Mongolic Languages’. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Dambueva P. P. Expanded Modal Vocabulary of Spoken Buryat Revisited: Functional-Modal Words. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 644–651. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-644-651

Модальность — языковая универсалия, обнаруживающаяся на всех ярусах языка, но, несмотря на распространенность этого слова в лингвистической литературе, термин «модальные слова» остаётся «привычным незнакомцем»: в русской грамматике модальность рассматривается в связи с синтаксическим явлением вводности [Русская грамматика, 2 1980: 215], в общей классификации частей речи разряд модальных слов отсутствует [Русская грамматика, 2 1980: 457–458], в школьной программе их также традиционно нет, хотя в вузовских учебниках утверждение об их существовании как особой части речи является вполне устоявшимся, а в исследованиях морфологического статуса модальных слов недостатка нет (см. например: [Панков 2003; Калягина 2015; и др.]). В монголоведении описание модальных слов фрагментарно, так как они рассматриваются на общем фоне категории модальности, которая, как известно, включает в себя широкий круг языковых явлений [Пюрбеев 1981; Мөнх-Амгалан 1998; Мулаева 2006]. Несмотря на то, что стандартизация языковых форм, выражающих метатекстовое значение, развивается, в работах по модальности не наблюдается единого метаязыка описания из-за отсутствия терминологического согласия [Nuyts, van der Auwera 2016: 28].

Список модальных слов, употребляемых в литературном бурятском языке, как показывает работа методом сплошной выборки со словарями, невелик и представляется как достаточно закрытый. Модальное слово *яажашье*, например, выражает значение необходимости, *илангаяа* — подчеркивания, выделения какого-либо участка высказывания, *нээрээ, үнэхөөрөө, лаб, лабтай* — уверенности, *магад, магадгүй* — неуверенности, *угайдхадаа* вводит значение уступки, сожаления. Выделяют также ряд однотипных модальных слов: *хэрэгтэй, зэргэтэй, аргатай, ханаатай, таамтай, назаатай, хэбэртэй, янзатай, ёһотой, гээшэлтэй, баатай, ушартай, түхэлтэй*. *Аргатай* всегда выражает возможность совершить действие, а *ёһотой, хэрэгтэй, ушартай, зэргэтэй* вы-

ражают значение необходимости, долженствования. Например: *Энээндэ бидэ хоёр этигэлхэ ёһотойбди* ‘Этому человеку мы должны верить’.

Значение уверенного утверждения в предложении вносит модальное слово *лаб (лабтай)*: *Тэрэши лабтай эндэ байха* ‘Он точно будет здесь’; *Хулгайшадай муртэ гараһанаа би лаб ойлгобоб* ‘Я точно знал, что вышел на след похитителей’.

Значение предположения, догадки выражают сочетания, состоящие из причастия основного глагола и одного из таких модальных слов, как *түхэлтэй, хэбэртэй, янзатай, назаатай, бололтой*, имеющие значение «пожалуй», «кажется», «должно быть», «по-видимому» соответственно.

С точки зрения происхождения перечисленные слова на *-тай / -тэй* являются, вероятно, именами *ёһо, һанаан, хэрэг, зэргэ, арга* и т. д., застывшими в совместном падеже. Слово *бололтой* З. В. Шевернина рассматривала как модальное слово, образованное, возможно, от глагольной формы на *-лтай* со значением возможности, допустимости действия [Шевернина 1980: 83], с чем трудно не согласиться.

Причиной образования подобных слов в разных языках, как отмечает А. А. Шахматов, «является постоянное зависимое положение некоторых лексических средств в составе предложения» [Шахматов 1941: 36]. Что касается происхождения названных модальных слов, то нетрудно заметить, что они образовались от имен, в семантике которых заложены модальные значения.

Примечательно, что в русском языке этот процесс довольно продуктивен. Слова с внутренней экспрессией привлекаются говорящим для воздействия на собеседника, т. е. выступают в качестве функционально-модальных слов, что впоследствии может превратиться в тенденцию перехода знаменательных слов в модальные.

Так, существительные *ужас, страсть*, служащие в отдельных примерах для выражения высокой степени удивления, чувства страха, выполняют роль модальных слов: *У Змея в этом саду огромные птицы сидят. Страсть огромные. Загубил Змей людей — ужас* [Верхоленские сказки 1938: 49].

В бурятском языке чрезвычайно много слов, которые из-за экспрессивно-эмоциональной окраски (подобно описанным выше словам *ужас* и *страсть* в русском языке) стали употребляться в значении «очень», «совсем», «вовсе», «совершенно», «исключительно» и тем самым служат для передачи субъективной модальности, т. е. выражают стремление говорящего выделить (акцентировать, подчеркнуть) что-либо в сообщении, усилить какую-то часть заключенной в нем информации. Все эти слова имеют особое значение выделенности из общего ряда, вытекающее из сравнения с усредненной мерой данного качества (неким конвенциональным представлением).

Таковы слова, содержащие в своей семантике способность давать предметам качественную характеристику, преимущественно прилагательные и наречия: *превосходный, чудесный, замечательный, грязный, уродливый, ужасный; красиво, ярко, страшно, позорно, тяжело* и т. д. Наблюдения над устной речью бурят дают очень обширный материал. Рассмотрим некоторые случаи.

Так, прилагательное *бүтүү* имеет значение «глухой, непролазный, дремучий»: *бүтүү манан* ‘непроглядный туман’, *бүтүү ой тайга* ‘глухая, дрему-

чая тайга'. Из-за высокой степени проявления признака *бүтүү* используется в разговорной практике в значении «очень», «совсем»: *бүтүү харлажа хууна* 'сидит очень мрачный'; *бүтүү даараад байнам* 'Я совершенно замерз'.

Бузар 'грязный, нечистый, мерзкий'. Из-за внутренней экспрессии слово это часто употребляется в значении «очень»: *бузар олон* 'очень много', *бузар томо* 'очень большой', *бузар хайн* 'очень хороший', *бузар гоё* 'очень красивый'. Ср. с русским *ужасно*: *ужасно большой, ужасно хорошенький* в значении высшего проявления признака.

То же самое **булай** 'мерзкий, гнусный', 'беда'. Используется в значении «чрезмерно, очень, чересчур»: *булай бэрхэ* 'очень умелый'.

Ехэ 'большой, крупный, важный'; 'взрослый'; 'много'. Слово *ехэ* часто употребляется в значении «очень»: *ехэ хайн хун* 'очень хороший человек'; *ехэ тургэн* 'очень быстрый' ('очень горячий' — о человеке). Этот процесс иногда доходит до слияния подобных словосочетаний в одном значении: *ехээр айма* 'ужас', *ехээр гоёшоолго* (или *ехээр хайхашаалга*) 'восхищение'. Иногда для усиления эмоционального воздействия на слушателя привлекаются существительные в роли сравнения: *буха ехэ хүүргэ* 'большой, как бык, мост' (досл. 'бык большой мост'); *далай ехэ жаргал* 'большое, как море, счастье' (досл. 'море большое счастье'); *хүрэг ехэ мүнгэ зөөри* 'громадные, как стада, богатства' (досл. 'стадо много богатство'). Иногда существительные, взятые для сравнения, употребляются самостоятельно (первый шаг к лексическому сдвигу):

— Сколько купил тетрадей?

— Море.

Айхабтар 'страшный, ужасный', происходит от глагола *ай-* 'бояться'. Как и предыдущие, это слово по своей семантике «обречено» выражать значение «очень»: *айхабтар гоё* 'очень красивый' (или 'очень хорошенький').

Зориг 'желание, намерение, смелость, сила воли'. Значение «очень» выражает с помощью частицы *-гуй*: *зориггуй муу* 'очень плохой'; *зориггуй хайн* 'очень хороший'.

Аймшагтай 'страшный, ужасный, жуткий, грозный'. *Аймшагтай душа* 'очень горластый' (петух); *аймшагтай үнэтэй* 'очень дорогостоящий'.

Хүрхэй 'прекрасный, чудесный': *хүрхэй хүгжэм* 'чарующая музыка'. В речи может использоваться в роли усилительной частицы: *хүрхэй ехээр баярлах* 'исключительно сильно радоваться'; *хүрхэй ехэ ажаллах* 'исключительно много трудиться'.

Зутар 'грязный, злостный'. Встречается: *зутар муу зан* 'очень плохой характер'; *зутар хайн* 'очень хороший'.

Нөөл 'замечательный': *нөөл морин* 'замечательный конь'. Употребляется для усиления характеристики предмета: *нөөл ехэ* 'чрезвычайно большой'; *нөөл ехэ соолго* 'гигантская прорубь'; *нөөл эртэ* 'очень рано'.

Муухай 'уродливый, некрасивый, грязный, неблагоприятный'. В речи встречается: *муухай ехэ* 'громадный'; *муухай сэбэр (дууй)* 'очень красивая (песня)', дословно получается: *некрасивая красивая песня*.

Нэгээгүй 'бесшабашный, беспардонный'. Может входить в предложения в роли выделительной частицы: *нэгээгүй хайн тура* 'исключительно красивый дом'.

Зүдэг ‘позорный, постыдный’. Употребляется в значении «очень, совсем»: *зүдэг муухай* ‘очень грязный’, *зүдэг ядашоо* ‘очень затрудняется’.

Хэсүү ‘трудный, тяжелый, тяжкий; тяжело, тяжко’: *Тэрэ хүниие харахань хэсүү байба* ‘Тяжело было смотреть на этого человека’. В составе предложения может употребляться в значении «очень, слишком»: *Хэсүү олон* ‘очень много’ (слишком много); *хэсүү хуйтэн үдэр* ‘очень холодный день’; *хэсүү хайханаар бэшэхэ* ‘очень красиво писать’.

Зүдэр ‘замечательный, отличный’. Употребляется иногда: *зүдэр муу* ‘очень плохой’; *зүдэр хайн* ‘очень хороший’.

Зэбүүсэмэ ‘отвратительный, омерзительный, мерзкий’. Также может употребляться в значении «очень»: *зэбүүсэмэ харанхы* ‘очень темно’; *зэбүүсэмэ зузаан* ‘очень густой, дремучий (о лесе)’.

Наргама ‘яркий, ослепительный’: *Нюдэ наргама сахилгаан ялагад гэбэ* ‘Блеснула ослепительная молния’. Употребляется как усилительное слово *весьма, исключительно*: *наргама хайхан* ‘очень красивый’, *наргама харуул* ‘исключительно светлый’.

Зүггүй ‘беспутный (о человеке), никчемный’. Это слово образовалось от нейтрального существительного *зүг* ‘направление’. Прибавление отрицательной частицы *-гүй* придало слову способность давать качественную характеристику человеку, а также предметам неживой природы: *зүггүй үгэ бу дуугара* ‘не говори ерунды’; *зүггүй хүн* ‘бестолковый человек’. Ср.: *газардаха* ‘оказаться в тяжелом положении’ — *газардахагүй* ‘ловкий, изворотливый’; *жэшэдхэхэ* ‘сравнивать, сопоставлять’ — *жэшэдгүй* ‘несравненный’. Слово *зүггүй* употребляется в значении «очень» при необходимости усиления, выделения отдельных моментов высказывания: *зүггүй амтатай* ‘очень вкусный’.

В значении «очень» употребляются и существительные *лай* ‘беда’ (*лай хүндэ* ‘очень тяжелый’), а также слово *дэмы*. Значение этого слова «вздор, чепуха, нелепость, абсурд»: *дэмы алмай бү хэлэ* ‘не говори чепухи’. *Дэмы* также может употребляться в аналогичных сочетаниях в значении «очень, замечательно, чрезвычайно»: *дэмы даруу* ‘очень спокойный’; *дэмы бэрхэ* ‘чрезвычайно способный’. Слово *дэмы* можно встретить в специальных синтаксических конструкциях, призванных выражать модальное значение невозможности, нецелесообразности: *Тэрээндэ найдаһамнай дэмы* ‘Нечего надеяться на него’; *Үхибүүд бэшэбди, аргадажа дэмы* ‘Мы не дети, не стоит нас уговаривать’.

В синтаксические конструкции, выражающие субъективную модальность, попало слово *балтаһан* с тем же значением «чепуха, ерунда». Это существительное употребляется для выражения иронического сомнения: *Юун балтаһанай мүнгэн байба гээшэб тэрээндэ!* ‘Какие к черту у него деньги!’; *Юун балтаһанай мэдэбэ гээшэб?!* ‘Что (он / она) может знать?!’.

В ряде случаев употребление функционально-модального слова фиксируется в словарях, что свидетельствует о высокой степени освоенности вторичного значения литературной формой языка. Например, наречие *нүгэлтэй*, образованное от существительного *нүгэл* ‘грех’, в функции модального слова приобрело значение «очень» и употребляется уже при положительной характеристике предмета в знак восхищения каким-либо его качеством: *нүгэлтэй*

сайхан дуулав ‘поразительно хорошо спел’, *нүгэлтэй хурдан морь* ‘изумительно быстроногий конь’ [БАМРС, 2 2001: 431].

Сказанное выше свидетельствует о том, что в модальной функции, т. е. в роли выделения, усиления отдельных мест высказывания, выступают те слова (преимущественно прилагательные, наречия, существительные), которые имеют внутренний экспрессивный заряд, по своему содержанию обозначают яркие стороны и проявления исключительных свойств как человеческой личности, так и ряда неживых предметов, в своей семантике содержат способность давать качественную характеристику предмету высказывания.

Следует отметить и то, что перечисленные слова, употребляющиеся в экспрессивном, усилительном значении «очень, чрезвычайно, исключительно», больше употребляются (а иногда только употребляются) в разговорной речи. И это говорит о том, что в связи с изучением модальности больше следует уделять внимания живому разговорному языку, рассматривать разговорную речь с точки зрения взаимодействия книжной и народно-разговорной стихий, привлечения данных диалектологических и фольклороведческих работ. При этом нельзя пренебрегать индивидуально-речевым фактором в формировании языка, ролью отдельных индивидуальностей, потому что объективно-языковые тенденции складываются из субъективно-речевых моментов. Язык — это взаимодействие частных систем, форм слов и конструкций, а разговорная речь — кузница языковых изменений, арена действия человеческого фактора в языке.

Лексическому выражению модальности должны быть посвящены специальные исследования с целью более полного выявления модальных слов и частиц, функционально-модальных слов, находящихся на стадии перехода в модальные слова. Для этого необходимо обращаться к процессам, происходящим в сфере взаимовлияния устных и письменных форм языка, к современной речи бурят разных возрастных и профессиональных групп. Наблюдая за этим живым фондом, можно широко привлекать в круг модальности слова и выражения, которые кажутся по тем или иным признакам перспективными.

Литература

- БАМРС, 2 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 2. Д-О. М.: Academia, 2001. 536 с.
- Верхоленские сказки 1938 — Верхоленские сказки. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1938. 302 с.
- Калягина 2015 — *Калягина И. Г.* Зависимость варианта значения модального слова от контекста его употребления // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 4 (87): в 2-х ч. Ч. 1. С. 154–158.
- Мөнх-Амгалан 1998 — *Мөнх-Амгалан Ю.* Орчин цагийн монгол хэлний баймжийн ай. Улан-Батор: Сургалтын Төв, 1998. 370 с.
- Мулаева 2006 — *Мулаева Н. М.* Лексико-грамматические средства выражения модальности в калмыцком языке (возможность, необходимость, достоверность): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2006. 22 с.
- Nuyts, van der Auwera 2016 — *Nuyts Jan; van der Auwera Johan.* The Oxford Handbook of Modality and Mood. Oxford: Oxford University Press, 2016. 670 p.
- Панков 2003 — *Панков Ф. И.* Еще раз о грамматике и семантике модальных слов (фрагмент лингводидактической модели русской морфологии) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003. № 2. С. 59–74.

- Пюрбеев 1981 — *Пюрбеев Г. Ц.* Категория модальности и средства ее выражения в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 25–30.
- Русская грамматика, 2 1980 — Русская грамматика в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М.: Наука, 1980. 709 с.
- Шахматов 1941 — *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
- Шевернина 1980 — *Шевернина З. В.* Функционально-семантические значения модальных частиц в монгольском языке // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980. С. 20–31.

References

- Folktales of the Upper Lena Valley. Irkutsk: Eastern Siberia Book Publ., 1938. 302 p. (In Russ.)
- Kalyagina I. G. Dependence of modal word meaning on its usage context. *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 2015. No. 4 (87). Part 1. Pp. 154–158. (In Russ.)
- Mulaeva N. M. Kalmyk Lexical and Grammatical Modality Means: Possibility, Necessity, Certainty. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Elista, 2006. 22 p. (In Russ.)
- Mönkh-Angalan Yu. Existential Threats to Modern Mongolian. Ulaanbaatar: Suraltyn Töv, 1998. 370 p. (In Mong.)
- Nuyts J., Auwera J. van der. The Oxford Handbook of Modality and Mood. Oxford: Oxford University Press, 2016. 670 p. (In Eng.)
- Pankov F. I. Grammar and semantics of modal words revisited: a case study of one linguodidactic model from Russian morphology. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2003. No. 2. Pp. 59–74. (In Russ.)
- Pyurbеev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbеev G. Ts. Mongolic languages: category of modality and its means. *Voprosy Jazykoznanija*. 1981. No. 5. Pp. 25–30. (In Russ.)
- Shakhmatov A. A. Russian Syntax. 2nd ed. Leningrad: Uchpedgiz, 1941. 620 p. (In Russ.)
- Shevernina Z. V. Functional-semantic meanings of Mongolian modal particles. In: Mongolic Languages. Issues of the Grammatical System. Elista, 1980. Pp. 20–31. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. (ed.) Russian Grammar. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1980. 709 p. (In Russ.)

УДК 811.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-652-659

Особенности калмыцкого письменного языка XIX в. (на материале калмыцких писем И. Я. Шмидта (1800–1810 гг.))

Евгений Владимирович Бембеев¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0001-9936-221X. E-mail: galdma@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бембеев Е. В., 2020

Аннотация. *Введение.* В 2002 г. известные монголисты Джон Крюгер и Роберт Сервис издали книгу «Калмыцкие старинные рукописные документы Исаака Якоба Шмидта», в которой представлены факсимиле, транскрипция и перевод на английский язык эпистолярных документов, которые охватывают период с 1800 по 1810 гг. Большая часть писем — 54 из 80 — отражает переписку И. Я. Шмидта с князьями Тундутовыми, в том числе 18 — от Эрдени Тайши, 27 — от Цебека, еще 9 — от Джамба Тайши. Эти письменные памятники хранятся в архиве Общины моравских братьев г. Хернхут (Unitas Fratrum — «Объединенные братья») в папке (R.15.R.IIa № 5). *Цель* статьи — рассмотреть некоторые фонетические и морфологические особенности калмыцкого языка по данным опубликованных писем И. Я. Шмидта. *Результаты.* Язык писем И. Я. Шмидта отражает этап развития калмыцкого языка конца XVIII – начала XIX в., характеризующийся закономерным сближением фонетических и грамматических норм письменного литературного языка с живой народной речью. Материалы текстов писем показывают, что в начале XIX столетия имеет место процесс перехода сочетаний *-ou* и *-öü* в долгий гласный [u:] и [ü:] соответственно. В языке писем И. Я. Шмидта при передаче глаголов повелительной формы 2-го лица множественного числа зафиксировано несколько случаев использования разговорного форманта *-tan*, вместо традиционного показателя *-qtün / -qtun*. Языковые процессы, связанные с редукцией кратких гласных непервых слогов слова, сокращением морфологических формантов и др., нашли свое отражение в большей или меньшей степени в тексте исследуемого памятника.

Ключевые слова: калмыцкий язык, письменные памятники, письма, И. Я. Шмидт, фонетические изменения, морфология

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-512-93002 «Памятники „ясного письма“ как культурное наследие России и Китая». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и

перспективы развития – П», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Бембеев Е. В. Особенности калмыцкого письменного языка XIX в. (на материале калмыцких писем И. Я. Шмидта (1800–1810 гг.)) // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 652–659. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-652-659

UDC 811.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-652-659

Peculiarities of 19th-Century Written Kalmyk: A Case Study of I. J. Schmidt's Kalmyk-Language Letters, 1800–1810

*Evgeny V. Bembeev*¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0001-9936-221X. E-mail: galdma@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bembeev E. V., 2020

Abstract. *Introduction.* The article examines some phonetic and morphological features of the Kalmyk language traced in written monuments published by the famous Mongolists John Krueger and Robert Service in the ‘Kalmyk Old-Manuscript Documents of Isaac Jacob Schmidt’ (2002). The book presents facsimiles, transcriptions and translations of epistolary documents into English, which cover the period from 1800 to 1810. Most of the letters — 54 out of 80 — reflect correspondence with the Baga Dorbet Princes Tundutovs, including 18 from Erdeni Taisha, 27 from Tsebek, and 9 more from Jamba Taisha. These written monuments are kept in the archives of the Moravian Brothers Community in Herrnhut (Unitas Fratrum, Eng. ‘United Brothers’) in folder R.15.R.IIa No. 5. *Goals.* The paper aims at investigating some phonetic and morphological features of the then Kalmyk language discovered in the published letters. *Results.* The language of I. H. Schmidt’s letters reflects the stage in the development of the Kalmyk language in the late 18th – early 19th centuries characterized by a natural convergence of the phonetic and grammatical norms inherent to the written literary language and living folk speech. The materials of the texts show that the beginning of the 19th century witnessed a process of transition of the combinations *-ou* and *-öü* into the long vowels [u:] and [ü:], respectively. It is also noted that in words where the diphthong *-iu* is historically (traditionally) used, e.g., in the word *alčuur* — in letters it is transmitted as *alčuur*, which meets the requirements of live pronunciation. In the language of letters of I. J. Schmidt, when it comes to construct the imperative form of the 2nd person plural, several cases of using the colloquial formant *-tan* are recorded, instead of the traditional indicator *-qtin* / *-qtun*. The past participle, which is historically formed with *-qsan* / *-qsen* affixes, also approaches colloquial forms, therefore, there are frequent cases of using *-san* / *-sen* forms, which are closer to modern Kalmyk (e.g., *xara torjon irsen bolxuna* ‘if the black silk arrives’). Linguistic processes associated with the reduction of short vowels of non-first syllables of a word, reduction of morphological formants, etc., are reflected to a

greater or lesser extent in the text of the studied monument. *Conclusions.* Thus, the language of I. Ya. Schmidt's letters reflects the stage of development of the Kalmyk language at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries characterized by a natural convergence of phonetic and grammatical norms of the written literary language and living folk speech.

Keywords: Kalmyk language, written records, letters, I. Ya. Schmidt, phonetic changes, morphology

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-512-93002 'Clear Script Monuments as a Cultural Heritage of Russia and China. The article was presented at the International scientific online conference 'Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II' funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Bembeev E. V. Peculiarities of 19th-Century Written Kalmyk: A Case Study of I. J. Schmidt's Kalmyk-Language Letters, 1800–1810. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 652–659. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-652-659

Введение

История языка состоит из двух основных дисциплин: исторической грамматики и истории литературного языка. Первая из них, имеющая условное название, включает в себя и историческую фонетику с морфологией и синтаксисом, и историческую лексикологию с рядом специальных дисциплин (этимология, семасиология и т. д.). Вторая рассматривает эволюцию письменно-литературного языка, начиная с первых попыток применения письменности, через этапы развития старописьменного (книжного) языка разных эпох, вплоть до сложения современного литературного языка в его общенародно-разговорной и письменно-литературной формах существования. Для исследования проблем исторической грамматики основными источниками являются письменно-литературные памятники разных эпох и периодов, разных жанров и стилей, а также источники народно-разговорного статуса и характера.

В современной монголистике лингвистическое источниковедение представляется одним из самых перспективных направлений. В связи с этим Г. Д. Санжеев отмечал: «...последующая работа в области монгольского сравнительного и исторического языкознания должна идти в следующих направлениях: во-первых, следует продолжить исследование диалектов и говоров монгольских языков, во-вторых, необходимо значительно расширить углубленное изучение письменных памятников монгольских языков, не ограничиваясь здесь лишь публикацией источников» [Санжеев 1963: 3–4].

Углубленное изучение калмыцкого языка в диахроническом аспекте предполагает в недалеком будущем создание фундаментальных работ по исторической грамматике и истории литературного калмыцкого языка. Для этого хорошей предпосылкой являются исследования ученых [Яхонтова 2010; Сусеева 2003; Гедеева 2004; Кокшаева 2011].

В 2002 г. известные монголисты Джон Крюгер и Роберт Сервис опубликовали книгу «Калмыцкие старинные рукописные документы Исаака Якоба Шмидта», где представлены факсимиле, транскрипция, перевод этих документов на английский язык. Эти письменные памятники, которые в основном охватывают период 1800–1810 гг., хранятся в архиве Общины моравских братьев

г. Хернхут (Unitas Fratrum — «Объединенные братья») в папке (R.15.R.IIa № 5) [Krueger, Service 2002: IX].

Как отмечает во введении Джон Крюгер, впервые об этом сборнике архивных документов, который состоит из 82 документов (отчасти в зависимости от того, как они подсчитаны), упоминает Э. Хениш в статье «Kalmuckische Fragmente», опубликованной в «Ural-Altische Jahrbücher» (UAJb — ‘Ежегоднике Урало-Алтайского общества’) в № 25 (3–4) за 1953 г. (с. 283–294). Им же был дан краткий список и описание (с частичным переводом двух документов) [Krueger, Service 2002: IX]. Опубликованные письма являются ценным источником в том числе и по истории языка.

Цель статьи — рассмотреть некоторые фонетические и морфологические особенности калмыцкого языка по данным опубликованных писем И. Я. Шмидта.

И. Я. Шмидт и калмыки

Как известно, Якоб Шмидт родился в 1779 г. в Амстердаме, там он получил начальное образование. «В сентябре 1798 г. прибыл в Сарепту в составе шести представителей церковной общины евангелического братства, работал в торговой конторе. По делам службы в Калмыцкой степи провел около трех лет» [Алексеева 2010: 19]. Обладая способностями к языкам, он не только быстро выучил русский и разговорный калмыцкий языки, но и овладел ойратским письмом *тодо бичиг* (ойр. *todo bičiq*), ознакомился с устным народным творчеством, обычаями калмыков, поддерживал тесные контакты со знатоками монгольского и тибетского языков. В 1811 г. И. Я. Шмидт переехал в Москву. А в период, когда началась Отечественная война 1812 г., он поселился в Санкт-Петербурге, где работал бухгалтером библейского общества. В то же время И. Я. Шмидт продолжал свои занятия по изучению восточных языков. «Библейское общество поручало ему переводы Евангелий на калмыцкий язык (Евангелия от Иоанна и Матфея, деяния апостолов), составление небольших текстов религиозного содержания. Переведенные и отпечатанные книги отправлялись обществом в Калмыцкую степь. Его как знатока восточных языков пригласили на работу в Академию наук, где он занялся переводом тибетских текстов и составлением словаря тибетского языка. В 1822 г. в письме одному из редакторов «Азиатского журнала» в Париже И. Я. Шмидт сообщает о своем переводе «Истории монголов» Санан-Сэцэна и о своем намерении составить грамматику монгольского и ёлётского («олетского», т. е. ойратского. — Е. Б.) языков» [Алексеева 2010: 19]. И. Я. Шмидт занимался научной деятельностью и оставил после себя ряд трудов: «В 1831 г. вышла в свет его „Грамматика монгольского языка“ на немецком языке, а в следующем году — на русском. В 1835 г. был издан „Монголо-немецко-русский словарь“. Им переведены на немецкий язык многие монгольские литературные памятники: „История восточных монголов“, „Подвиги Гэсэр-хана“, „Улигерин дала“, а на русский — исторические летописи Санан-Сэцэна. В 1826 г. адъюнкт И. Я. Шмидт избран членом-корреспондентом Академии наук, затем удостоился звания академика. Умер ученый в 1847 г. в Петербурге» [Алексеева 2010: 20].

Джон Крюгер считает, что, возможно, все записки и письма, которые были адресованы И. Я. Шмидту, являлись собственностью миссии Сарепты. Если

бы он взял их с собой при отбытии в Москву, они, несомненно, погибли бы в больших московских пожарах 1812 г., когда наступил Наполеон. Следовательно, эти документы были возвращены в Германию после распада Миссии, возможно, после 1830–1840-х гг.

Письма представляют интерес с точки зрения того, что большинство из них имеет датировку. Они охватывают очень короткий период времени, около десяти лет. Большая часть писем — 54 из 80 — отражает переписку с малодербетовскими князьями Тундутовыми, в том числе 18 — от Эрдени Тайши, 27 — от Цебека, еще 9 — от Джамба Тайши. Как отмечает Р. Сервис, «судя по семи письмам Джиджи, кажется вероятным, что он является главным должностным лицом Эрдени Тайши, поскольку они озабочены получением почты Эрдени и отправкой официальных сообщений русским; далее касается споров со Шмидтом относительно того, несет ли Эрдени или Джамба ответственность за различные расходы (например, снятие их со счета Эрдени и перевод их на счет Джамбы), обеспечение поставок, необходимых для работы канцелярии, и так далее. Кайиджи также мог быть частью этого административного аппарата, так как его называют носителем писем, и он служит посланником для Чиданг Арши (5 писем), чье собственное положение неясно» (перевод автора. — Е. Б.) [Krueger, Service 2002: XIII].

Как известно, 14 октября 1800 г. грамотой императора Павла I Чучей Тундутов был утвержден наместником калмыцкого народа и получил символы власти: саблю, панцирь, соболью шубу и шапку. Также был восстановлен суд Зарго. 13 июля 1802 г. церемония объявления Чучея наместником произошла на р. Зельме в присутствии главного пристава Н. Н. Страхова. 23 мая 1803 г. Чучей умер и наместничество упразднили. В 1805 г. был произведен раздел Дербетовского улуса. К владельцу Малодербетовского Эрдени Тайше отошло 3 302 кибитки [История Калмыкии 2009: 482–484].

Некоторые фонетические особенности языка писем из коллекции И. Я. Шмидта

Несомненно, большой интерес письма представляют с языковой точки зрения как отражение живого произношения. «Язык деловых документов XVIII в., как и других веков, видимо, больше отражает живую речь, чем язык книжной религиозной литературы» [Сусеева 2003: 72]. Кроме того, исследование языка писем неразрывно связано с личностью автора, временем, местом и условиями, в которых он жил.

Материалы текстов писем показывают, что в начале XIX столетия имеет место процесс перехода сочетаний **-ou** в долгий гласный [u:]. Регулярно употреблявшееся в памятниках XVII – начала XVIII вв. сочетание **-ou** в исследуемом памятнике встречается крайне редко, например, *zügerodo: de:re:n torγoud tala bayixa nüyile:n kerege:rene sarayin xorin-du odunai bi¹* ‘в настоящее время 24 числа этого месяца поеду по делам к торгоутам’ [Krueger, Service 2002: 17]. В большинстве случаев встречается употребление **-uu**.

То же самое можно сказать и о сочетании **-öü**, которое переходит в долгий гласный [ü:]. Между тем, спорадически данное сочетание все же встречается в местоимениях *öüni / töüni: öüni ömönö Ayidarxana:sa xariji yobo:d* ‘возвра-

¹ Знак «:» обозначает долготу, знак «-» обозначает отдельное написание падежного аффикса от именной основы.

щаясь из Астрахани» [Krueger, Service 2002: 17]. Текст единственного письма, автором которого является И. Я. Шмидт, интересен тем, что в нем изобилует употребление форм *-ou* и *-öü* [Krueger, Service 2002: 127]. Мы считаем, что в конце XVIII в. в живом произношении калмыцкого языка шел процесс перехода сочетаний гласных [öü], [iü], [iu] в долгий звук [ǖ]. Однако на письме они еще имели последовательное употребление. В середине XIX столетия А. А. Бобровников по этому поводу писал: «...так как нет никакой нужды для изображения звуков [u:] и [ü:] употреблять двойные знаки, то мы считаем начертания *-ou-* и *-öü-* незаконными, и, если можно их допустить, то только в письме, для целей каллиграфических...» [Бобровников 1849: 19].

Д. Крюгер и Р. Сервис отмечают, что имеется и следующая особенность: в словах, где исторически традиционно используется дифтонг *-iu*, например в слове *alčiuur*, это сочетание в письмах передается иначе — как *alčuur* [Krueger, Service 2002: 25], что отвечает требованиям живого произношения. Этот факт является ярким свидетельством фонетических изменений, происходивших в живом калмыцком языке на рубеже XVIII–XIX вв. Как отмечает профессор Д. А. Павлов, «...существовавшая система передачи указанных фонем буквами *-e-*, *-z-* при сочетании с *-i-* исчерпала себя...» [Павлов 2000: 115]. Исторически, чтобы передать шипящую аффрикату [č] после графемы «чим», необходимо обязательно употребление гласного [i], например, *čimadu* ‘тебе’. В тексте же встречаются случаи, в которых используется употребление свистящего согласного [c] без сочетания с гласным [i]. Например: вместо [čimadu], написано [camadu], что близко к современной форме [чамд] [Krueger, Service 2002: 105].

Графический анализ текста памятника позволяет выявить процессы редукции гласных непервых слогов, которые представляют собой «ошибки» авторов. Например, в словах *ilge:qse:n* / *ilege:qsüb* во втором случае пропущена гласная [e], причем эта ошибка на странице одного и того же письма [Krueger, Service 2002: 49]. Зафиксировано также в тексте писем «неправильное» употребление исторической формы слове [yeke] ближе к разговорной [ike] [Krueger, Service 2002: 27]. Разнобой в написании кратких гласных в непервых слогах слова во многом объясняется акустической неопределенностью этих гласных. Академик Б. Я. Владимирцов в своей «Сравнительной грамматике» пишет, что «ошибки подобного рода приходится объяснять исключительно тем, что в монгольском языке прошлых времен наблюдалось то же самое явление, что наблюдается и в настоящее время, а именно: гласные не первого слога, не долгие исторически, произносились кратко, они были редуцированные, а следовательно предоставляли большие затруднения для правильного их изображения на письме» [Владимирцов 1989: 107–108].

Некоторые морфологические особенности языка писем из коллекции И. Я. Шмидта

Повелительная форма 2-го лица множественного числа образуется путем присоединения к глагольной основе аффикса *-qtün* / *-qtun*. Вопрос о морфологической структуре данного показателя до сих пор не является решенным. Так, Г. Д. Санжеев высказал сомнение по поводу того, что этот показатель путем метатезы возник из древнемонгольского *-dqun* / *-dkün* [Санжеев 1953: 102]. В свою очередь В. Л. Котвич, принимая показатель *-dqun* за старую форму,

предложил, что формант *-qtün / -qtun* образовался в монгольском языке путем соединения элемента *-k-* с пришедшим из тюркского языка аффиксом повелительного наклонения 3-го лица обоих чисел *-ī, -tu* [Котвич 1962: 261–262].

В языке писем И. Я. Шмидта при передаче данной формы зафиксировано несколько случаев использования разговорного форманта *-tan*, который впоследствии, став более активным, вытеснил показатель *-qtün / -qtun*: *Mangyar erke biši irji üzüten* ‘Неприменно завтра, приехав, посмотрите’ [Krueger, Service 2002: 25].

Причастие прошедшего времени, которое исторически образуется при помощи аффиксов *-qsan / -qsen*, в тексте писем также стремится к разговорной форме, поэтому нередки случаи употребления форм *-san / -sen*, которые ближе к современному калмыцкому языку. Например, *xara toryon irsen bolxuna* ‘если придет черный шелк’ [Krueger, Service 2002: 15].

Условное деепричастие образуется посредством форманта: *-xuna / -küne*, причем без исторически долгого второго гласного: *ene poštudu erdeni tayiḡa:su bičiq irküni* ‘если придет письмо на эту почту от Эрдени-тайши’. Интересно, что в письменных памятниках конца XIX в., например в «Хождении Бааза-багши» [Сказание 1897], условное деепричастие образуется от производных и непроизводных основ посредством форманта *-xula: / -küle:*.

Заключение

Язык писем И. Я. Шмидта отражает этап развития калмыцкого языка конца XVIII – начала XIX в., характеризующийся закономерным сближением фонетических и грамматических норм письменного литературного языка с живой народной речью. В основе этих процессов лежит редукция кратких гласных непервых слогов слова, которая обусловила в свою очередь количественное сокращение языка, изменение морфологических формантов и т. д. Эти процессы нашли свое отражение в большей или меньшей степени в тексте исследуемого памятника, созданного в духе своего времени.

Литература

- Алексеева 2010 — Алексеева П. Э. О людях и времени. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
- Бобровников 1849 — Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Унив. тип., 1849. 400 с.
- Владимирцов 1989 — Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Ведение и фонетика. Л.: Наука, 1989. 433 с.
- Гедеева 2004 — Гедеева Д. Б. Письма наместника калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2004. 194 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х томах. Т. 1. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. 848 с.
- Кокшаева 2011 — Кокшаева Н. О. Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.). Элиста: Изд. дом «Герел», 2011. 189 с.
- Котвич 1962 — Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 371 с.
- Павлов 2000 — Павлов Д. А. Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. Изд. 2-е. Элиста: КалмГУ, 2000. 285 с.

- Санжеев 1953 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.
- Санжеев 1963 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Вост. лит., 1963. 266 с.
- Сказание 1897 — *Сказание* о хождении в Тибетскую страну Малодербетского Бааза-бакши. Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленными А. М. Позднеевым. СПб.: Фак. Вост. яз. Петерб. ун-та, 1897. 260 с.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт социолингвистического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Яхонтова 2010 — *Яхонтова Н. С.* Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения Н. С. Яхонтовой. М.: Вост. лит., 2010. 615 с.
- Krueger, Service 2002 — *Krueger J. R., Service R. G.* Kalmyk old-script Documents of Isaak Jacob Schmidt 1800–1810. Todo biciq texts, transcription, translation from the Moravian Archives at Herrnhut. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. 215 p.

References

- Alekseeva P. E. About People and Time. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2010. 176 p. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. Grammar of Kalmyk Mongolian. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. 400 p. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Letters of the Kalmyk Viceroy Ubashi: 18th Century. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2004. 194 p. (In Russ.)
- Kokshaeva N. O. Epistolary Heritage of the Kalmyk Khan Donduk-Dashi, Mid-18th Century: A Case Study of Language Features. Elista: Gerel, 2011. 189 p. (In Russ.)
- Kotwicz W. L. A Study of Altaic Languages. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1962. 371 p. (In Russ.)
- Krueger J. R., Service R. G. Kalmyk Old-Script Documents of Isaak Jacob Schmidt 1800–1810: Todo Biciq Texts, Transcription, Translation from the Moravian Archives at Herrnhut. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. 215 p. (In Eng.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to the Present Days. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)
- Pavlov D. A. Kalmyk Literary Language: Issues of History and Structure. 2nd ed. Elista: Kalmyk State University, 2000. 285 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Comparative Grammar of the Mongolic Languages. Vol. I. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. 240 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Comparative Grammar of the Mongolic Languages: Verb. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963. 266 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries, 1714–1724: A Sociolinguistic Study. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- The Tale of How Ven. Baaza Bakshi of the Baga Dorbet Undertook a Pilgrimage to the Land of Tibet. A. Pozdneevev (transl., comment.). St. Petersburg: Imperial St. Petersburg University, 1897. 260 p. (In Kalm. and Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Classical Mongolian and Khalkha Dialect: A Comparative Grammar. Introduction and Phonetics. Leningrad: Nauka, 1989. 433 p. (In Russ.)
- Yakhontova N. S. The Oirat Dictionary of Poetic Expressions. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. 615 p. (In Oir. and Russ.)

УДК 81-26

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-660-667

Употребление показателей множественного числа существительных в современных халха-монгольском и бурятском языках

Анна Владимировна Мазарчук¹

¹ Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, Тучков переулок, 199053 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-3679-2858. E-mail: anja_av@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Мазарчук А. В., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье сравнивается употребление маркеров плюралиса существительных в современных халха-монгольском и бурятском языках. В монгольских языках использование показателей множественного числа существительных факультативно. При этом в бурятском языке они употребляются чаще, чем в монгольском. *Цель.* Чтобы выяснить, насколько сильно разнятся количественные показатели на сегодняшний день (и уже на основании этих данных делать какие-то выводы), автор собрал два мини-корпуса газетных статей схожей тематики (политика, экономика, культура, спорт), опубликованных в интернет-версии монгольской газеты «Өнөөдөр» и бурятской интернет-газете «Буряад үнэн» с апреля по август 2020 г. — в период, непосредственно предшествовавший началу данного исследования: автору было важно, чтобы данные максимально отражали сегодняшнее состояние языка. Объем мини-корпуса монгольских текстов составляет 10 032 словоупотребления, бурятского — 10 261 словоупотребление. *Материалом* исследования стали именно газетные тексты, так как они быстрее и в большем объеме, чем художественные или научные, вбирают в себя новшества, появляющиеся в языке. Наиболее достоверные результаты мог бы дать анализ полевого материала, но сейчас проведение полевых исследований затруднено из-за эпидемической ситуации. Было решено собрать материалы вручную, а не пользоваться имеющимися в общем доступе «большими» корпусами, поскольку требовалось сравнить тексты, аналогичные по тематике, объему и времени создания, а в «больших» корпусах не всегда технически возможно ограничить сферу поиска, что затрудняет сравнение количественных данных по двум языкам. *Результаты.* Собранный материал показывает, что в монгольских публицистических текстах маркеры плюралиса существительного употребляются в среднем в 3,5 раза реже, чем в бурятских. В то же время известно, что в памятниках среднемонгольского языка маркеры множественного числа встречаются в 4 раза чаще, чем в современном халха-монгольском языке. В заключении автор формулирует вопросы, возникшие после получения количественных данных и требующие дальнейшего изучения.

Ключевые слова: монгольские языки, современный монгольский язык, среднемонгольский язык, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, множественное число, морфология, языковые контакты

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МинОКН Монголии в рамках научного проекта № 19-512-44006 «Взаимодействие языков в поликультурном пространстве на материале монгольских языков: сравнительный анализ калмыцкого языка, языка ойратов Монголии и бурятского языка». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Мазарчук А. В. Употребление показателей множественного числа в современных халха-монгольском и бурятском языках // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 660–667. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-660-667

UDC 81-26

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-660-667

The Use of Nominal Plurality Markers in Modern Khalkha Mongolian and Buryat

*Anna V. Mazarchuk*¹

¹ Institute for Linguistic Studies of the RAS (9, Tuchkov Lane, St. Petersburg 199053, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0003-3679-2858. E-mail: anja_av@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Mazarchuk A. V., 2020

Abstract. *Introduction.* The article deals with the use of nominal plurality markers in modern Khalkha and Buryat. Nominal plurality markers are used optionally in the Mongolic languages. However, in Buryat they are used more often than in Khalkha. *Goals.* In order to find out how much the figures differ at the moment (and then make some relevant conclusions), the author has collected two small corpora of newspaper articles on politics, economy, culture, and sports published in the Buryat online newspaper *Buryad Unen* and Mongolian web-based edition *Unuudur* written from April to August of 2020 — in the period preceding the start of this research, as it was critical for the author to have the utmost up-to-date materials. *Materials.* The Mongolian mini-corpus comprises 10 032 words, and the Buryat mini-corpus consists of 10 261 words. Newspaper articles have been chosen as study material because publicistic writings absorb language novelties faster and in greater amount than fiction or scholarly works, thus better reflecting the present-day state of the language. The field data could be a more reliable source of material but field work is currently hindered because of the epidemic situation. The author decided not to use the online corpora, which are way bigger than the manually collected ones (and this is certainly their great advantage) because it was necessary to compare texts similar in subject and volume, and written approximately at the same period of time. It is not always technically feasible to restrict the field of search in the online corpora, which makes it difficult to compare the obtained results for the two

languages. *Results.* The collected data shows that in the Mongolian newspaper articles the plurality markers are used about 3,5 times as frequently as in the Buryat ones. Along with it, Middle Mongolian plurality markers are known to have been used about four times as frequently as in Modern Mongolian. In the conclusion the author poses questions for further study which arose after obtaining the quantitative data.

Keywords: Mongolic languages, Modern Mongolian, Middle Mongolian, Khalkha, Buryat, Kalmyk, plurality, morphology, language contacts

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and Ministry of Education, Culture, Sciences and Sports of Mongolia, project no. 19-512-44006 ‘Language Contact in Multicultural Contexts: Comparative Analysis of Mongolic Languages (Case Studies of Kalmyk, Oirat in Mongolia and Buryat)’ (state re. no. AAAA-A19-119080790033-3).

The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Mazarchuk A. V. The Use of Nominal Plurality Markers in Modern Khalkha Mongolian and Buryat. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 660–667. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-660-667

Как известно, в монгольских языках множественное число существительных маркируется факультативно. Вместе с тем частота употребления показателей плюралиса в разных монгольских языках отличается. Интересно, что и в диахронии она не является константой: так, в памятниках среднемонгольского языка маркеры множественного числа употребляются в четыре раза чаще, чем в современном халха-монгольском языке [Street 1990: 374] (цит. по: [Oxford Guide 2020: 522]). Чтобы получить какие-то синхронные количественные данные, на которые можно было бы опираться при изучении данной темы, было собрано два мини-корпуса газетных текстов, написанных в последние месяцы: один корпус на монгольском, другой — на бурятском языке (объем каждого корпуса составил около 10 000 словоупотреблений).

Монгольский и бурятский языки родственны генетически и близки географически, но отличаются по своему статусу, количеству носителей и пройденному историческому пути. Монгольский — официальный язык независимого государства Монголии; бурятский — находящийся под угрозой исчезновения язык республики, входящей в состав Российской Федерации. Население Монголии — 3,2 млн чел., 94 % из них — этнические монголы, носители собственно монгольского языка. Носителей бурятского языка в России около 300 тыс. чел., и их языковое окружение формируют в основном люди, для которых первым (родным) языком стал русский. Возможно, на частоту употребления показателей множественного числа существительных оказали и эти факты. Как бы то ни было, необходимо иметь точное (в том числе и с точки зрения цифр) представление об исследуемом предмете. Именно для этой цели и были собраны мини-корпусы.

Более глубокое исследование вопроса предполагает сбор полевого материала и исследование устной речи, но в нынешних условиях проводить масштабные полевые исследования довольно трудно, поэтому на данном этапе было решено ограничиться изучением письменных источников. Выбор жанра

исследуемых текстов обусловлен тем, что публицистика быстрее, чем художественные или научные тексты, реагирует на изменения, происходящие в языке, вбирая в себя большее количество вновь появляющихся в языке элементов, и, таким образом, в большей степени, чем тексты других жанров, отражает современное состояние языка.

Исследование проводилось не на имеющихся в общем доступе корпусах, а на текстах, собранных вручную, в силу следующих обстоятельств: во-первых, в монгольском корпусе, к сожалению, не работает настройка подкорпусов и поиск словоформ по заданным грамматическим параметрам; во-вторых, бурятский и монгольский корпуса — разные по объёму (1 млн 200 тыс. и 2 млн 200 тыс. словоупотреблений соответственно), а это делает затруднительным сравнение количественных данных, автоматически выдаваемых корпусами при поиске словоформ. Поэтому, чтобы сравниваемый материал был аналогичным по объёму и жанру, было необходимо собрать корпуса текстов вручную.

Корпус исследуемых бурятских текстов (10 261 словоупотребление) составили статьи различной тематики из интернет-газеты «Буряад үнэн»¹, вышедшие в апреле–июне 2020 г. Корпус монгольских текстов (10 032 словоупотребления) — новости политики и культуры, опубликованные в августе 2020 г. в интернет-версии газеты «Өнөөдөр»².

В монгольском и бурятском языках используются аналогичные показатели множественного числа (табл. 1). Единственное формальное различие между наборами монгольских и бурятских маркеров плюралиса — отсутствие в бурятском и наличие в монгольском показателя *-с*. Этот показатель существовал еще в протомонгольском языке [ML 2003: 12], и в монгольском этот маркер плюралиса прижился, а в бурятском — нет [ГБЯ 1962: 72–75; Цыдендамбаев 1979: 25–36]. В современном халха-монгольском языке аффикс множественного числа *-с* считается редким; в грамматике Д. Цэрэнпила и Р. Кульман указаны некоторые возможные для него сочетания: *үйлс* ‘дела’, *эрс* ‘мужчины’, *нэрс* ‘имена’, *залуус* ‘молодые [люди]’, *үрс* ‘потомки’, *дээдэс* ‘[представители] высшего сословия; предки’, *доодос* ‘[представители] низшего сословия’, *юмс* ‘вещи’, *үгс* ‘слова’, *уулс* ‘горы’ [Tserenpil 2008: 75]. В нашем монгольском мини-корпусе было найдено всего два слова, форма плюралиса которых была образована с помощью данного форманта: *зүйлсэд* ‘в вещах’ (*зүйл-с-эд* <вещь-PL-DAT>) и *цэцэгсийн* ‘цветов’ (*цэцэг-с-ийн* <цветок-PL-GEN>). Аффикс *-с* также участвует в образовании формы множественного числа слова монг. *хун* ‘человек’ — *хүмүүс* ‘люди’, но в синхронии это не очевидно. *Хүмүүс* — это дошедшая до наших дней и используемая в современном языке форма плюралиса от слова письм. монг. *kümiin*, которое в свою очередь трансформировалось в *хун*. Можно сказать, что форма *хүмүүс* лексикализовалась. Поэтому она не была внесена в общий список плюралельных словоформ, и 10 употреблений словоформы *хүмүүс*, встретившиеся в монгольском мини-корпусе, посчитаны не были.

¹ Интернет-газета «Буряад үнэн» [электронный ресурс] // URL: <https://burunen.ru/> (дата обращения: 15.09.2020).

² Интернет-газета «Өнөөдөр» [электронный ресурс] // URL: <https://unuudur.mn/> (дата обращения: 18.09.2020).

Монгольские маркеры плюралиса $-ууд^2$ и $-нууд^2$ помещены в одну графу и посчитаны вместе, так как по сути являются алломорфами одной морфемы: $-н-$ может появиться, либо когда суффикс присоединяется к основе со скрытой $-н-$, либо когда основа заканчивается на долгий гласный или дифтонг. Суффикс $-чууд^2$ несет в себе семантику собирательности, поэтому он был посчитан отдельно от показателя $-(н)ууд^2$, имеющего более широкую семантику множественности. У Д. Цэрэнпила и Р. Кульман [Tserenpil 2008: 74] сказано, что суффикс $-чууд^2$ имеет реже употребляемый вариант $-чуул^2$. В нашей монгольской выборке не встретилось ни одного сочетания с $-чуул^2$. В бурятском же мини-корпусе, напротив, встретились примеры сочетаний с $-шуул^2$ (6 раз), но ни разу не попались примеры с $-шууд^2$, хотя этот суффикс указан в грамматиках и справочниках среди остальных маркеров плюралиса существительных (например, [ГБЯ 1962: 74]). Знание того, что монг. $-чууд^2$ имеет вариант $-чуул^2$, а бур. $-шуул^2$ имеет вариант $-шууд^2$, позволило нам поместить монг. $-чууд^2$ и бур. $-шуул^2$ в одну строчку как соответствующие друг другу форманты (которые можно сравнивать). Стоит также сказать, что в таблице отдельно не отмечены встречающиеся в монгольском и бурятском языках и отмеченные в грамматиках данных языков алломорфы $-гууд^2$, поскольку нам они представляются вариантами маркера $-(н)ууд^2$: согласный $-г-$ появляется в данном суффиксе после основ со скрытым $-г$.

Итак, каковы же полученные количественные данные? В монгольском мини-корпусе объемом 10 032 словоупотребления всего встретилось 157 случаев употребления формантов множественного числа существительного. Получается, что в среднем в рассматриваемых монгольских текстах плюралис маркируется в каждом 64-м слове. В то время как в бурятском корпусе (10 261 словоупотребление) было обнаружено 559 случаев употребления маркеров множественного числа, что примерно в 3,5 раза больше, чем в монгольском мини-корпусе. В бурятском корпусе, таким образом, один маркер плюралиса в среднем приходится на каждое 18-е слово.

Усредненные показатели удобны для того, чтобы оценивать общие тенденции, но иногда могут создавать ложное представление о наблюдаемой картине. Поэтому следует уточнить, что для собранных корпусов более характерно неравномерное распределение маркеров плюралиса в тексте: даже в бурятском корпусе встречаются довольно длинные отрывки текста (до 178 слов), где ни один из рассматриваемых показателей ни разу не используется. Но также часто можно видеть формы множественного числа, идущие друг за другом или через одно–два слова (1):

(1) *Ороходо аманай хаалтанууд, перчатканууд, ручканууд угтэнэ, арюудхаха ажалнууд хэгдэнэ* ‘При входе выдаются **маски, перчатки и ручки**; проводятся **работы** по дезинфекции’.

В монгольском мини-корпусе встретилось только одно предложение, где две формы плюралиса оказались расположены друг за другом (2):

(2) *Тус лобби бүлэгт Ж. Чинбүрэн, С. Амарсайхан, П. Анужин, Ё. Баатарбилэг, Э. Бат-Амгалан, Б. Бейсен, С. Ганбаатар, Х. Ганхуяг, Ж. Мөнхбат, Ц. Мөнх-Оргил, С. Одонтуяа, М. Оюунчимэг, Б. Саранчимэг, Ц. Туваан, Н. Учрал, Ц. Цэрэнпунцаг, Л. Энх-Амгалан, Т. Энхтүвшин нарын гишүүд нэгдсэн юм.* ‘В данной лоббирующей группе объединились **члены** [ВГХ] Ж. Чинбүрэн,

С. Амарсайхан, П. Анужин, Ё. Баатарбилэг, Э. Бат-Амгалан, Б. Бейсен, С. Ганбаатар, Х. Ганхуяг, Ж. Мунхбат, Ц. Мунх-Оргил, С. Одонтуяа, М. Оюунчимэг, Б. Саранчимэг, Ц. Туваан, Н. Учрал, Ц. Цэрэнпунцаг, Л. Энх-Амгалан, Т. Энхтүвшин’.

В большинстве случаев в рассматриваемых монгольских текстах, если в предложении есть форма множественного числа, то она одна. Реже встречаются предложения, где есть две формы плюралиса. Предложений, в которые вошло бы три существительных в форме множественного числа, в монгольском мини-корпусе обнаружено не было.

В рассматриваемых монгольских и бурятских текстах самыми частотными оказался показатель *-(н)ууд²*, что было довольно ожидаемо: в грамматиках *-(н)ууд²* называют самым распространенным маркером плюралиса [Tserenpil 2008: 72; ГБЯ 1962: 72]. В монгольском мини-корпусе этот формант встречается 77 раз, в бурятском — 354 раза (в 4,6 раз чаще, чем в монгольском). Вторым по частоте употребления оказался формант *-д*: в монгольском — 62 формы, в бурятском — 170 (в 2,7 раз больше). Показатель *нар* в монгольских текстах и *-нар³* в бурятских встречаются значительно реже, чем описанные выше форманты: в монгольском мини-корпусе выявлено 13 случаев употребления, в бурятском — 35 (что в 2,7 раз больше, чем в монгольском). Монгольских форм с *-чууд²* в исследуемых текстах в 3 раза меньше, чем бурятских с *-шуул²* (2 и 6 соответственно). О монгольских формах плюралиса на *-с* было сказано выше.

Таблица 1. Монгольские и бурятские показатели плюралиса
[Table 1. Mongolian and Buryat plurality markers]

Монгольский мини-корпус		Бурятский мини-корпус	
<i>-(н)ууд²</i>	77	<i>-(н)ууд²</i>	354
<i>-чууд²</i>	2	<i>-шуул²</i>	6
<i>нар</i>	13	<i>-нар³</i>	35
<i>-д</i>	62	<i>-д</i>	170
<i>-с</i>	2	-	-

Что касается лексики, оформляемой данными показателями, то можно увидеть некоторые пересечения множеств (табл. 2): суффиксом *-(н)ууд²* оформлено 2 слова монг. *ажлууд* и 9 слов бур. *ажалнууд* ‘работы’, 1 слово монг. *аймгууд* и 13 бур. *аймагууд* ‘аймаки’, 1 слово монг. *газрууд* и 8 бур. *газарнууд*, 1 слово монг. *нутгууд* и 5 бур. *нютагууд* ‘родные места’, 1 слово монг. *орнууд* и 2 бур. *оронууд* ‘страны’, по 1 слову монг. *хотууд* и бур. *хотонууд* ‘города’. Аффиксом *нар / -нар* по одному разу в бурятских и монгольских текстах оформлено слово *дарга* ‘начальник’: монг. *дарга нар* и бур. *дарганар*. С помощью суффикса *-д* и в монгольских, и в бурятских газетных текстах оформлены следующие слова: монг. *гшиүүд* (27 словоупотреблений), бур. *гшиүүд* (6 словоупотреблений) ‘члены (организации)’; монг. *нөхөд* (1), бур. *нүхэд* (7) ‘товарищи’; монг. *оролцогчид* (2), бур. *оролсогшод* (2) ‘участники’; монг. *тамирчид* (5), бур. *тамиршад* (3) ‘спортсмены’; монг. *эрхлэгчид* (6), бур. *эрхилэгшэд* (3) ‘управляющие’.

Таблица 2. Лексемы, оформленные аналогичными маркерами плюралиса
[Table 2. Lexemes shaped by similar plurality markers]

Монгольский мини-корпус		Бурятский мини-корпус	
-(н)ууд²			
<i>ажлууд</i>	2	<i>ажалнууд</i>	9
<i>аймгууд</i>	1	<i>аймагууд</i>	13
<i>газрууд</i>	1	<i>газарнууд</i>	8
<i>нутгууд</i>	1	<i>нутагууд</i>	5
<i>орнууд</i>	1	<i>оронууд</i>	2
<i>хотууд</i>	1	<i>хотонууд</i>	1
нар / -нар			
<i>дарга нар</i>	1	<i>дарганар</i>	1
-д			
<i>гишүүд</i>	27	<i>гэшиүүд</i>	6
<i>нөхөд</i>	1	<i>нүхэд</i>	7
<i>оролцогчид</i>	2	<i>оролсогшиод</i>	2
<i>тамирчид</i>	5	<i>тамиршад</i>	3
<i>эрхлэгчид</i>	6	<i>эрхилэгшиэд</i>	3

Как видно в табл. 2, в большинстве случаев количество употреблений определенных форм плюралиса в бурятских текстах предсказуемо выше. Однако есть и исключения — монг. *гишүүд*, *тамирчид*, *эрхлэгчид*. Возможно, их наличие свидетельствует о том, что маркирование плюралиса определенных слов в монгольском языке становится скорее обязательным, чем факультативным.

Если обобщить сказанное, то маркирование плюралиса в монгольских языках представляется отнюдь не линейным процессом: формантов плюралиса в бурятском языке чуть меньше, чем в монгольском, но они употребляются намного чаще; в монгольском множественное число маркируется в 3,5 раза реже, но некоторые существительные требуют обязательного маркирования множественного числа. Множественное число в бурятском языке маркируется почти так же часто, как оно маркировалось в среднемонгольских памятниках — получается, что обозначение множественного числа является архаичной чертой? Она сохраняется в бурятском языке сама по себе или благодаря внешнему воздействию со стороны русского языка? В норме, без активного влияния русского языка, с маркированием плюралиса в бурятском должно было произойти то же самое, что в монгольском, или монгольский вариант развития категории множественности — это не норма, а частный случай, обусловленный географией проживания и, как следствие, экстралингвистической реальностью, окружающей носителей языка? Могли ли на факультативность маркирования плюралиса в монгольском повлиять языковые контакты с «южным соседом»? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно провести сравнительный анализ множества текстов, составленных на разных монгольских идиомах в разные периоды, — устных и письменных, переводных и оригинальных. Возможно, тогда найдутся ответы на эти вопросы.

Сокращения

DAT — датив; GEN — генитив; PL — плюралис; бур. — бурятский язык; монг. — монгольский язык.

Литература

- ГБЯ 1962 — Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М.: Вост. лит., 1962. 340 с.
- Цыдендамбаев 1979 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 148 с.
- ML 2003 — *The Mongolic Languages* / ed. by Juha Janhunen. London and New York: Routledge, 2003. 433 p.
- Oxford Guide 2020 — *The Oxford Guide to the Traseurasian Languages* / ed. by Martine Robbeets and Alexander Savelyev. Oxford: Oxford University Press, 2020. 893 p.
- Street 1990 — *Street J.* Nominal Plural Formations in the *Secret History* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Tomus XLIV (3). 1990. Pp. 345–379.
- Tserenpil 2008 — *Kullmann R., Tserenpil D.* Mongolian Grammar. Ulaanbaatar: Admon, 2008. 448 p.

References

- Janhunen J. (ed.) *The Mongolic Languages*. London, New York: Routledge, 2003. 433 p. (In Eng.)
- Kullmann R., Tserenpil D. *Mongolian Grammar*. Ulaanbaatar: Admon, 2008. 448 p. (In Eng.)
- Robbeets M., Savelyev A. (eds.) *The Oxford Guide to the Transeurasian Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2020. 893 p. (In Eng.)
- Sanzheev G. D. *Buryat Grammar: Phonetics and Morphology*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962. 340 p. (In Russ.)
- Street J. Nominal plural formations in the *Secret History*. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1990. Vol. XLIV. No. 3. Pp. 345–379. (In Eng.)
- Tsydendambaev Ts. B. *Buryat Grammatical Categories: A Comparative Historical Perspective*. Moscow: Nauka, 1979. 148 p. (In Russ.)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.22

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-668-678

Традиционные темы в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева

*Байрта Барбаевна Манджиева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ученый секретарь, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Манджиева Б. Б., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются традиционные темы в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева, одного из талантливых и самобытных джангарчи, исполнителя песен выдающегося рапсода XX в. Ээлян Овлы. *Материалы.* Среди записей калмыцкого фольклора, выполненных сотрудниками КНИИЯЛИ (ныне — КалмНЦ РАН) во время полевых экспедиций в 1960–1990-х гг., имеются аудиозаписи известного джангарчи Телтя Лиджиева. Запись осуществлена Н. Ц. Биткеевым во время фольклорной экспедиции по районам Калмыкии летом 1970 г. *Целью* настоящей работы является исследование поздней традиции «Джангара», бытовавшей во второй половине XX в., на материале сохранившихся записей эпического репертуара джангарчи Телтя Лиджиева. *Результаты.* Эпический репертуар Телтя Лиджиева как представителя школы Ээлян Овлы состоит из вступительной части (пролога *орил*) и десяти песен. Телтя Лиджиев, несомненно, владел формульным языком, традиционными композиционными приемами, которые обеспечивали последовательность его повествования. Сказитель, зная все этапы каждой темы и технику составления формульных оборотов и самих формул, владея композиционными приемами, обретал некую определенную основу, на которой строил свое повествование. В песнях Телтя Лиджиева присутствуют такие традиционные темы эпического повествования, как: выбор богатыря; седлание коня; снаряжение богатыря; отправление в путь; преодоление пути; прибытие на пограничье; вхождение во дворец; поиск; богатырский поединок; пленение и клеймение; исцеление богатыря; возвращение; пир. Рассмотрение песен Телтя Лиджиева показало, что традиционные темы эпического повествования прочно сохранились в памяти джангарчи. Но, вместе с тем, необходимо отметить, что каждое исполнение уникально, джангарчи во время сложения эпического текста выбирает тот или иной путь трансляции, строит повествование по своему плану, используя традиционные слагаемые эпоса. Таким образом, джангарчи является носителем традиции, привнося новые элементы в исполнение эпических песен «Джангара».

Ключевые слова: эпос «Джангар», эпический репертуар, джангарчи, традиция, текст, песня, тема, герой, богатырь

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер ААА-А-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Манджиева Б. Б. Традиционные темы в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 668–678. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-668-678

UDC 398.22

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-668-678

Traditional Themes in the Epic Repertoire of Jangarchi Telya Lidzhiev

*Bayrta B. Mandzhieva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Scientific Secretary, Leading Research Associate

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Mandzhieva B. B., 2020

Abstract. *Introduction.* The article examines traditional themes in the epic repertoire of jangarchi Telya Lidzhiev, a most talented and original jangarchi, and a performer of songs of the 20th-century prominent rhapsode Eelyan Ovla. *Materials.* The recordings of Kalmyk folklore made by associates of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History (present-day KalmSC RAS) during field expeditions in the 1960s – 1990s contain one by the famous jangarchi Telya Lidzhiev. The recording was made by N. Ts. Bitkeev during a folklore research trip across districts of Kalmykia in the summer of 1970. *Goals.* At present, thanks to the preserved records of the epic repertoire of jangarchi Telya Lidzhiev, there is an opportunity to explore the late tradition of the Jangar which existed in the second half of the 20th century. *Results.* The epic repertoire of Telya Lidzhiev who was representing Eelyan Ovla's school consists of an introductory part, a prologue (Kalm. *orshi*) and ten songs. Telya Lidzhiev undoubtedly possessed a formulaic language, traditional compositional techniques that ensured the consistency of his narration. The storyteller had carefully elaborated all the stages of each theme and adopted the technique of drawing up formulaic turns and the formulas themselves, as well as compositional ones, to acquire a certain structured basis to build his narrative on. Telya Lidzhiev's songs comprise traditional themes of epic narration, such as selection of a hero, saddling of a horse, munitioning of the hero, departure, adversities of the path, arrival in borderlands, entering of the palace, searches, heroic duel, capture and branding, healing of the hero, return, feast. The examination of Telya Lidzhiev's songs shows that the traditional epic themes were firmly preserved in the jangarchi's memory. But at the same time, it should be noted that each performance is unique: a jangarchi constructs his epic text and chooses one or another way of retransmission, the speed of clustering poems during a performance prompted the use of certain traditional formulas but one would certainly build his narrative according to a definite plan of his own. Thus, jangarchi is both a bearer of the tradition and an individual singer.

Keywords: Jangar epic, epic repertoire, jangarchi, tradition, text, song, theme, hero

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Mandzhieva B. B. Traditional Themes in the Epic Repertoire of Jangarchi Telya Lidzhiev. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 668–678. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-668-678

Введение

Героический эпос «Джангар» представляет собой вершинное достижение устного творчества калмыцкого народа, свидетельство высокого уровня развития его духовной культуры. В том, что эпос сохранен до наших дней и эпическая традиция жива, — заслуга сказителей-джангарчи, бережно передававших из поколения в поколение его текст, идеи и образы. «В фольклорной традиции калмыков сказитель является носителем и хранителем самых разнообразных знаний, опыта, духовных ценностей и традиций. Имя сказителя окружено легендами о происхождении дара эпического повествователя-джангарчи. Изучение биографии сказочников-джангарчи позволило выявить сказительские школы — это династия джангарчи, которые передают свое искусство и репертуар» [Басангова 2018: 31].

Одним из талантливых и самобытных джангарчи является Телтя Лиджиев (1906–1970), исполнитель эпического репертуара выдающегося рапсода XX в. Ээлян Овлы. Среди записей калмыцкого фольклора, выполненных сотрудниками КНИИЯЛИ (ныне — КалмНЦ РАН) во время полевых экспедиций в 1960–1990-х гг., имеются аудиозаписи известного джангарчи Телтя Лиджиева. Запись осуществлена Н. Ц. Биткеевым во время фольклорной экспедиции по районам Калмыкии летом 1970 г. В настоящее время, благодаря сохранившимся записям эпического репертуара джангарчи Телтя Лиджиева, нам представилась возможность исследовать позднюю традицию «Джангара», бытовавшую во второй половине XX в.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению традиционных тем эпических песен джангарчи Телтя Лиджиева, бытовавших во второй половине XX в. Джангарчи Телтя Лиджиев, несомненно, владел формульным языком, традиционными композиционными приемами, которые обеспечивали последовательность его повествования. В отечественной фольклористике исследователями уделялось и уделяется наибольшее внимание изучению формульной природы языка традиционной эпической поэзии. Сложению эпической песни способствовало широкое использование идентично построенных, стилистически однотипных описаний и ситуаций, которые, по определению М. Пэрри [Parry 1930: 80] и А. Лорда [Лорд 1994: 83], называются «темами». А. Ф. Гильфердинг, изучая технику русского былинного стиха, сделал вывод о присутствии в эпосе «типических мест» (*loci communes*), «которые, в отличие от „мест переходных“, с определенным сюжетом связанных, предстают в одном и том же облике в самых различных былинах» [Онежские былины 1949: 57]. П. Д. Ухов при анализе «типических мест» в былинах также использует термин «типическая формула» и практически не отделяет их друг от друга [Ухов 1957: 134]. По мнению П. А. Гринцера, «темы, принадлежат принципиально иной сфере эпической повествовательной техники, и по отношению к ним

формулы в своей совокупности могут рассматриваться как необходимый для них «строительный материал» [Гринцер 1978: 17–18]. Безусловно, запоминание эпических песен огромных размеров, при отсутствии их письменного текста, конечно, невозможно, и сказитель не помнит их, а скорее знает принципы и способы их сложения.

О джангарчи Телтя Лиджиеве

Джангарчи Телтя Лиджиев родился 22 декабря 1906 г. в поселке Енотаевка Юстинского района Калмыцкой АССР в семье бедняка. В раннем детстве, оставшись сиротой, Телтя пас скот местного богача. Работал здесь и Окон Бадмаев, знаток песен «Джангара» из репертуара Ээлян Овлы. Впервые услышав пение джангарчи, Телтя был впечатлен эпосом «Джангар». При каждом исполнении он старался запоминать репертуар сказителя. К сожалению, ему не всегда удавалось слушать «Джангар», но все же украдкой, а иногда и через стенку кибитки, мальчик запоминал песни. Запомнив ритмичное исполнение эпических стихов, Телтя в степи громко пересказывал услышанную песнь. Так, к двенадцати годам, благодаря хорошей памяти, Телтя Лиджиев усвоил большую часть песен «Джангара» из репертуара Окна Бадмаева [Биткеев 2001: 98–99], которому в свое время помог овладеть мастерством джангарчи Окон Шараев — племянник Ээлян Овлы [История калмыцкой литературы 1981: 161]. Таким образом, эпический репертуар Телтя Лиджиева составляют известные песни «Джангара» в исполнении великого рапсода Ээлян Овлы [Манджиева 2019а: 54].

О репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева и эпической школе Ээлян Овла

Эпический репертуар Телтя Лиджиева как представителя школы Ээлян Овлы состоит из вступительной части — *Орил* («Пролог») и десяти песен:

- 1) «Алтн Чееж Жаңһр хойрин бээр бэрлдсн бөлг» («Песнь о поединке Алтан Чеджи и Джангара»),
- 2) «Буурл Һалзн мөртэ Бульһрин көвүн Догшн Хар Санлын бөлг» («Песнь о Булингира сыне — Смуглом Строгом Санале, ездящем на скакуне Бура Галзан»),
- 3) «Хоңһрин гер авлһна бөлг» («Песнь о женитьбе Хонгора»),
- 4) «Орчлңгин сээхн Мингъян түрг хаани түмн шар-цоохр агт көөгсн бөлг» («О том, как Прекраснейший в мире Мингъян пригнал табун золотистых скакунов»),
- 5) «Орчлңгин сээхн Мингъян күчтэ Күрмн хааг эмдэр кел бэрж ирсн бөлг» («Пленение Прекраснейшим в мире Мингъяном могучего Кюрмен-хана»),
- 6) «Арслңгин Арг Улан Хоңһр, Арг Манзиин буурлта, Ээх Догшн Маңна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг» («Песнь о поединке льва[-богатыря] Улан Хонгора Прекрасного с грозным ханом Догшин Мангна»),
- 7) «Дуутхулын ач, Дуутын көвүн Аля Монхля Жаңһрин түмн нээмн миңһн цусн зеерд агт көөгсн бөлг» («Песнь о том, как внук Дутхулы, сын Дууты Аля Монхля пригнал восьмидесятитысячный табун золотистых скакунов»),
- 8) «Баатр Хар Жилһнлэ Арслңгин Арг Улан Хоңһр бэрлдгсн бөлг» («О поединке Алого Хонгора с богатырем Хара Джилганом»),
- 9) «Күнд Һарта Саврин бөлг» («Песнь о Саваре Тяжелоруком»),

10) «Хошун Улан, баатр Жилһн, Аля Шонхр нурвна бөлг» («Песнь о трех богатырях Хошун Улане, Джилгане, Аля Шонхоре»). Кроме эпического репертуара Ээлян Овлы, он усвоил еще две крупные песни эпоса «Джангар» — «Догшн Шар Гүргү маһс хааг Дуут Улан Шовшур дөрэцүлгсн бөлг» («О победе Славного Алого Шовшура над Свирепым ханом мангасов Шара Гюргю»), принадлежащей к Малодербетовскому циклу (1862 г.), и песнь Багацохуровского цикла (1857 г.) «Дуут богд Жаһр догшн Хар Кинесиг дөрэцүлгсн бөлг» («О том, как славный богдо Джангар свирепого Хара Кинеса покорил») от джангарчи Бадмин Менкенастана (1879–1944) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1].

Джангарчи Телтя Лиджиев относится к традиционной эпической школе Ээлян Овлы, которая не изменяла сюжеты песен [Биткеев 1982: 102]. «Ээлян Овла был наследником целой династии джангарчи, которые относились к традиционной консервативной школе. Как и все известные калмыцкие рапсоды, эпическим языком Овла овладел в раннем возрасте и «Джангар» перенял уже в сложившемся виде. Джангарчи Ээлян Овла и его последователи Окон Шараев, Окон Бадмаев, Телтя Лиджиев старались сохранить первоизданный текст, потому как эпические певцы считали «Джангар» сакральным памятником, не подлежащим трансформации. Для представителей этой школы одной из главных установок было исполнять эпос так, как усвоили его от предшественников» [Манджиева 2019б: 84].

Традиционные темы в прологе и песнях джангарчи Телтя Лиджиева

Как известно, фольклорный текст в процессе многократного устного воспроизведения всегда варьируется. В резерве памяти эпического певца хранится традиционный и стандартизированный набор сюжетов, стилистических и композиционных приемов, которые широко использовались при исполнении эпоса, при этом каждое исполнение было неповторимо. Одна и та же тема не могла быть представлена одинаково не только у разных, но и у одного и того же сказителя. Систематический подход к изучению записей джангарчи, принадлежавших к одной эпической школе, имеет немаловажное значение «для изучения коллективного и личного в передаче эпоса» [Гацак 1971: 45].

Сравнительно-сопоставительный анализ экспозиционной части и эпических песен Телтя Лиджиева с односюжетными песнями цикла Ээлян Овлы дает нам возможность увидеть каким образом создается тема, как происходит её амплификация (от фр., англ. *amplification* ‘увеличение’) и редукция (от лат. *reducire* ‘сокращение’), как темы соединяются между собой, какова степень сохранности текста.

Джангарчи, зная все этапы песни, имеет некий определенный план, по которому он строит свое повествование. Так, планом пролога у Ээлян Овлы являются темы, стоящие в определенном порядке:

1. Биография Джангара, описание его подвигов;
2. Описание страны;
3. Совет богатырей;
4. Описание построения дворца;
5. Описание знамени;
6. Описание *хатун*;
7. Описание пира.

Тема «Описание пира» в свою очередь подразделяется на подтемы и состоит из более мелких частей, а именно подтем а) Мингияна; б) Алтан Чеджи; Улан Хонгора; в) Гюзян Гюмбе; г) Савара; д) Санала. Описание пира завершается представлением стариков, старушек, замужних женщин и молодежи, сидящих полукругами на пиру [Жанһр, 1 1978: 376–383].

Пролог у Телтя Лиджиева состоит из следующих тем:

1. Биография Джангара, описание его подвигов;
2. Совет богатырей;
3. Описание построения дворца;
4. Описание знамени;
5. Описание страны;
6. Описание *хатун*;
7. Описание страны;
8. Описание пира.

В свою очередь, тема «Описание пира» также состоит из подтем-представлений богатырей: а) *Алтан Чеджи*; б) *Улан Хонгора*; в) *Савара*; г) *Санала*; д) *Гюзян Гюмбе*; е) *Мингияна*. Описание пира завершается также представлением стариков, женщин и молодежи, сидящих полукругами на пиру [НА Калм-НЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фоновзаписи. Кассета № 97].

В сравнении с прологом Ээлян Овлы в тексте Телтя Лиджиева мы наблюдаем перестановки тем, а также композиционные изменения. Так, после представления биографии Джангара и описания его подвигов в аудиозаписи идет пауза. Возможно, джангарчи выбирал в памяти следующую тему, и, в отличие от предшественника, он выбрал не ‘описание страны’, а ‘совет богатырей’ и взаимосвязанные с ней темы — ‘построение дворца’ и ‘описание знамени’. Тема ‘описание страны’ у Телтя Лиджиева разбивается на две части: между этими частями джангарчи вставляет тему ‘описание ханши’. Сравнение тем в прологе Телтя Лиджиева показывает, что джангарчи во время сложения эпического текста выбирает тот или иной путь трансляции. Во время исполнения песни рапсоду приходилось быстро складывать стихи, поэтому он использовал традиционные формулы, но строил повествование по своему определенному им плану. Таким образом, джангарчи является носителем традиции, но привносит в исполнение эпических песен некую новизну, своего рода творческое начало, тем самым создавая новое произведение.

В песнях Телтя Лиджиева присутствуют такие традиционные темы эпического повествования, как: выбор богатыря; седлание коня; одевание-снаряжение богатыря; отправление в путь; преодоление пути; прибытие на пограничье; вхождение во дворец; поиск; богатырский поединок; пленение и клеймение; исцеление богатыря; возвращение; пир.

Тема «выбора богатыря» в песне «Дуутхулын ач, Дуутын көвүн Аля Монхля Жанһрин түмн нээмн миңһн цусн зээрд агт көөгсн бөлг» («Песнь о том, как внук Дуутхулы, сын Дууты Аля Монхля пригнал восьмидесятитысячный табун золотистых скакунов») разворачивается стремительно: Джангар, узнав об угоне восьмидесятитысячного табуна, решает незамедлительно пуститься в погоню:

— *Агтан көөлгнэ гисн / Алдриго му нерн, / Әмн болсн / Арвн хойр бодң минь,
/ Ардасни некий! — гижәнэ.* ‘— Позволить угнать свой табун / Несмываемым

позором станет для нас, / Как жизнь, дорогие мои двенадцать вепрей[-богатырей], / Погонимся, отберём! — так сказал' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98].

Тема «выбора богатыря» в песне «Буурл Һалзн мөртэ Бульцһрин көвүн Догшн Хар Санлын бөлг» («Песнь о Булингира [сыне] — Смуглом Строгом Санале, ездящем на скакуне Буурл Галзан») мотивирована тем, что вражеский хан Зан Тайджи готовится к захвату Бумбы, поэтому Джангар возлагает на богатыря Санала исполнить трудную миссию посла:

— *Бульцһрин Догшн Хар Санл, / Чамаһан нег хэр һазрт зарн гижэһэнэв. / Зархларн, Зан Тээж хаани нутгт күрч, / Дэн болхла, дэгһинь соңсад, / Эл болхла, ээлинь соңсад ирич, — гив.* '— Булингира [сын] — Смуглый Строгий Санал мой, / В чужие земли отправить тебя хочу. / В страну хана Зан Тайджи отправляю. / Если мира он хочет, услышь о мире от него, / Если войны он хочет, услышь о войне от него, — повелел' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98].

Звязкой сюжета песни «Арслнгин Эср Улан Хоңһр Арг Манзин буурлта, Эәх Догшн Маңна хаанла бээр бәрлдгсн бөлг» («Песнь о поединке льва[-богатыря] Улан Хонгора Прекрасного с грозным ханом Догшин Мангна») является появление в разгар пира во дворце Джангара посланца враждебного хана Догшин Мангна хана с ультимативным требованием пяти «вещей»: *аранзала* Зерде, *хатун* Шавдал, Буурал Галзана, богатыря Мингияна и богатыря Улан Хонгора. В песне Телтя Лиджиева выбор богатыря для поездки реализован «самовыдвижением» богатыря Хонгора, потому что в предъявленном ультиматуме задета честь богатыря Хонгора. Формула *Хэр һазрт одж / Арһсн түләнэ күн болж заргдхин ормд, / Эгр хар булгин көвэд / Аһ цусан асхлцнав!* 'В чужой стране / Чем быть в услужении, / Пусть лучше у чистого источника прольётся кровь!' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98] выражает решимость героя выступить навстречу противнику. В другой песне эпического репертуара Телтя Лиджиева «Күнд һарта Саврин бөлг» («Песнь о Саваре Тяжелоруком») «самовыдвижение» богатыря мотивировано несогласием Хонгора с предъявленным Джангару ультиматумом Килган-хана отдать ему три «вещи»: *хатун* Шавдал, *аранзала* Зерде и богатыря Мингияна. Требуемые ханом-антагонистом «вещи» являются сокровищами Бумбы, символизируют ее государственность: *хатун* Шавдал — супруга Джангар-хана: отдать ее в услужение вражескому хану равносильно потере своей власти; *аранзал* Зерде — скакун Джангара: если хан теряет свою власть, то и скакун ему незачем, богатырь Мингиян — прекраснейший из богатырей, распорядитель на пиру: потерять его означает не быть пиру, т. е. Бумба опустеет, а ханство Килган-хана станет еще могущественнее [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98]. В ответ на ультиматум Килган-хана богатырь Хонгор выразил готовность сразиться с противником:

Олн Жаңһрин нутг / Бүрн төгс бәәһэд / Күүнә һарт орна гидг. Уга! / Килһн хаандан оч кел, / Бээр бәрлдий гиж, / Эср Улан Хоңһр келүв гиж кел», — гив. '«Многочисленная страна Джангара / В благополучии пребывает / Быть полонными. Нет! / Передай Килган-хану, / Будем биться, Улан Хонгор так пере-

дал, скажи!» — сказал' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98].

Формульное выражение: *Күүкн күрңг һалзһм / Тохж өгтһ!* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98] обозначает начало темы «седлание коня» в песне «Күнд һарта Саврин бөлг» («Песнь о Саваре Тяжелоруком»), которое является важным этапом подготовки к походу. В эпосе «Джангар» с неизменной полнотой и любованием описываются принадлежности конского снаряжения. Необходимо заметить, что после формульного выражения, обозначающего начало темы «седлание коня» Телтя Лиджиев, в отличие от односюжетной песни Ээлян Овлы, вставляет тему «одевание-снаряжение богатыря», а затем дает детальное описание седлания:

Күрңг Һалзһ күлгиг [көтләд ирв.] / Хала мөңгн хазариг / Дуңһар дууна һазрас / Хавһи өмскв. / Күрңг Һалзһ күлгиг / Йендр мөңгн делтр тәвәд, / Деҗ зурһан давһр тохм тәвәд, / Нәәш һар эмәл тәвәд, / Көндлңг мөңгн көвчг тәвәд / Ке шар-цоохр оһициһ захар / Келкә найһ нәәһн һорькиг / Хорһи шүүһәр элкәдһ татв. / Зура талһи / Зун нәәһн хонх зүүһәд ирв, / Күзүн талһи бәәдг / Күрл нәәһн хонх зүүһәд ирв. 'Кобылицу Кюрюнг Галзан он привел. / Серебристую узду / С дальнего расстояния / Набросив, надел, / На кобылицу Кюрюнг Галзан / Расшитый серебром подпотник набросил, / Разом шестислойный потник набросил, Широкое, как наковальня, седло положил, / Седельную подушку, расшитую серебром, положил, / По краям украшающих жёлто-пёстрых тебеньков / Соединённые восемьдесят восемь пряжек / С силой затянул, / На крупе / Сто восемь бубенчиков подвесил, / На шею ей / Бронзовых восемь бубенчиков подвесил' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98].

Тема «одевание-снаряжение богатыря» в песнях Телтя Лиджиева строится по выработанной схеме:

Күндһ һарта Савр / Дәәһи оһи хувцан / Давһр-давһр өмсв. / Миһмиһи улан һосан өмсәд, / Дөһһи җарин арсар һадрлгсһ, / Һунһи җарин арсар дотрлгсһ, / Һо шүүһәр шахсһ, / Хорта моһан зо дуралһсһ, / Махһи болдар альһлгсһ, / Төһр болдар товчлгсһ, / Улан зандар ишлгсһ, / Зала торһар салдрлгсһ / Әәрстһи һар елдңгиг / Барун һартан атхв. 'Савар Тяжелорукий / Боевые доспехи свои / Друг на друга надев, / Мягкие красные сапоги надев, / Из шкуры четырёхлетнего вола оплётку имеющую, / Из шкуры трёхлетнего вола стержень имеющую, / Словно выдавливали сок, такую тугую, / С плетением, схожим со змеиной кожей, / С пластиной из чистой стали, / С шишаком на конце из крепкого железа, / С рукоятью из молодого сандала, / С шелковистой ременной петлёй / Грозную тугую плеть / В правой руке сжал' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98].

«Личное оружие наряду с конем — основной „знак“ богатыря; оно характеризует героя через свое развернутое определение-характеристику <...> вооружение богатыря — венец подготовки» [Кичиков 1992: 257]. Перед отправкой Савара в боевой поход богатыри отдают ему свое личное оружие:

Эһи һойһа / Арслңгһиһи Арг Улан Хоңһрһһ / Далһи негһи алд билгһи шар-болд үлдәһи / Хәр һазрт кергәтә зер-зев гижж / Санлдан өгв. / Күнд Һарта Савр / Найһи

нег алд ээв балтан / Хэр һазрт кергтэ гижэ / Санлдан өгв. / Гүзэн Гумб ахр хар ханжсалан / Хэр һазрт кергтэ, / Зүүжэ йов гижэ / Санлдан өгв. ‘Владыки, нойона / Лев[-богатырь] Улан Хонгор Прекрасный / В семьдесят одну сажень разящий свой меч / Со словами: — В чужой стороне пригодится такое / Саналу отдал. Тяжелорукий Савар / В восемьдесят одну сажень секиру свою / Со словами: — В чужой стороне пригодится такое / Саналу отдал / Гюзян Гюмбе короткий черный свой кинжал, / Со словами: — В чужой стороне пригодится такое / Саналу отдал’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 98].

Традиционная тема «богатырский поединок» в героическом эпосе калмыков занимает важное место. В песне «Арслңгин Арг Улан Хонһр эмндэн күрн йовж, арг Манзн Буурлта Ээх Догшн Маңна хааг хораж, эзн, богд Жаңһрт орулж өгсн бөлг» («Песнь о том, как лев[-богатырь] Улан Хонгор Прекрасный, едва не лишившись жизни, могучего Манзан Бурала имеющего грозного хана Догшин Мангна уничтожив, [владения его] властителю, богдо Джангару подчинил») джангарчи Ээлян Овлы богатырь Улан Хонгор сражается с вражескими богатырями Шовто Хара и Нярин Уланом, вслед за ними и с сорока двумя богатырями. Данная тема в песне «Арслңгин Арг Улан Хонһр, Арг Манзиин буурлта, Ээх Догшн Маңна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг» («Песнь о поединке льва[-богатыря] Улан Хонгора Прекрасного с грозным ханом Догшин Мангна») Телтя Лиджиева изображена в несколько измененном виде: так, Хонгор, выпросив у Мингияна скакуна *аранзала* Зерде, вступает в схватку с посланцем Мангна-хана богатырем-антагонистом Нарин Уланом. Расправившись с Нарин Уланом, Хонгор вступает в единоборство с ханом Догшин Мангна. Описание богатырского поединка дается в гиперболических тонах. Эта тема является кульминацией песни. Именно в описании сражения эпическое повествование достигает наивысшего накала. Рапсод, изображая битву Хонгора в окружении вражеского войска, всецело завладевает вниманием слушателей, которые напряженно следят за ходом событий.

Песнь завершается описанием пира, где богатыри Джангара, захмелев от прозрачной *арзы*, выражают готовность к новым походам и битвам с врагом во славу Бумбы. Особое место в композиции эпоса занимает сцена пира в ханском дворце. В «Джангаре» пир является как отправной точкой, так и заключительным звеном эпического повествования.

Заключение

Песни эпического репертуара джангарчи Телтя Лиджиева от начала до конца повествования разработаны как напряженное противоборство сторон, как борьба с могучим, уверенным в своих силах противником, и конечная победа воспринимается как победа духа — как моральное превосходство Джангар-хана и богатырей Бумбы над жестоким и свирепым захватчиком.

Таким образом, рассмотрение песен Телтя Лиджиева показало, что традиционные темы эпического повествования прочно сохранились в памяти джангарчи. До начала исполнения, запланировав все этапы каждой темы, владея техникой составления формульных оборотов, самими формулами, композиционными приемами, певец находил свой путь в построении и исполнении эпи-

ческой песни. Но, вместе с тем, необходимо отметить, что каждое исполнение уникально, джангарчи во время сложения эпического текста выбирает тот или иной путь трансляции, строит повествование по своему определенному им плану, используя традиционные слагаемые эпоса. Таким образом, джангарчи является носителем традиции, привнося свое в исполнение песен как в само построение текста, так и в стилистику эпических песен. «Сказитель — не сознательный иконоборец, он — художник, творящий в рамках традиции. Его традиционный стиль одновременно индивидуален, и мы можем отличить песни одного сказителя от песен другого, располагая одним лишь текстом и не зная ни музыки, ни особенностей пения» [Лорд 1994: 15].

Источники

- Жаңһр, 1 1978 — Жаңһр. Хальмг баатрлг дуулвр (25 бөлгин текст: 1–2 боть) (= Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен)) / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. Т. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. 441 с.
- НА КалмНЦ РАН — Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи эпических песен репертуара Телтя Лиджиева (кассеты № 97–98).

Sources

- Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyks. Texts of 25 Epic Songs. A. Kichikov (comp.); G. Mikhaylov (ed.). Vol. 1. Moscow: Nauka, GRVL, 1978. 441 p. (In Kalm.)
- Kalmyk Scientific Center of the RAS, Scientific Archives. Coll. 16. Cat. 1. Audio recordings of epic songs from Teltya Lidzhiev's repertoire (Cassettes no. 97–98). (In Kalm.)

Литература

- Басангова 2018 — Басангова Т. Г. Сказительство калмыков // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение. 2018. № 2 (10). С. 31–39.
- Биткеев 1982 — Биткеев Н. Ц. Поэтический стиль джангарчи («школа» Ээлян Овла) // Эпическая поэзия монгольских народов (исследования по эпосу). Элиста: [б. и.], 1982. С. 95–105.
- Биткеев 2001 — Биткеев Н. Ц. Джангарчи. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 448 с.
- Гацак 1971 — Гацак В. М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. М.: Наука, 1971. С. 7–46.
- Гринцер 1978 — Гринцер П. А. Стилистическое развертывание темы в санскритском эпосе // Памятники книжного эпоса. Стил и типологические особенности. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 16–48.
- История калмыцкой литературы 1981 — История калмыцкой литературы. В 2-х т. Т. 1. Дооктябрьский период / под ред. Г. И. Михайлова, А. Ш. Кичикова, Н. Б. Сангаджиевой и др.; отв. ред. Г. И. Михайлов, Р. А. Джамбинова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 336 с.
- Кичиков 1992 — Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангара»: сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, Вост. лит., 1992. 320 с.
- Лорд 1994 — Лорд А. Б. Сказитель. М.: Вост. лит., 1994. 368 с.
- Манджиева 2019а — Манджиева Б. Б. Текстология пролога эпоса «Джангар»: сравнительный анализ разновременных записей джангарчи Ээлян Овла и Телтя Лиджиева // Новый филологический вестник. 2019. № 49. С. 51–64.
- Манджиева 2019б — Манджиева Б. Б. Сохранность эпической песни «Джангара» во времени: текст «певца-учителя» и «певца-ученика» // Новый филологический вестник. 2019. № 51. С. 82–97.

- Онежские былины 1949 — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. В 3 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 669 с.
- Ухов 1957 — Ухов П. Д. Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин // Русский фольклор: Материалы и исследования. Вып. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 129–154.
- Parry 1930 — Parry M. Studies in the epic technique of oral verse-making // Parry M. Homer and Homeric Style. Harvard Studies in Classical Philology. 1930. Vol. 41. Pp. 80–84.

References

- Basangova T. G. Storytelling of Kalmyks. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series 'Epic Studies'*. 2018. No. 2 (10). Pp. 31–39. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. Poetic style of the jangarchi: 'school' of Eelyan Ovla. In: *Epic Poetry of Mongolic Peoples. Studies of Epic Traditions*. Elista, 1982. Pp. 95–105. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. The Jangarchi. Elista: Dzhangar, 2001. 448 p. (In Russ.)
- Gatsak V. M. Epic rhapsode and his text. In: *Textual Studies of Epic*. Moscow: Nauka, 1971. Pp. 7–46. (In Russ.)
- Grintser P. A. Stylistic development of a theme in the Sanskrit epic. In: *Printed Epic Monuments. Style and Typological Features*. Moscow: Nauka, GRVL, 1978. Pp. 16–48. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Jangar: A Comparative Typological Study of the Monument. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Lord A. B. The Tale-teller. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1994. 368 p. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Integrity of one “Dzhangar” epic song across time: the text of the ‘rhapsode teacher’ and that of his ‘rhapsode student’ revisited. *The New Philological Bulletin*. 2019. No. 51. Pp. 82–97. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Textology of the prologue to the “Dzhangar” epic: a comparative analysis of multi-temporal recordings from the dzhangarchis – Eelyan Ovla and Teltiya Lidzhiev. *The New Philological Bulletin*. 2019. No. 49. Pp. 51–64. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I., Dzhambinova R. A. (eds.) History of Kalmyk Literature. In 2 vols. Vol. 1: Pre-October Period. Elista: Kalmyk Book Publ., 1981. 336 p. (In Russ.)
- Onega Bylinas Recorded by A. F. Hilferding in the Summer of 1871. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1949. 669 p. (In Russ.)
- Parry M. Studies in the epic technique of oral verse-making. In: Parry M. Homer and Homeric Style. *Harvard Studies in Classical Philology*. 1930. Vol. 41. Pp. 80–84. (In Eng.)
- Ukhov P. D. Russian bylinas: loci communes as a passportization means. In: *Russian Folklore. Materials and Studies*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. Vol. 2. Pp. 129–154. (In Russ.)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 910.2+94

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-679-691

Календарный 12-летний животный цикл в фольклоре калмыков и других народов Азии

Алексей Алексеевич Бурькин¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0398-4792. E-mail: albury@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бурькин А. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Автор избрал темой данной работы фольклорные рассказы о 12-летнем календарном животном цикле у калмыков и других народов Азии, у которых этот календарный цикл получил распространение — у монголов, бурят, алтайцев, тувинцев и ряда других народов. *Цель.* Главный предмет внимания автора — рассказ о сложении 12-летнего животного цикла и роли отдельных животных персонажей традиционного фольклора в его формировании. *Результаты.* Отмечается роль некоего верховного персонажа в установлении такого календаря, причем в монгольских сюжетах эта роль отведена Будде. Отличительная особенность повествований об участии животных в сложении календаря — то, что в них значительное место уделено верблюду, не попавшему в состав календаря, как повествуется, из-за хитрости мыши. Сюжет об отношениях верблюда (у некоторых народов — оленя) и мыши получает самостоятельное распространение даже у тех народов, которые не используют 12-летний животный календарь, хотя рассказы об отношениях других животных, вошедших в календарь, в сюжетном репертуаре фольклора народов Азии не представлены. *Вывод.* Сложение повествования о появлении 12-летнего животного цикла представляет собой этиологический миф, сложившийся в начале XIII в. на основе сюжетов о споре животных, после появления данного календаря у монголов. Фольклорные материалы в виде иных сюжетов, связанных с календарем и частично вошедших в животный эпос, указывают на сопряжение во времени появления календаря и принятия письменности, а также возможную историческую связь животного календаря с практикой гаданий.

Ключевые слова: калмыки, буряты, монголы, календарь, животный цикл, история письменности

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: ААА-А-19-119011490036-1).

Для цитирования: Бурькин А. А. Календарный 12-летний животный цикл в фольклоре калмыков и других народов Азии // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 679–691. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-679-691

UDC 910.2+94

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-679-691

Folklore of Kalmyks and Other Asian Peoples: 12-Year Animal Calendar Cycle

Alexey A. Burykin¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-0398-4792. E-mail: albury@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Burykin A. A., 2020

Abstract. *Introduction.* The work deals with folklore stories about the 12-year animal calendar cycle once adopted by Kalmyks and other peoples of Asia, such as Mongols, Buryats, Altaians, Tuvans, etc. *Goals.* The paper focuses on the shaping of the 12-year-old animal cycle and roles played by traditional folklore animal characters in its formation. The paper defines impacts certain supreme characters made on the establishment of such calendar, the one for Mongols being the Buddha himself. Another distinctive feature of narratives about animals' participation in the completion of the calendar is that special attention be paid to the camel, whose inclusion therein was hampered by the mouse's trick. The plot about relations between camel (sometimes deer) and mouse was borrowed even by nations that do not use a 12-year-old animal calendar, and no Asian folklore tradition contains any story about relations between other calendar-included animals. *Conclusions.* The study concludes the narrative about emergence of a 12-year-old animal cycle is an etiological myth developed from plots depicting controversy between the animals after the calendar was adopted by Mongols in the early 13th century. Folklore materials in the form of other calendar-related plots partially included in the animal epic indicate arrivals of the calendar and writing are somewhat temporally correlated, and delineate potential historical ties between the animal calendar and divination practices.

Keywords: Kalmyks, Buryats, Mongols, calendar, animal cycle, history of writing

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Burykin A. A. Folklore of Kalmyks and Other Asian Peoples: 12-Year Animal Calendar Cycle. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 679–691. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-679-691

Введение

То, что калмыцкий календарь нашел отражение в калмыцком фольклоре, известно достаточно давно. Тем не менее и тексты, связанные с традиционным калмыцким календарем, и сам календарь, а именно его 12-летний цикл, внутри которого годы имеют имена в виде названий животных, привлекают к себе вни-

мание и сами по себе, и как отдельные сегменты единой культуры монгольских и тюркских народов, также народов Тибета и Китая.

Животные, составляющие 12-летний календарный цикл, по отдельности присутствуют во многих сказках о животных — как калмыцких, так и других народов. Происхождение сюжета о сложении календаря пока не выяснено, и даже какие-либо идеи на этот счет не высказывались. В такой ситуации задача фольклористов — собрать все материалы, относящиеся к калмыцкому календарю, у всех народов, фольклорные традиции которых близки калмыкам и другим монголоязычным народам. Здесь интересным представляется соотнести распространение самого 12-летнего животного цикла и сюжетов, которые имеют с ним генетическую связь, даже если мы и не знаем, что появилось раньше — сам 12-летний цикл или связанные с ним сюжеты.

Как отмечает И. В. Захарова, годами 12-летнего цикла датированы юридические документы XII–XIV вв., найденные в Восточном Туркестане. К этой же эпохе относятся двуязычные сирийско-тюркские эпитафии на христианских кладбищах Семиречья, снабженные двойной датировкой: по 12-летнему циклу и по селевкидской эре [Захарова 1960: 33].

Сама И. В. Захарова считала, что генезис календарного цикла можно связать с распространенностью фольклорных данных. Она полагала, что казахская легенда о календаре составляет лишь вторую часть монгольской, где присутствует деятель (Будда): у казахов осталась только история о том, как мышь первой увидела восход [Захарова 1960: 38], а также что «12-летний животный цикл монголы, очевидно, переняли у уйгуров в XIII в. вместе с уйгурской письменностью» [Захарова 1960: 51, 53].

В литературе отмечается, что у монголов заимствованный от уйгуров 12-летний животный цикл был введен в 1210 г. [Бакаева 2010: 282, со ссылками на В. Л. Котвича и Н. Л. Жуковскую].

Астрономической основой 12-летнего животного календарного цикла является 12-летний период, за который Юпитер совершает полный оборот вокруг солнца. Как пишет В. В. Цыбульский, идея 12-летнего цикла была подсказана создателям календаря циклом обращения Юпитера вокруг солнца, равным периоду примерно в 12 лет [Цыбульский 1982: 79].

Исследователи отмечают, что 12-летний животный циклический календарь упоминается в ранних тюркских письменных источниках, то есть намного раньше, чем у монголов. Так, в согдоязычной надписи из Бугута, которая создана в конце VI в. н. э. в честь тюркских каганов Первого Тюркского каганата, и позднее в надписях в честь принца Кюль-тегина, Бильге-кагана и на памятнике в честь Ильтерес-кагана приводится датировка событий по годам 12-летнего цикла. Можно сказать, что 12-летний животный календарь появился у тюрков одновременно с созданием государственности и применялся в высших официальных сферах: датировка по 12-летнему циклу присутствует в эпитафиях лиц, имевших титул кагана, но не представлена в эпитафийных надписях государственных деятелей, не имевших титула кагана (Тоньюкук и Кули-чор) [Мухамбетова 2012: 108].

Представляет интерес наименование этого календаря у тюрков: в тюркских языках календарный цикл называется *мучел* или *мурчел* (тув. *мөчүл*; хак. *мя-*

чел; казах. *мүшел*; монг. *мөчлөг*). Б. Б. Монгуш в своей статье, посвященной 12-летнему животному календарю, отмечает, что по народной этимологии слово *мучел* происходит от *муче* (тув. *мөчү*) ‘часть тела, туши’¹, обращая внимание (со ссылкой на А. Мухамбетову) на совпадение чисел 12-летнего цикла и того, что в тюркской традиции туши животных до сих пор обязательно разделяются на 12 частей [Монгуш 2015: 106; Мухамбетова 2012].

Б. Б. Монгуш также указывает на вполне корректную этимологию, «по которой слово *мурчел* произошло от арабского названия знаков зодиака *бурдж* — древнетюрк. *buru*» [ДТС 1969: 48, 132; Монгуш 2015: 106]. Последняя этимология представляется верной и должна быть принята.

Анализ текстов

Наибольший интерес для нас представляет сказка о собрании животных, в ходе которого мышь попала в название одного из годов калмыцкого календаря.

Вот текст сказки «Попавшая в название года».

При обозначении [цикла из] двенадцати годов калмыцкого календаря названиями животных в их число должен был попасть и верблюд. Ибо в число пяти видов животных, разводимых монгольскими народами, верблюд также входит. Когда распределяли животных, чтобы назвать годы, должны были начать с верблюда. Мышь [которая не значилась среди них] во что бы то ни стало решила войти в календарь. Названия годов распределили между барсом, зайцем, драконом, змеей, лошастью, овцой, обезьяной, курицей, собакой, свиньей и коровой, за обозначение одного года поспорили мышь и верблюд.

[Чтобы разрешить этот спор] верблюду и мыши устроили состязание: кто из них раньше увидит первый луч солнца, им назовут оставшийся двенадцатый год.

Верблюд, вытянув длинную шею, стал смотреть в сторону восхода солнца. А мышь, [незаметно] поднявшись по ноге верблюда, уселась на его макушку и стала смотреть в противоположную сторону. Мышь первой заметила солнечный луч, мелькнувший на вершине горы, стоявшей на западе.

Так мышь, обманув верблюда, дала название одному из годов [калмыцкого календаря]. А обманутый рассерженный верблюд с тех пор голову держит высоко и осматривает все вокруг [словно что-то ищет].

Во внешности верблюда можно обнаружить приметы животных, вошедших в календарь:

Уши — как у мыши,
Глаза — как у змеи,
Губы — как у зайца,
Грудь — как у барса,
Горб — как у обезьяны,
Шея — как у дракона,
Помёт — как у овцы,
Копыта — как у коровы,
Хвост — как у свиньи,
Колени — как у собаки,
Гребень — как у курицы,
Грива — как у лошади.

[Мифы, легенды 2017: 60–61; Басангова 2002: 204–205].

¹ Ср. монг. *мөчир* — ‘ветка, сук’.

Калмыцкие варианты сказок об устройении 12-летнего календаря содержат образец приметы-*шинж*, характеризующей верблюда, что весьма важно для установления происхождения и использования самого жанра примет в фольклоре монголоязычных народов [Борджанова, Бурыкин 1998; Басангова, Бурыкин 2006; Бурыкин, Басангова 2008].

Важным отличием калмыцкой сказки от аналогичных сказок других народов является отсутствие верховного деятеля, составляющего из животных календарную последовательность. В китайской сказке это Юйди — божество народного пантеона [Китайские народные 1972: 27–32], в алтайской сказке — это божество Дьылчы, фигурирующее как устроитель года (в этой сказке явно в замещение какого-то другого деятеля) [Алтайские народные 2002: 92–95]. Интересный пример сюжетного варианта этой сказки дает монгольская сказка «Верблюд и 12 месяцев»:

Когда Будда раздавал названия животных 12 месяцам, первый месяц решил назвать в честь мыши или верблюда. Будда не хотел никого обижать и велел самим решить, кто войдет в число 12 животных календаря.

[Скородумова 2003: 49–50].

Далее по сюжету верблюд, обидевшись на мышью, начинает постоянно охотиться за ней:

Так мышшь вошла в число 12 животных, а верблюд нет. Но он получил понемногу от каждого из них: от мышшей уши, от быка живот, лапы тигра, нос зайца, тело дракона, змеиные глаза, лошадиную гриву, овечью шерсть, обезьяний горб, петушинный гребень, собачьи ноги, свиной хвостик.

[Скородумова 2003: 49–50].

У калмыков есть и объяснение того, чем объясняются приметы верблюда. Т. Г. Басангова пишет:

Двенадцать примет верблюда объясняют еще и таким образом: 1. Чтобы мягко было лежать на каменистой твердой почве, на коленях у верблюда растет густая шерсть, как у барса. 2. Чтобы легко было щипать траву, у верблюда губы раздвоены, как у зайца. 3. Чтобы верблюд без труда доставал воду и еду — шея у него длинная, как у дракона. 4. Чтобы верблюд далеко видел — глаза у него влажные и немигающие, как у змеи. 5. Чтобы издали быть заметным — голова у верблюда, как у лошади. 6. Чтобы нравиться людям, нрав у верблюда безобидный, как у овцы. 7. Чтобы в трудное время не умереть с голоду, у верблюда обезьяньи горбы — это запас еды. 8. Чтобы верблюд по наивности и глупости не погиб, у него куриное брюхо. 9. Чтобы смело хватать и глотать колючки, у верблюда есть клыки, как у собаки. 10. Чтобы хвост не тянулся по земле, он у верблюда короткий и жесткий, как у свиньи. 11. Так как верблюд — животное смиренное, уши у него, как у мыши, маленькие. 12. Верблюд приносит потомство только через 14 месяцев — поэтому туловище у него широкое, как у коровы

[Басангова 2019: 78–79; 130].

Оригинальная версия сложения 12-летнего животного цикла имеется у казахов, у которых отмечается максимальное количество версий рассказов о 12-летнем календарном цикле и отдельных его составляющих. Текст интересующего нас рассказа («Древний казахский рассказ») следующий:

В казахском летосчислении годы объединяются в мушель. Мушель состоит из двенадцати лет. Названия этих лет похожи на названия разных животных. Например: первый год в мушеле — мыши, второй — коровы, после него — барса, зайца, дракона, змеи, коня, овцы, обезьяны, курицы, собаки и свиньи. Если назвать человеку, который знает эти годы, год, в котором родился человек, то он определит его возраст.

По древнему преданию, эти животные поспорили из-за того, чей год будет старшим. Конь сказал: «Если человек сядет на меня, я далекое близким делаю, силой моей он пользуется, молоко мое пьет, даже из шерсти моей вьет арканы и веревки; для человека нет скота полезнее меня, жылагасы буду я». Верблюд сказал: «Если ты работаешь на человека, то ешь ячмень, овес, сено, ради брюха своего ты батрачишь. Вот я поднимаю тяжести, которые ты не можешь поднять, и отправляюсь в дальнюю дорогу на несколько месяцев. А не говорю, что проголодался, и не прошу ячменя, овса — что встретится, тем и питаюсь: ковыль — так ковылем, полынь — так полынью, если найдется, пью воду, не найдется — и по пустыне отправляюсь в путь. Я должен стать жылагасы».

Корова сказала: «Если человек сеет зерно, то сеет с моей помощью, молоко мое он пьет, курт и масло делает из него».

Овца сказала: «Чем бы покрывал казах свою юрту, если бы не было меня? Берет мою шерсть и делает войлок, из валяной шерсти шьет одежду, делает арканы и веревки, из моего молока курт и масло получает».

Собака говорит: «Если бы не я, многих из вас украли бы или волки бы съели. Я сторожу вас всех; если появится враг, я лаю, гавкаю, подаю весть моему хозяину».

Курица сказала: «Если бы не я, то человек не мог бы подняться рано и просыпал бы время работы. Я утром встаю и кричу, подаю весть: утро, мол, наступило. Если он засидится, то я кричу в полночь: на работу, мол, опоздаешь, пора спать; если уже поздно, опять кричу: пора, мол».

Мышь ничего не могла придумать и решила схитрить: «Из этого спора ничего не получится; давайте будем стоять и смотреть: кто раньше увидит солнце, тот пусть и станет первым среди годов».

Пока все раздумывали, верблюд понадеялся на свой рост — кто, мол, раньше меня увидит? — и поддержал мышь; все стали смотреть. Через некоторое время мышь взобралась на спину верблюда и уселась у него на горбу. Мышь раньше всех и увидела солнце и стала первой среди годов.

Отсюда, оказывается, и пошла поговорка: «Понадеялся верблюд на свой рост и остался ни с чем».

[Казахские легенды]².

Диалоги между животными в этой сказке ставят ее в связь с сюжетами о собрании и спорах животных, например, выбирающих царя, но в таких случаях возможно думать о вторичном влиянии одного сюжета на другой.

У казахов имеется небольшой рассказ «О причастности верблюда к мушелю», где описывается, как животные, вошедшие в календарный цикл, поделили части тела верблюда [Казахские легенды]. Этот рассказ важен и ценен для нас тем, что в нем присутствуют приметы верблюда — та словесная форма, которая характерна для калмыков или других монгольских народов, но неизвестна у тюркских народов (во всяком случае, как отдельная жанровая форма), и это обстоятельство существенно осложняет изучение генеалогии интересующих нас

² Пословицы и поговорки, как считают фольклористы, органически связаны с животным эпосом, особенно на его архаической стадии [Костюхин 1987: 68, 70; Котляр 1975: 141].

сюжетов, мотивов и образов. Здесь возможны два решения: либо форма примет была характерна для многих народов Центральной Азии и постепенно угасла в тюркской традиции, либо отдельные калмыцкие жанровые формы перенимались соседними тюркскими народами.

Структурный фрагмент интересующего нас сюжета, в котором остаются только два действующих персонажа, являющихся наиболее конфликтными в оформляющей сюжет ситуации — верблюд и мышь, — представлен у многих народов Центральной Азии и Сибири.

У калмыков этот рассказ сохраняет перечень примет верблюда по частям его тела [Басангова 2002: 205–207] (ср.: [Мифы, легенды 2017: 85]). Имеется аналогичный вариант рассказа у монголов — с такой же этиологической концовкой: верблюд катается в золе, потому что хочет раздавить мышь [Скородумова 2003: 57–58].

Рассказ о мыши и верблюде или о мыши и другом крупном копытном животном — марале или олене является самостоятельным сюжетом в репертуаре сказок о животных. У калмыков, как мы видим, существуют параллельные варианты этого сюжета «Мышь и марал» [Мифы, легенды 2017: 58–59; Басангова 2002: 216] и «Мышь и верблюд» [Мифы, легенды 2017: 62–63].

Такие сказки встречаются в разных вариантах у монголоязычных народов и широко распространены среди народов Сибири. Интересно, что этиологический мотив, объясняющий, почему верблюд катается в золе, присутствует не во всех вариантах этого сюжета и не встречается там, где вместо него действует марал или олень. У тувинцев есть сказка с сюжетом, похожим на фрагмент рассказа о 12-летнем цикле: смысл ее в том, что марал обманул верблюда, попросив у него рога и не вернув их [Тувинские народные 1988: 109–110].

Привлекают внимание те варианты сюжета, где мышь не взбирается на горб верблюда, а смотрит в противоположную сторону на склон горы, который раньше всего осветится солнцем. Пример такого варианта — тофаларская сказка «Верблюд и пищуха» [Сказание о просторе 1988: 335–336].

Вариант с несколько иной концовкой — «с тех пор первый месяц в году называется месяцем мыши, а обидевшийся верблюд уходит в далекие степи» — зафиксирован у бурят [Мифы и легенды 2004; Сказания бурят 1890: 77; Сибирские сказки 1964: 273].

У бурят [Сказания бурят 1890: 73] также есть мотив о том, как верблюд опоздал на собрание животных, где определялись их жизненные пути.

У народов Сибири встречаются сказки об антагонизме мыши и оленя — звери играют в прятки: олень прячется, но его легко найти по торчащим рогам, в то время как спрятавшуюся мышь найти нельзя. Такие сказки отмечены у якутов [Мышонок и Оленёнок] и у ненцев [Истомин 2008: 5–7; Ненецкие сказки 2007: 263–265]. Еще один сюжет, связанный с таким антагонизмом, зафиксирован у хантов — животное проглатывает мышь и погибает, когда мышь освобождается, прогрызая путь из желудка животного наружу [Мышка и лось].

У калмыков и монголов есть еще два рассказа о появлении календаря. Один из них чрезвычайно интересен, поскольку в нем проявляется связь с обрядовой практикой калмыков и ряда других народов (например, эвенов, эвенков). Приведем текст этого рассказа «О гадании по бараньей лопатке» полностью:

Когда-то давно жил старец-калмык, мудрость которого была непререкаемой. Так как у калмыков не было календаря, распределявшего дни по временам года, этот человек задумал составить календарь. Много лет он наблюдал, дни и ночи размышлял и составил «не упускающее ничего и всезнающее желтое письмо».

Для чего [это было сделано]? В давние времена калмыки, кочевавшие по степи, разводившие четыре вида скота, не могли знать о том, случится ли бескормица, будет ли вьюжной зима, и зачастую они страдали от этого. Использовать календари других народов, переведа их на свой язык, они не могли, так как грамотных людей было очень мало.

Вышеупомянутый единственный в своем роде мудрец был счастлив, что создал «не упускающее ничего и всезнающее желтое письмо», но так как долго не знал ни отдыха, ни сна, он, закончив работу, решил отдохнуть.

Развел он огонь из веток саксаула, сварил крепкий [калмыцкий] чай, заправив его молоком одногорбой верблюдицы и мягким, как глина, маслом — вкусным чай получился. После того как заправил хорошим куском масла, он сто раз помешал [чай половником] слева направо, выпил его, и, растянувшись, как ремень, покрасневшись, как таволга, уснул.

Как раз в этот момент, кружась, как веретено, налетел на хотоны [калмыков] ураганной силы ветер и опрокинул войлочную кибитку того человека. Лист, на котором было «не упускающее ничего и всезнающее желтое письмо», вихрь унес с собой. Долго летел листок, пока не зацепился за траву «хонгор зул», которую охотно ели овцы.

В то самое время в степи паслись овцы. [Одна из них] поедая траву «хонгор зул», съела и «не упускающее ничего и всезнающее желтое письмо». Календарь, нарисованный на желтой бумаге, отпечтался на лопатке этой овцы.

В старину находились такие люди, которые сжигали баранью лопатку, а потом по рисунку, имеющемуся на широкой ее части, делали предсказания.

С тех пор калмыки стали гадать на бараньей лопатке.

[Мифы, легенды 2017: 104–105].

Сюжет об исчезновении письма, которое некогда было у народа, распространен у ряда народов, у чувашей он выражен в присловье «Была у чувашей книга, да корова съела», такой же рассказ есть у хантов [Бурькин 2013], похожая легенда есть у орочей [Легенда о потере письменности].

Особая важность и ценность калмыцкого рассказа в том, что в нем появление письменности связано с появлением календаря, что хорошо согласуется с историко-хронологическими данными о появлении 12-летнего животного цикла и приходе письменности от согдийцев к уйгурам.

У монголов зафиксирована легенда «Астрология, или гадальная доска» о том, как появился 60-летний цикл, объединяющий пять 12-летних циклов с разными знаками стихий [Скородумова 2003: 78–79].

Эта легенда интересна тем, что в ней изображения, соответствующие 12-летнему календарному циклу, «нарисованы» на панцире черепахи, подобно тому, как на панцири черепах наносились так называемые иньские надписи, представляющие древнейшую письменность Китая. Гадание заключалось в изучении трещин на панцире после соприкосновения с огнем [Крюков 1973: 13].

Ю. Е. Березкин обратил внимание на некоторые рассказы о происхождении календаря, близкие к рассказам калмыков и монголов. Вот их содержание:

[*Алтайцы*] Звери устанавливают продолжительность и состав года: предложение Медведя о 100 месяцах в году и 100 днях в месяце отвергается; ласка предлагает 12 месяцев в году и 30 дней в месяце, это предложение всех устраивает.

[*Хакасы*] Медведь и Бурундук спорят, сколько дней будет в первом весеннем месяце. Медведь предлагает месяц в тридцать дней, Бурундук хочет тридцать один день в месяце. Медведь не соглашается с ним, царапает Бурундука, из-за этого на шкуре Бурундука остались полосы. Поэтому в месяце, который хакасы называют «месяцем Бурундука», теперь тридцать один день [*Березкин 2009: 218*].

В первом рассказе повествуется о варианте календаря, предложенного медведем и отвергнутого как нереалистический для большинства живых существ. Второй рассказ основан на известном этиологическом мифе, объясняющем, откуда взялись полосы на шкуре бурундука, явно вторичном в рассказе о календаре. Складывается впечатление, что эти рассказы в общем контексте повествований о календарном цикле являются вторичными.

Заключение

Анализ фольклорных материалов, связываемых в рамках традиций с 12-летним животным циклом, приводит к следующим заключениям. 12-летний животный цикл в наиболее полно воспроизводящих его появления и его содержание повествованиях связывается с его утверждением некоей властной силой, в отдельных вариантах неким божеством или даже — у монголов — Буддой. Этот мотив дополняется отдельным сюжетом о связи создания календаря и появления письменности, которая по сюжету утрачивается: что тут имеется в виду, какой вид письменности — установить не удастся и вряд ли удастся. Как можно думать, такие рассказы отражают введение календаря при посредстве силы власти правителя, вследствие чего календарь наделяется определенными сакральными качествами. В калмыцком варианте этой сказки идея божества или верховного правителя отсутствует или утрачена, и само повествование становится похоже на распространенный самостоятельный сюжет о споре животных.

Любопытно, что рассказ о происхождении животного календаря не распадается на отдельные повествования о взаимоотношениях животных, из него выделились только рассказ о верблюде и мыши, и это понятно — это единственные персонажи, с которыми связано движение действия в сюжете. При этом рассказы, где верблюд заменяется оленем, скорее всего вторичны (ср. тюрк. *тебе* ‘верблюд’ и якут. *таба* ‘олень’, ненецк. *ты* ‘олень’).

В других сюжетах сказок о животных, даже если в них фигурируют персонажи 12-летнего животного цикла, нет даже намеков на их присутствие в календаре (ср. казахские сказки «Тигр и заяц», «Тигр и мышь», «Мышь и змея» [*Сказки о животных*]). Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что рассказ о происхождении 12-летнего животного календарного цикла является самостоятельным повествовательным сюжетом, и он не был составлен из каких-либо мотивов, связанных с животными, участвующими в сюжете о календаре.

В фольклоре монголоязычных народов рассказ о происхождении 12-летнего животного цикла дополняется этиологическим рассказом о происхождении 60-летнего цикла. Присутствие черепахи в этом рассказе побуждает вспомнить

использование черепашьего панциря как инструмента гадания, где в практике реально используется иероглифическое письмо.

Фольклорные рассказы о календарном 12-летнем животном цикле и его происхождении — это редкий фольклорный материал, позволяющий проследить судьбу этиологического мифа, трансформировавшегося в сказку, на протяжении 800 лет, поскольку появление 12-летнего животного цикла у монголоязычных народов имеет достаточно точную дату. Важно, что это историческое событие демонстрирует высокую степень фольклорной адаптации в монголоязычной фольклорной традиции.

Литература

- Алтайские народные 2002 — Алтайские народные сказки. Новосибирск: Наука, 2002. 455 с.
- Бакаева 2010 — *Бакаева Э. П.* Календарь // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. С. 282–289.
- Басангова 2002 — *Басангова Т. Г.* Сандаловый ларец. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 242 с.
- Басангова 2019 — *Басангова Т. Г.* Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: КалмГУ, 2019. 192 с.
- Басангова, Бурыкин 2006 — *Басангова Т. Г., Бурыкин А. А.* Мансийская параллель к калмыцким стихотворениям-приметам «шинж» и фрагментам калмыцкого эпоса «Джангар» на фоне аналогичных образцов фольклора народов Сибири // *Теегин герл.* 2006. № 8. С. 124–128.
- Березкин 2009 — *Березкин Ю. Е.* Мифы старого и нового света. М.: Аст, Астрель, 2009. 448 с.
- Борджанова, Бурыкин 1998 — *Борджанова Т. Г., Бурыкин А. А.* Калмыцкие стихотворения-приметы «шинж» и их параллели в фольклоре народов Сибири // *Филологический сборник. Памяти В. Ц. Найдакова.* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. С. 82–88.
- Бурыкин 2013 — *Бурыкин А. А.* Сказки обско-угорских народов в историко-типологическом освещении (заметки и наблюдения) // *Этнокультурное и социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера. Сборник майской Междунар. конф. Ханты-Мансийск: [б. и.], 2013. С. 26–51.*
- Бурыкин, Басангова 2008 — *Бурыкин А. А., Басангова Т. Г.* Устойчивые сравнения в «Джангаре» и жанр примет-шинж (К проблеме интертекстуальности героического эпоса и генезиса жанра примет-шинж в калмыцком фольклоре) // *Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 9–14 мая 2007 г.). Ч. II.* Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 5–10.
- ДТС 1969 — *Древнетьюрский словарь.* Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Захарова 1960 — *Захарова И. В.* Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии // *Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Том 8.* Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1960. С. 32–65.
- Истомин 2008 — *Истомин И.* Ненецкие сказки. М.: Спецкнига, 2008. 22 с.
- Казахские легенды — *Легенды о животных. Древний казахский рассказ [электронный ресурс] // Казахские народные сказки.* URL: <http://www.ertegi.ru/index.php?id=8&idnametext=341&idpg=1> (дата обращения: 09.03.2020).
- Китайские народные 1972 — *Китайские народные сказки.* М.: Худ. лит., 1972. 336 с.
- Костюхин 1987 — *Костюхин Е. А.* Типы и формы животного эпоса. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. 269 с.

- Котляр 1975 — *Котляр Е. С.* Миф и сказка Африки. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. 244 с.
- Крюков 1973 — *Крюков М. В.* Язык иньских надписей. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 136 с.
- Легенда о потере письменности — Легенда о потере письменности [электронный ресурс]
// Коренные жители. Ванинский муниципальный район Хабаровского края. URL:
http://www.vanino.org/orochi/orochi_spich.shtml (дата обращения: 09.03.2020).
- Мифы и легенды 2004 — Мифы и легенды народов мира [электронный ресурс] // Т. 9.
М.: Литература; Мир книги, 2004. 417 с. URL: http://www.6lib.ru/books/mifi-i-legendi-narodov-mira_-tom-9_-narodi-rossii-181129.html (дата обращения: 09.03.2020).
- Мифы, легенды 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. М.: Наука. Вост. лит., 2017. 367 с.
- Монгуш 2015 — *Монгуш Б. Б.* Истоки двенадцатилетнего животного календаря и его связь с празднованием Шагаа [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2015. № 1. С.105–111. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_25/7782-mongush-bb.html (дата обращения: 09.03.2020).
- Мухамбетова 2012 — *Мухамбетова Асия.* Тенгрианский календарь (мушель) как основа кочевой цивилизации казахов [электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тэнгри. 26 мая 2012. URL: <http://tengrifund.ru/tengrianskij-kalendar-mushel-kak-osnova-kochevoj-civilizacii-kazaxov.html> (дата обращения: 09.03.2020).
- Мышонок и Оленёнок — Мышонок и Оленёнок [электронный ресурс] // Якутские сказки. Сказковед (народные сказки). URL: <http://skazkoved.ru/index.php?fid=1&sid=171&tid=5065> (дата обращения: 09.03.2020).
- Ненецкие сказки 2007 — Ненецкие «лаханако». Ненецкие сказки / сост.: Н. М. Янгасова; пер. Н. М. Янгасовой; под ред. М. А. Ерченко. Салехард: Красный Север, 2007. 336 с.
- Сибирские сказки 1964 — Сибирские сказки. 4-е изд. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. из-во, 1964. 246 с.
- Сказание о просторе 1988 — Сказание о просторе. Л.: Лениздат, 1988. 383 с.
- Сказания бурят 1890 — Сказания бурят, записанные разными собирателями. Иркутск: [б. и.], 1890. 160 с.
- Сказки о животных — Тигр и Заяц. Тигр и Мышь. Сказки о животных [электронный ресурс] // Казахские народные сказки. URL: <http://www.ertegi.ru/index.php?id=2> (дата обращения: 09.03.2020).
- Скородумова 2003 — *Скородумова Л. Г.* Сказки и мифы Монголии. Улаанбаатар: Монсудар, 2003. 141 с.
- Тувинские народные 1988 — Тувинские народные сказки. М.: Детская литература, 1988. 111 с.
- Мышка и лось — Мышка и лось. Хантыйская сказка [электронный ресурс] // Сказки народов Севера. Сказки. Рассказы. Стихи. URL: <https://skazkibasni.com/myshka-i-los> (дата обращения: 09.03.2020).
- Цыбульский 1982 — *Цыбульский В. В.* Календари и хронология стран мира. М.: Просвещение, 1982. 128 с.

References

- Altaiian Folk Tales. Novosibirsk: Nauka, 2002. 455 p. (In Russ.)
- Animal legends. One ancient Kazakh story. In: [Kazakh Folk Tales]. Available at: <http://www.ertegi.ru/index.php?id=8&idnametext=341&idpg=1> (accessed: March 9, 2020). (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Calendar. In: Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. (eds.) The Kalmyks. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), Kalmyk Scientific Center of RAS. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 282–289. (In Russ.)

- Basangova T. G. *Animals in Kalmyk Folklore*. Elista: Kalmyk State University, 2019. 192 p. (In Russ.)
- Basangova T. G. *The Sandalwood Chest*. Elista: Kalmyk Book Publ., 2002. 242 p. (In Russ.)
- Basangova T. G., Burykin A. A. Kalmyk *шинж* verses and the *Jangar* epic: Mansi and other Siberian folklore parallels. *Teegin gerl*. 2006. No. 8. Pp. 124–128. (In Russ.)
- Berezkin Yu. E. *Myths of the Old and New Worlds*. Moscow: Ast, Astrel, 2009. 448 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G., Burykin A. A. Kalmy *шинж* verses and their parallels in Siberian folklore traditions. In: *Philological Collection. Commemorating Prof. V. Ts. Naydakov*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1998. Pp. 82–88. (In Russ.)
- Buryat Tales Recorded by Different Collectors. Irkutsk, 1890. 160 p. (In Russ.)
- Burykin A. A. et al. (eds.) *Kalmyk Myths, Legends, and Fables*. Basangova T. G., Mikhaleva T. A. (foreword, transl., etc.). Kalmyk Scientific Center of RAS. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2017. 367 p. (In Kalm. and Russ.)
- Burykin A. A. Ob-Ugric folk tales: historical and typological perspectives (notes and observations). In: *Indigenous Minorities of the Russian North. Ethnocultural and Socioeconomic Development. Conf. proc. Khanty-Mansiysk, 2013*. Pp. 26–51. (In Russ.)
- Burykin A. A., Basangova T. G. The *Jangar* and *шинж* verses: fixed comparisons. Inter-textual nature of the heroic epic and genesis of the Kalmyk folklore *шинж* genre revisited. In: *Oirats and Kalmyks in the History of Russia, Mongolia, and China. Conf. proc. (Elista; May 9–14, 2007)*. Vol. II. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2008. Pp. 5–10. (In Russ.)
- Chinese Folk Tales. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1972. 336 p. (In Russ.)
- Istomin I. *Nenets Tales*. Moscow: Spetskniga, 2008. 22 p. (In Russ.)
- Kostyukhin E. A. *Animal Epic: Types and Forms*. Moscow: GRVL, 1987. 269 p. (In Russ.)
- Kotlyar E. S. *Myth and Tale of Africa*. Moscow: GRVL, 1975. 244 p. (In Russ.)
- Kryukov M. V. *Language of Inca Inscriptions*. Moscow: Nauka, GRVL, 1973. 136 p. (In Russ.)
- Legend of How Script Was Lost. At: Khabarovsk Krai, Vaninsky District (official website). Section ‘Oroch Phrasebook’. Available at: http://www.vanino.org/orochi/orochi_spich.shtml (accessed: March 9, 2020). (In Russ.)
- Mongush B. B. Origins of 12-year animal calendar and its connection with Shagaa festival. *The New Research of Tuva*. 2015. No. 1. Pp. 105–111. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_25/7782-mongush-bb.html (accessed: March 9, 2020). (In Russ.)
- Mukhambetova A. Tengrian calendar (*mushel*) as a basis of the Kazakh nomadic civilization. At: International Tengri Research Foundation (official website). May 26, 2012. Available at: <http://tengrifund.ru/tengrianskij-kalendar-mushel-kak-osnova-kochevoj-civilizacii-kazaxov.html> (accessed: March 9, 2020). (In Russ.)
- Myths and Legends of the World. Vol. 9. Moscow: Literatura; Mir Knigi, 2004. 417 p. Available at: http://www.6lib.ru/books/mifi-i-legendi-narodov-mira_-tom-9_-narodi-rossii-181129.html (accessed: March 9, 2020). (In Russ.)
- Nadelyaev V. M. et al. (eds.) *Dictionary of Old Turkic*. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Russ. and Turk.)
- Skorodumova L. G. *Tales and Myths of Mongolia*. Ulaanbaatar: Monsudar, 2003. 141 p. (In Russ. and Mong.)
- Tales of Siberia. 4th ed. Novosibirsk: East Siberian Book Publ., 1964. 246 p. (In Russ.)
- The Mouse and the Elk. Khanty tale. In: *Peoples of the North. Tales, Stories, Verses*. Available at: <https://skazkibasni.com/myshka-i-los> (accessed: March 9, 2020). (In Russ.)
- The Mousekin and the Fawn. In: *Yakut Tales. Skazkoved (Folk Tales)*. Available at: <http://skazkoved.ru/index.php?fid=1&sid=171&tid=5065> (accessed: March 9, 2020). (In Russ.)
- The Tale of Wide Open Spaces. Leningrad: Lenizdat, 1988. 383 p. (In Russ.)

- The Tiger and the Hare. Animal tales. In: Kazakh Folk Tales. Available at: <http://www.ertegi.ru/index.php?id=2> (accessed: March 9, 2020). (In Russ.)
- Tsybul'sky V. V. National Calendars and Chronologies across the World. Moscow: Prosveshchenie, 1982. 128 p. (In Russ.)
- Tuvan Folk Tales. Moscow: Detskaya Literatura, 1988. 111 p. (In Russ.)
- Yangasov N. M. (comp.), Erchenko M. A. (ed.) Nenets Tales. N. M. Yangasov (transl.). Salekhard: Krasnyi Sever, 2007. 336 p. (In Russ.)
- Zakharova I. V. 12-year (calendar) cycle among Central Asian peoples. In: Kazakh SSR Academy of Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography. Transactions. 1960. Vol. 8. Pp. 32–65. (In Russ.)

ИСТОРИЯ

УДК 94 (517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-692-700

**Чин сэтгэлт шинэ торгууд аймагийн билигт джун ван
Шеаренгийн тухай хэдэн асуудал
(= Предводитель «новых» торгутов Шеаренг-тайша)**

*Ужень Гаова*¹

¹ Сынцзянский государственный университет (д. 14, ул. Шенгли, 830046 Урумчи, Сынцзян-Уйгурский автономный район, КНР)

преподаватель

E-mail: mengke64@163.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ужень Гаова, 2020

Аннотация. Имя тайши Шеаренга хорошо известно по историческим документам, при этом достоверная биография его неизвестна. В различных источниках встречаются порой противоречивые сведения о его происхождении и количестве его подданных. В силу обстоятельств, сложившихся вследствие падения Джунгарского ханства в 1758 г., тайша Шеаренг со своими подданными оказался в калмыцких кочевьях на р. Волге. Согласно выводам некоторых исследователей, он был одним из инициаторов откочевки калмыков в 1771 г. с берегов р. Волги. После перекочевки в пределы прежнего отечества тайша Шеаренг был возведен маньчжурским императором в звание цзюньвана, а местом кочевки его подданных была определена территория современного Ховдского аймака Монголии. В данной статье приводятся данные о родословной тайши Шеаренга и количестве его подданных по известным историческим летописям и архивным источникам.

Ключевые слова: Шеаренг-тайша, «новые» торгуты, родословная, количество подданных

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Ужень Гаова. Чин сэтгэлт шинэ торгууд аймагийн билигт джуан ван Шеаренгийн тухай хэдэн асуудал (= Предводитель «новых» торгутов Шеаренг-тайша) // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 692–700. (На монг.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-692-700

UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-692-700

Warlord of the "new" torguts of Shearing Taisha

*Wuren Gaova*¹

¹ Xinjiang state University (14, Shengli Road, Urumqi, Xinjiang 830046, China)

Lecturer

E-mail: mengke64@163.com

©KalmSC RAS, 2020

© Wuren Gaova, 2020

Abstract. The name of Taishi Sheareng is well known from historical documents. At the same time, his pre-war biography is unknown. Various sources sometimes contain contradicting information about his origin and the quantity of his vassals. Due to the circumstances resulting from the fall of the Dzhungar Khanate in 1758, Taisha Sheareng with his vassals ended up in Kalmyk nomad camps on Volga. According to the conclusions of some investigations, he was one of the initiators of the migration of the Kalmyks in 1771 from the banks of Volga. After migrating to the borders of the former homeland, Taisha Sheareng was elevated to the rank of Junwang by the Manchu emperor, and the territory of the modern Khovd aimag of Mongolia was defined as the place of residence of his vassals. This publication provides data on the pedigree of Taishi Sheareng and the number of his vassals according to well-known historical chronicles and archival sources.

Keywords: Sheareng taisha, "new" Torguts, pedigree, number of subjects

Acknowledgments. The article was presented at the international scientific online conference "Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II", held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Wuren Gaova. Warlord of the "new" torguts of Shearing Taisha. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 692–700. (In Mong.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-692-700

ИСТОРИЯ

УДК 294.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-701-708

Торгууд Анджа хүрээ ба Анджатан-ламын тухай хэдэн асуудалд (=Некоторые сведения о торгутском Анджан курэ и Анджатан-ламе)

*Лиджа Г.*¹

¹ Средняя общеобразовательная школа № 3 (841000 г. Баянгол, Синьцзян-Уйгурский автономный район, КНР)

учитель

E-mail: xjbzmz@163.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Лиджа Г., 2020

Аннотация. Среди ойратов Синьцзяна и калмыков России хорошо известны исторические легенды и предания, связанные с именем Анджатан-ламы. В Синьцзяне история создания Анджан курэ (1712) и его настоятелей всегда вызывала большой интерес. При этом в своих публикациях исследователи указывают около десяти монашеских имен, под которыми был известен Анджатан-лама. В наиболее ранней по времени публикации статье на эту тему профессора Мададжэна, монашеское имя Анджатан-ламы было указано как Лубсандандзин. Довод авторитетного ученого был принят другими и не вызывал сомнения. Однако в ходе дальнейшего исследования выяснилось, что это имя принадлежит другому известному буддийскому учителю. В данной статье впервые даются некоторые сведения о биографии Анджатан-ламы, обнаруженные автором в ходе поисковых экспедиций и на основе некоторых письменных источников.

Ключевые слова: буддизм, торгуты, Анджан курэ, Анджатан-лама, намтар

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Лиджа Г. Торгууд Анджа хүрээ ба Анджатан-ламын тухай хэдэн асуудалд (= Некоторые сведения о торгутском Анджан курэ и Анджатан-ламе) // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 701–708. (На монг.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-701-708

UDC 294.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-701-708

Some Information about Torguut Andzhan Kure and Andzhatan Lama

Lijai G.¹

¹ Secondary School No. 3 of Bayangol District (Bayangol, Xinjiang 841000, China)

researcher

E-mail: xjbzmz@163.com

© Kalm SC RAS, 2020

© Lijai G., 2020

Abstract. The historical legends and traditions associated with the name of Andzhatan Lama are well known among the Oirats of Xinjiang and Kalmyks of Russia. In Xinjiang, the history of the creation of Andzhan Kure (1712) and its abbots was always of great interest. At the same time researchers point out about ten monastic names by which the Andzhatan Lama was known According to the opinion of Prof. Ma Dazheng to whom belongs the earliest publication on this topic, the monastic name of Andzhatan Lama was Lubsandzin. The authoritative researcher's argument was accepted by others and did not raise doubts. However, further research revealed that this name belongs to another famous Buddhist teacher. This article provides for the first time some information about the biography of Andzhatan Lama, discovered by the author during research expeditions and on the basis of some written sources.

Keywords: Buddhism, Torguts, Andzhan Kure, Andzhatan Lama, Namtar

Acknowledgements. The article was presented at the international scientific online conference "Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II", held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Lijai G. Some Information about Torguut Andzhan Kure and Andzhatan Lama. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 701–708. (In Mong.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-701-708

... and ... of ...

...

... and ... of ...

...

...

... and ... of ...

...

...

[24] 石·海：《唐代西域的行政建置》，《敦煌学》1981年第2期，第280页。

[25] 陈国治：《新疆的西域研究》，《西域研究》1999年第1期，第10页。

[26] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[27] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[28] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[29] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[30] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[31] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[32] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[33] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[34] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[35] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[36] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[37] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[38] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[39] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[40] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[41] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[42] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[43] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

[44] 陈国治：《西域研究》1999年第1期，第10页。

ИСТОРИЯ

УДК 39

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-709-722

Галдан Бошогтын хар сүлдийн тухай (= Черный бунчук (сульде) Галдан Бошокту-хана)

*Зоригту Т.*¹

¹ Северо-Западный университет национальностей (д. 1, Шибей Шинхун, 730030 Ланьчжоу, Ганьсу, КНР)

доктор филологических наук, профессор

E-mail: 710669890@qq.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Зоригту Т., 2020

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию черного бунчука (сульде) ойратского Галдан Бошокту-хана. Известно, что в культуре кочевых народов бунчук издревле служил знаком власти, а точнее воспринимался как символ сакрального местопребывания гения-хранителя властителя и его подданных. Черный бунчук (сульде) Галдан Бошокту-хана хранится во Внутренней Монголии в Ордосе. Нет достоверных данных, свидетельствующих о том, каким путем он попал в Ордос и почему хранится именно там. В ходе исследования использовался большой пласт устных преданий и обрядовых действий, связанных с обрядом жертвоприношения черному бунчуку.

Ключевые слова: Галдан Бошокту-хан, черный бунчук (сульде), внешний вид, обряд жертвоприношения, Ордос

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Китайской академии общественных наук в рамках научного проекта № 12ZW132. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Зоригту Т. Галдан Бошогтын хар сүлдийн тухай (= Черный бунчук (сульде) Галдан Бошокту-хана) // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 709–722. (На монг.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-709-722

UDC 39

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-709-722

Black Bunchuk (Sulde) of Galdan Boshoktu-khan

*Zhaorigetu*¹

¹ Northwest university for Nationalities (1, Xibei Xinxun, Lanzhou, Gansu 730030, China)
Dr. Sc. (Philology), Professor
E-mail: 710669890@qq.com

© KalmSC RAS, 2020

© Zhaorigetu, 2020

Abstract. The article is devoted to the study of the black bunchuk (sulde) of the Oirat Galdan Boshoktu-khan. It is known that in the culture of nomadic peoples the bunchuk from ancient times served as a symbol of power, or rather was perceived as a symbol of the sacred abode of the genius loci of the ruler and his subjects. The black bunchuk (sulde) Galdan Boshoktu-khan is kept in Inner Mongolia in Ordos. There is no reliable data showing how it got to Ordos and why it is kept there. In the course of the study, a vast corpus of oral legends and ritual actions associated with the offering to the black bunchuk was used.

Keywords: Galdan Boshoktu-khan, black bunchuk (sulde), appearance, offering ritual, Ordos

Acknowledgments. The research was carried out with the financial support of the Chinese Academy of Social Sciences in the framework of scientific project No. 12ZW132. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Zhaorigetu. Black Bunchuk (Sulde) of Galdan Boshoktu-khan. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 709–722. (In Mong.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-709-722

ИСТОРИЯ

УДК 811.512.3+ 821.512.36

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-723-734

«Зүүнгарыг түвшидгэж тогтоосон явдлыг Гэдэнг ууланд тэмдэглэн байгуулсан гэрэлт хөшөөний бичиг»-ийн монгол бичээсийн эл хувилбарын ариутгал

(= Каменная стела на горе Геденг: ойратский текст эдикта об усмирении джунгаров)

*Орламджав Ч.*¹

¹ Университет экономики и финансов Внутренней Монголии (д. 1, ул. Биерхуан, район Хумин, 010070 Хух-Хот, КНР)

доктор филологических наук, доцент

E-mail: wurilu86@126.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Орламджав Ч., 2020

Аннотация. После падения во второй половине XVIII в. Джунгарского ханства по распоряжению Цинских властей в китайской историографии появляются «высочайше утверждённые» официальные труды, посвященные «описанию усмирения джунгаров». Кроме того, были установлены стелы, провозглашающие победу Цинского императора над джунгарами. Одна из таких стел была установлена на горе Геденг, что находится близ г. Монголкурэ на современной границе Китая и Казахстана. Стела известна под разными названиями — «Стела на горе Геденг», «Илийская стела на горе Геденг», «Стела на горе Геденг у Монголкурэ». Текст на каменной стеле написан на четырех языках: маньчжурском, китайском, тибетском и ойратском («ясное письмо»). В данной статье исследуется текст на «ясном письме», состоящий из 9 строк и 266 слов. **Ключевые слова:** ойраты, Цинская империя, Джунгарское ханство, каменная стела на горе Геденг, текст на «ясном письме»

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Китайской академии общественных наук в рамках научного проекта № 19СТQ016 «Исследование текстов „ясного письма“ на каменных стелах XVIII в.». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Орламджав Ч. «Зүүнгарыг түвшидгэж тогтоосон явдлыг Гэдэнг ууланд тэмдэглэн байгуулсан гэрэлт хөшөөний бичиг»-ийн монгол бичээсийн эл хувилбарын ариутгал (= Каменная стела на горе Геденг: ойратский текст эдикта об

усмирении джунгаров) // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 723–734. (На монг.).
DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-723-734

UDC 811.512.3+ 821.512.36

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-723-734

Stone Stela on Mount Gedeng: the Oirat Text of the Edict on the Suppression of the Dzungars

*Wurilumujiafu*¹

¹ Institute of Chinese Borderland Studies (Beierhuan Road, Huimin District, Hohhot, Inner Mongolia 010070, China)
Dr. Sc. (Philology), Associate Professor
E-mail: wurilu86@126.com

© Kalm SC RAS, 2020

© Wurilumujiafu, 2020

Abstract. After the fall of the Dzhungar Khanate in the second half of the 18th century, "the highest approved" official works by order of the Qing authorities appear in Chinese historiography. They are devoted to the "description of the suppression of the Dzhungars". In addition to this, steles were also installed, proclaiming the victory of the Qing emperor over the Dzhungars. One of such steles was installed on Mount Gedeng, which is located near Mongolkure on the modern border of China and Kazakhstan. The stele is known under various names — "Stele on Gedeng Mountain", "Ili Stele on Gedeng Mountain", "Stele on Gedeng Mountain near Mongolkure". The text on the stone stele is written in four languages: Manchu, Chinese, Tibetan and Oirat ('Clear script'). The article examines the 'Clear script' text containing 9 lines and 266 words.

Keywords: Oirats, Qing empire, Dzungar Khanate, stone stele on Mount Gedeng, text in "Clear script"

Acknowledgments. The research was carried out with the financial support of the Chinese Academy of Social Sciences in the framework of the scientific project No. 19CTQ016 "Research of the texts in "Clear script" on stone steles of the 18th century." The article was presented at the international scientific online conference "Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II", held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Wurilumujiafu. Stone Stela on Mount Gedeng: the Oirat Text of the Edict on the Suppression of the Dzungars. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 723–734. (In Mong.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-723-734

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).065–066

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-735-751

«Реэстр зюнгорскому ружью», или Вопрос о джунгарском пополнении Ставропольского корпуса крещеных калмыков в политике государства (конец 50 – начало 60-х гг. XVIII в.)

*Андрей Сергеевич Ряжев*¹

¹ Калмыцкий научный центр Российской академии наук (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2626-6953. E-mail: ryazhevas@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ряжев А. С., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена вероисповедной политике, оказавшей влияние на судьбы этноконфессиональных служилых сословных групп юго-востока Российской империи в раннее Новое время. Впервые в историографии изучены перевод из Сибири в Поволжье ойратов — беженцев из Джунгарии («зюнгорцев»), принявших крещение, и включение их в состав Ставропольского калмыцкого войска. *Материалы и методы.* Исследование основано на документах центральных и местных учреждений, отразивших их позицию относительно как джунгарских выходцев, так и иррегулярных формирований крещеных калмыков на степной границе государства в целом. Научный инструментарий работы охватил методы источниковедения и археологии, позволившие провести систематический анализ источников и вскрыть их связи, характеризующие направления российской политики в джунгарском вопросе. *Результаты исследования.* Установлены причины, внешние и внутренние, побудившие власти пойти на зачисление джунгар в Ставропольское калмыцкое войско, именно необходимость его укрепления как пограничной военно-полицейской силы и снятия конфликтов с Цинами из-за подданных в Южной Сибири. Прослежены размещение и обустройство новоселов на свободных землях Ставропольского войска. Воссоздана также судьба лидера пришедших на Волгу джунгар, которым был нойон Норбо Данжин, родственник Амурсаны, после крещения — полковник, ставропольский войсковой судья, консультант Коллегии Иностранных дел. В порядке дискуссии частный сюжет о джунгарском пополнении в Ставрополе-на-Волге очерчен историографически, выделена его корреляция с состоянием литературы о контактах России, Цинов, кочевников (джунгар, казахов). *Заключение.* Автор констатирует, что гибель Джунгарского ханства означала громадный геополитический сдвиг, вынудивший Россию перестроить внешнюю политику на степных юго-восточных окраинах и нарастить ее военную составляющую, по причине чего джунгарский строевой резерв Ставропольского корпуса и подтвердил свою востребованность.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, степные юго-восточные окраины, этноконфессиональные группы (сословия), крещеные калмыки, Ставропольское калмыцкое войско (корпус), вероисповедная политика, внешняя политика, кочевники, джунгары («зюнгорцы»), казахи

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).
Для цитирования: Рязhev А. С. «Резстр зюнгорскому ружью», или Вопрос о джунгарском пополнении Ставропольского корпуса крещеных калмыков в политике государства (конец 50 – начало 60-х гг. XVIII в.) // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 735–751. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-735-751

UDC 94(47).065–066

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-735-751

‘Register of Dzungar Rifles’: or the Question of New Dzungar Recruits for the Stavropol Corps of Kalmyk Christians in State Policy, Late 1750s – Early 1760s

Andrey S. Ryzhev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
 Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2626-6953. E-mail: ryazhevas@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020

© Ryzhev A. S., 2020

Abstract. Introduction. The article deals with religious policies that influenced ethnoconfessional military communities in the southeast of the Russian Empire during early modern period. The work provides a first attempt to examine the resettlement of Dzungar Oirat refugees (Russ. *zengortsy*) from Siberia to the Volga territories and their integration into the Stavropol Kalmyk Host. **Materials and Methods.** The study analyzes documents of central and local institutions that specify the latter’s attitudes towards both Dzungar arrivals and, at large, irregular units of Kalmyk Christians in steppe border areas. A number of applied techniques inherent to source studies and archaeography made it possible to gain a comprehensive insight into the research materials and reveal certain ties that characterize trends of Russian policies towards the Dzungar question. **Results.** Clarification of the internal and external reasons to have forced the authorities to conscript Dzungars into the Stavropol Kalmyk Host, i. e. the need to strengthen the latter as a border military-and-police force right after the conflict with the Qing over South Siberian subjects was settled is provided. The paper shows the distribution and infrastructure development of the arrivals across unoccupied lands of the Stavropol Host. Special attention is paid to the biography of Noyon Norbo Danjin, a relative of Amursana who lead Dzungars to the Volga to become a Christian colonel, military judge, and advisor to the Collegium of Foreign Affairs. In terms of discussion, the work outlines the Dzungar conscription in Stavropol-on-Volga historiographically, delineates its correlation to the situation with available sources on contacts between Russia, Qing China, and nomads (Dzungars, Kazakhs). **Conclusions.** The paper acknowledges the collapse of the Dzungar Khanate proved an enormous geopolitical shift that forced Russia to restructure its external policies across southeastern

steppe peripheries and develop its military strength, which brought Dzungar reserve units of the Stavropol Host in significant demand.

Keywords: Russian Empire, early modern history, steppe southeastern borders, ethnoreligious groups, Kalmyk Christians, Stavropol Kalmyk Host (Corps), religious policy, foreign policy, nomads, Dzungars, Kazakhs

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies in Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Ryazhev A. S. ‘Register of Dzungar Rifles’: or the Question of New Dzungar Recruits for the Stavropol Corps of Kalmyk Christians in State Policy, Late 1750s – Early 1760s. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 735–751. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-735-751

Введение

Вероисповедная политика российской монархии — актуальный вопрос историографии политической истории раннего Нового времени. Важным его аспектом в истекшее десятилетие выступала история этноконфессиональных служилых групп и сословий. Одним из крупнейших подобных сословий было Ставропольское калмыцкое войско. Образованное в 1737 г., оно размещалось близ крепости Ставрополь-на-Волге, подчиненной Оренбургской губернии. С 1745 г., после введения губернатором И. И. Неплюевым постоянного штата, войско стало именоваться Ставропольским корпусом. Его создание в свое время инициировал Баксадай Доржи, внук могущественного калмыцкого властителя Аюки-хана, перешедший в православие в 1724 г. и получивший новые имя и титул — князь П. П. Тайшин. Но во главе ставропольских крещеных калмыков в итоге встал не он, а его вдова Церен Янжи, внучка джунгарского Очирту-Цэцэн-хана, после крещения — княгиня А. А. Тайшина. После ее смерти в 1742 г. и в соответствии со штатной реформой начальствование над войском окончательно принял комендант Ставропольской крепости. При нем в качестве совещательного органа функционировал войсковой суд — аналог калмыцкого Зарго, состоявший из знатных и влиятельных представителей войска.

Коменданта и старших офицеров из состава суда заботило комплектование и состояние войска. Источники комплектования находили, как и для всех иррегулярных частей, из недавних христиан, в неофитах — в нашем случае калмыках ханских и донских, и естественном воспроизводстве. Падение Джунгарского ханства выявило еще один резерв — тамошних ойратов. Их прием на службу приобрел в изучаемое время вес для властей и оказал влияние на судьбы ставропольского воинства в целом.

Материалы и методы

Материалы по затронутому сюжету присутствуют в источниках официального происхождения — документах и законодательстве. Документы охватывают указы Коллегии Иностранных дел, Сената об обстановке на юго-востоке России в годы крушения Джунгарского ханства, прежде всего, на Оренбургской линии, и боеготовности иррегулярных крещеных калмыков. В них Ставропольский корпус отмечен как эффективная военно-полицейская сила. В массив доку-

ментов также входят делопроизводство и переписка временных и постоянных органов управления Оренбургской губернией (губернской канцелярии, походной канцелярии И. И. Неплюева) и должностных лиц (губернаторы, советники, командиры) со звеньями управления. Бумаги раскрывают состояние штатов Ставропольского войска, борьбу с побегами в Калмыцкое ханство и отлучками военнслужащих калмыков с начала 1750-х гг., прием в войско в 1757–1758 гг. выходцев из Джунгарского ханства — представителей аристократии и просто-народья [Волжские 2011: 183–189, 220–232, 234–240]. Ряд материалов Коллегии Иностраных дел и Сената характеризует реакцию на перевод джунгар на Волгу на местах [Русско-джунгарские отношения 2006: 186–188, 189–195, 221, 222, 224, 239–243]. В совокупности документы дают представление о политико-дипломатическом курсе государства в годы гибели Джунгарского ханства — крупнейшего кризиса раннего Нового времени в Центральной Азии, и в этом плане их значение трудно переоценить.

Опубликованные законодательные источники (ПСЗ) освещают прибытие в Ставрополь-на-Волге и Оренбург новых контингентов крещеных калмыков.

Необходимо подчеркнуть: очерченная база источников вполне репрезентативна для понимания не только места крещеных калмыков в российской политике 1750–1760-х гг., но и системы мер в отношении всей Великой степи.

Инструментарий исследования охватил методы анализа источников и обобщения полученных данных, способствовавшие повышению информативности документов и установлению смысловых и содержательных связей между ними. Для обобщения информации применен проблемно-хронологический метод. На его основе прослежены процесс и итоги приема джунгар в строевой состав Ставропольского корпуса.

Джунгарское пополнение Ставропольского корпуса: политико-дипломатические аспекты

Требуется, прежде всего, обозначить причины, которыми руководствовались военно-гражданские власти, принимая решение о вводе джунгар в корпус. Следует также выяснить, как развивался процесс его пополнения новыми людьми на практике и какие итоги имели здесь место.

Калмыцкий корпус в военно-политической системе юго-востока России (конец 1730-х – 1750-е гг.). Рассмотрим причины принимавшихся властями мер. Ставропольское войско с момента создания было призвано выполнять ответственную задачу — защищать разрыв между Новой Закамской и Оренбургской линиями и действовать совместно с Яицким войском и оренбургскими казаками. К 1754 г. численность войска преодолела показатель в 8 тыс. чел., что делало его не только одним из крупнейших калмыцких формирований вне ханства, но и серьезной силой, мало уступавшей по количеству сабель другим иррегулярным соединениям в системе пограничной обороны российского юго-востока. Для сравнения: штат гарнизонных и ландмилицких полков Самарской линии (от Самары до Оренбурга) в 1744 г. не превышал тех же 8 тыс. чел., а Оренбургского нерегулярного корпуса в середине XVIII в. — 6 тыс. чел. [Кузнецов 2009: 38; Калмыки 2010: 52; Кортунув, Фокин 2012: 28].

Контроль состояния корпуса в Ставрополе был насущной заботой губернско-го начальства. С 1755 г. Джунгарское ханство оказалось под ударами Цинов, и его подданные — алтайцы и ойраты в поисках укрытия стали появляться в пределах России. 27 января 1756 г. вышел указ Коллегии Иностранных дел губернаторам — оренбургскому И. И. Неплюеву и сибирскому В. А. Мятлеву о приеме беженцев в подданство. Их предполагалось увести как можно дальше от театра военных действий: «А при том как с китайской, так и с зенгорской стороны прием их в здешнюю сторону столько чувствителен быть не может, нежели когда б они в близости от них находились», — говорилось в коллежском указе [Русско-джунгарские отношения 2006: 194]. Губернатор сообщал в ордере, направленном в июле 1757 г. Б. Останкову, ставропольскому коменданту, о поручении свыше: «... те вышедшие и впредь тайком выходящие зюнгорцы по особливому е. и. в. указу во особливую дирекцию поручены мне, почему от меня надлежащее об них учреждение учинено будет впредь...» [Волжские 2011: 221]. Прием имел условие — переселение в Калмыцкое ханство, но И. И. Неплюев вынашивал свой подход: сановник не желал упустить возможность пополнить ряды строевых военнослужащих Ставропольского корпуса, а посему его «учреждение» предусматривало включение «пришельцев» именно в их число.

Ряд обстоятельств заставлял И. И. Неплюева поступать именно так. Во-первых, сказывалась проблема бегства. Со времени основания хозяйственное положение войска улучшалось: если в конце 1730-х гг. среди пришельцев из Калмыцкой степи и донских улусов здесь преобладали бедняки, не владевшие скотом, то через двадцать лет в ставропольских ротах «бескотных» военнослужащих не обреталось вовсе (новопришлые джунгары не в счет). В итоге наметился отток калмыков, несмотря на крещение, в родные кочевья; начальство же, как демонстрируют документы 1750-х гг., столкнулось с необходимостью ставить этому препону [Волжские 2011: 184, 186–189].

Во-вторых, на количество ставропольцев негативно влияли их переводы на постоянную службу в Оренбург. Б. Останков в рапорте от 5 июля 1757 г. на имя И. И. Неплюева отмечал известную пустоту ротных поселений войска, наметившуюся после ухода контингента. В частности, он упоминал выбранную для поселения джунгар Преображенскую слободу, «из которой в прошедшем 1756 году к соединению в Оренбургской нерегулярной корпус переведено немалое число семей, после которых земли и луга свободные имеются» [Волжские 2011: 225, 226].

Отсутствие в корпусе числа людей, требуемого для выполнения текущих служебных задач, к тому времени не однажды давало себя знать. С 1740-х гг. утвердился порядок ежегодных посылок на границу набираемого в войске двухсотенного отряда. Опыт получался неудачным: комплектование и выезд всегда шли трудно, с задержкой. Дабы устранить проблему, надлежало нарастить мобильный и зажиточный сегмент войска: в нем был залог надежной служебной ротации и снятия с калмыков «двухсотенного набора» как социального бремени, или, как выразительно говорилось об этом в докладе Сената от 20 января 1765 г. о состоянии ставропольских и оренбургских калмыков, «в чем могут они изворот иметь, а служба в исправности быть» [ПСЗ 1830, Т. 17: 14]. Подобные соображения и побуждали И. И. Неплюева к действию в 1750-е гг.

Джунгарский резерв: стратегия и тактика губернатора И. И. Неплюева.

И. И. Неплюев считал находкой для себя лидеров пришедшей в Россию летом 1757 г. группы джунгар [Русско-джунгарские отношения 2006: 221, 222], о чем он информировал и ставропольского коменданта. «...Здесь сверх оных отправленных, — сообщал губернатор ордером, — и нойон, то есть настоящей и знатной владелец, именовавшийся по-калмыцки Норбо Данжин Бинбин, а по крещении Дмитрий Яковлев, да знатной зайсанг, из зенгорского ж ханства вышедший и нойонский [приближенный] также и по крове [из знатных] свойственник Андрей Карлов имеется...» [Волжские 2011: 221, 222].

Поскольку оба нойона перешли в православие и изъявили желание жить и служить среди соплеменников в Ставрополе-на-Волге, сановник рассчитывал, что их пример привлечет в корпус и знать более мелкого калибра, и рядовых. Соответственно, в ордере фигурирует следующее: «...но понеже сюда ново-подданные некрещеные зюнгорцы к соединению с вол[ж]скими некрещеными калмыками в немалом числе из Сибири ожидают, того ради оной нойон и свойственник нойонской, как уже крещеные, ибо они люди знатные, в надежде той, что не могут ли они и ис тех сюда ожидаемых некрещеных зюнгорцов еще некоторых ко святому крещению приохотить, до прибытия их здесь» удержаны, «чего ради по прозбе их и прибывшей с ним, нойоном, зайсангской сын, называющейся по калмыцки Элзятя Церен Даншин, а по крещении Федор Сергеев и з говоренною им за себя здесь ис прибывших напоследок ис Тары, зайсангскою женою, а при Андрее Карлове ис прибывших с ним же два зайсанга с их женами нойонския тетка и сноха с ее сыном, да ево, Карлова, тетка ж, и нойонских холопей, и протчих рядовых калмык 33 человека при обоих при них оставлены з дачею кормовых денег, как же те новоподданные некрещеные зюнгорцы сюда придут, тогда и они, нойон с товарищи, и с теми, которых они из них, зюнгорцов, ко святому крещению склонить могут, в Ставрополь отправятся...» [Волжские 2011: 221, 222].

Для укрепления боевых кондиций Ставропольского корпуса приход джунгар имел вполне определенный смысл. Стоит обратить внимание на указ Иностранной коллегии от 16 декабря 1749 г.: документ, на первый взгляд, служащий лишь обличением неповоротливости государственной машины, помогает его уяснить. В ходе подготовки двухсотенного набора власти установили, что и по окончании первого десятилетия (наиболее сложного в хозяйственном плане) существования войска имущественное положение многих рядовых военнослужащих оставляло желать лучшего. Как следствие, далеко не все они имели личное огнестрельное оружие, и это затрудняло ротацию состава отряда. Поэтому И. И. Неплюев распорядился «тех крещеных калмык, которые в числе двухсот человек наряжены в поход и огненного ружья не имеют, снабдить покупным ружьем на казенные деньги» [Волжские 2011: 178]. В московской же конторе Иностранной коллегии обнаружили по случаю, что в ней хранится «довольное число ружей и стволов, отобранных от зенгорских посланцов, которые через многие годы ржавеют...» [Волжские 2011: 178]. Через Москву в 1720–1730-е гг. проходили посольства джунгар, во главе которых стояли тайши Борокурган, Боджир, Доржа, Зундуй-Замсо, и речь, надо думать, шла об оружии, изъятом именно тогда. Теперь же ради экономии казенных средств его решили отправить в Оренбург, дабы

«оные разобрать и годные ис того раздать безденежно тем крещеным калмыкам, которые ружья не имеют, а оставшее употребить во что пригодится». Насколько повысили бы огневую мощь пограничных отрядов оружейные стволы, десятилетиями не получавшие ухода, — вопрос открытый. Примечательна, однако, номенклатура: «реэстр отобранному у зенгорских посланцов в разных годах ружью» включает в себя «стволов ружейных... девяносто», далее, «пищалей, винтовок, фузей и турок в ложах двадцать девять» и, наконец, «четыре пистолета и два ствола пистолетных» [Волжские 2011: 178]. Джунгары, таким образом, знали и европейские, и азиатские виды ручного огнестрельного оружия, гладкоствольного и нарезного, и отнюдь не архаичного: фузея для тех лет — вещь вполне современная. Отсюда понятно, что в лице джунгар Ставропольский корпус приобретал воинов, не только привычных к полю, но и освоивших длинно- и короткоствольное оружие, сведущих в тактических схемах его применения в боевых порядках легкой кавалерии как рода войск.

Норбо Данжина и его родственников — вербовщиков джунгар губернатор прочил на первые роли в войске. В ордере коменданту об этом говорится: «... и найону, також и нойонскому свойственнику Андрею Карлову по состоянию каждого войсковые чины назначены и определены будут, а протчих тако под командою их особливо в одну, а ежели их умножится, чего и желательно, то на основании вышеуказанного присланного ко мне ис Правительствующаго Сената е. и. в. указа и две роты учредить рассуждено..., причем тогда и о снабдении их ко обзаваживанию надлежащее определение учинено быть имеет...» [Волжские 2011: 222].

Значение персон и их моральный авторитет в кругу соплеменников губернатор вполне осознавал и отдавал этому должное — его отношение к пришельцам отличалось предупредительностью. Свидетельство находим, в частности, в указе Иностранной коллегии от 17 сентября 1758 г., где упомянуто об отправке Норбо Данжина и его людей из Санкт-Петербурга в Ставрополь. Ранее нойона затребовали в Коллегию для консультаций по джунгарским делам, по завершении которых его намеревались с почетом отослать к избранному месту службы «при отправленных с ними Оренбургской губернии из города Ставрополя переводчике Афанасье Шорине, да за толмача ставропольском калмыке Якове Хатанове» [Волжские 2011: 231, 232].

Другими словами, по распоряжению И. И. Неплюева, почетных гостей из Оренбурга в столицу сопровождали и находились при них неотлучно не один лишь необходимый в быту толмач, но и специальный переводчик. Личность переводчика заслуживает упоминания — А. И. Шорин, сын видного ставропольского зайсанга, человек с солидной родословной и по отцовской, и по материнской линии, бывший сотрудник Коллегии Иностранных дел, обладатель служебных компетенций на уровне среднего чиновника по Табели о рангах. Обретавшийся тогда при Ставропольской канцелярии, он соответствовал должному уровню представительства, посему по прибытии Норбо Данжина с сопровождением в Оренбург и был туда затребован. «Для вышеписанных ставших здесь [джунгар] благоволите находящагося при Вас за переводчика и толмача Шору первую почтою сюда прислать, дав от себя ему особливых к тем [гостям] писем», — предписал тогда губернатор Б. Останкову [Волжские 2011:

223, 224]. На такой же предупредительности И. И. Неплюев настаивал применительно к новоселам и на месте: «...рекомендую отправленных прежде к тем зайсангам и калмыкам доброжелательной вид показывать и по самой справедливости христианской благосклонным и почтительным к ним быть..., а и когда и легкомыслие их [нарушение российских порядков. — *А. Р.*], яко новых людей [вдруг проявится], с ласкою...» и терпимо поправлять, — наставлял сановник коменданта [Волжские 2011: 223, 224].

Статус пришлых аристократов И. И. Неплюев хотел закрепить путем создания для них офицерских вакансий в корпусе, благо пополнение свежим личным составом позволяло осуществить намерение. В ордере Б. Останкову находим: в войске на основе прибывающего контингента будут созданы две новые роты, «дабы и зайсангов всех в ротные чины по состоянию каждого з жалованьем поместить можно было..., ибо они люди знатные» [Волжские 2011: 222].

Губернатор, продвигавший Норбо Данжина, встретил понимание дипломатического ведомства. В указе Коллегии Иностранных дел от 17 сентября 1758 г. оно выражено недвусмысленно: «... зенгорский владелец Норбо Данжин, а по святом крещении Дмитрий Яковлев... каково об нем подано Правительствующему Сенату 6 июля сего 1758 года доношение, о определении его по Ставропольскому статуту на место в полковники произведенного Павла Торгоутского в войсковые судьи, и на то получен указ от 23-го того ж месяца...» [Волжские 2011: 230].

Между тем крещеный нойон в Ставрополь в 1758 г. не приехал. В июльском указе Коллегии Иностранных дел значится, что «...он и бывшей при нем зенгорский зайсанг Улумжи, а по святом крещении Степан Дмитриев, также и другие зенгорцы... призван был сюда для получения от него известия о последних зенгорских обстоятельствах и об оставших зенгорских владельцах для принятия в рассуждении сего народа каких-либо к здешней пользе служащих мер...» [Волжские 2011: 230]. Норбо Данжин, человек знатный и сведущий, выступил полезным информатором: «...от него здесь известие о том получено и по его объявлению зенгорским разных родов владельцам родословии учинены...», — отмечено также в указе [Волжские 2011: 230].

Сведения Норбо Данжина ранее публиковались без точной даты [Русско-джунгарские отношения 2006: 239–243]. В свете цитируемых источников понятно, что они были даны между 23 июля и 17 сентября 1758 г. [Волжские 2011: 229–231]. В известный момент нойон исчерпал знания обстановки, и в коллегии создалось впечатление, что он более не будет востребован: «токмо что касается до того полученного от него известия, из него не больше о последних зенгорских обстоятельствах видно, как что пред отлучением своим в здешнюю сторону слышел <...> И понеже здесь чаятельно, что о всех последних обстоятельствах зенгорскаго народа, особливо о том, есть ли еще из сего китайцами разореннаго народа такие, которые б власти китайской не подверглись и в таких местах находились, чтоб китайцы из призыву их в здешнюю сторону основательной претензии делать не могли... точнейшее известие получить будет можно от пришедших ныне в подданство е. и. в.». [Волжские 2011: 230].

Как следствие, Норбо Данжина «с четырьмя оного нойона служителями зенгорцами ж» решили наградить и отправить в Ставрополь. По коллежскому указу

от 17 сентября 1758 г. ему полагались выдачи деньгами и вещами: «...в прочем же при отправлении ныне отсюда сего нойона Дмитрия Норбо Данжина и находящихся при нем зенгорцов в показание к ним Высочайшей е. и. в. милости в рассуждении самопроизвольного их в подданство е. и. в. вступления и принятия святого крещения дать в награждение ему, нойону, двести рублей, зайсангу Улумжи, а по крещении Степану Дмитриеву, сто, находящимся при них служителям из зенгорцов четверем человекам по тридцати рублей каждому. А сверх того дать же им и на платье, а имянно нойону на кафтан сукна пять аршин, на полукафтанье золотной или серебряной парчи двенадцать аршин [ценою] от семи рублей аршин, зайсангу сукна то ж число аршин до трех рублей аршин и на полукафтанье штофу двенадцать аршин до четырех рублей аршин, а четверем при них находящимся служителям на кафтаны каждому по пяти ж аршин сукна от двух рублей с половиной и на полукафтанье из голей... а оному зенгорскому нойону с товарищи помянутое награждение учинено будет, и они отсюда отправятся вскоре» с выплатой кормовых денег на дорогу. Нойону и знати выделялось по 25 коп. в день, прочим меньше в соответствии с рангом (например, А. И. Шорину шло пять копеек) [Волжские 2011: 231, 232].

Однако осень 1758 г. обернулась острым кризисом в русско-цинских отношениях, и нойон, хотя и не владевший оперативной информацией, но ориентировавшийся в центральноазиатской политической конъюнктуре, к тому же обладавший престижем в глазах других информаторов-ойратов, был оставлен при Коллегии. В итоге он так и не прибыл к месту службы, скончавшись в северной столице от непривычных климата и пищи.

Обустройство джунгарского пополнения. Размещение на территории Ставропольского войска рядовых джунгар началось летом 1757 г. В цитированном ордере губернатора речь идет о приходе сравнительно небольшой группы джунгарских новоселов — «вышедших в подданство е. и. в. двух зайсангов с женами и рядовых калмык мужеска [и] женска полу 128...» [Волжские 2011: 223], проделавших путь из Сибири в Оренбург и направляемых на Волгу. Их надлежало определить на места, что губернатор и предписывал коменданту: «... того ради... благоволите между тем ко всегдашнему всех их при Ставрополе с прочими пребыванию и обзаведению где для них удовольственнее быть может, место примышлять..., а к зимнему времени тем знатным в Ставрополе и квартиры приуготовить наиприлежнейше...» [Волжские 2011: 223].

Из документа понятно, что это не первая группа выходцев, следовавшая своим ходом в расположение Ставропольского корпуса, ибо полковнику поручались меры и в отношении тех, кто явился раньше: «... и того ради между тем... благоволите вышеписанных ныне отправленных калмык... так же, как и прежде сего... посланных, разделить в улусы к прочим тамо находящимся ставропольским крещеным калмыкам, а что касается до показанных зайсангов, то где лучше, то есть в самом ли Ставрополе, или тамо где в улусах пристанище им дать, то сие по особливому Вашему рассмотрению учинить, дабы каждой из них вспоможением тамошних калмык к зиме хотя необходимо нужное для пребывания своего запаста мог...» [Волжские 2011: 221].

Губернатор четко формулировал ближайшую политическую цель предписанных коменданту действий: «...дабы они с лучшим пред некрещеными удовольствием быть и чрез то не толико сами Высочайшую е. и. в. милость

чувствовать, но и протчия ожидаемая сюда некрещенные калмыки видя и слыша, отменное как здесь оставленных, так и к Вам отправленных, призрение и довольствие, ко святому крещению склоняться могли, и тако бы Ставропольской корпус в лутчую Высочайших е. и. в. интересов пользу более умножиться мог» [Волжские 2011: 223].

Выплаты пришельцам должны были пойти, по мысли губернатора, из средств на содержание войска. «...К содержанию их ис положенной на то суммы снабдением их не оставлять, а зайсангам и дачу кормовых денег также продолжить..., всячески Вашему Высокородию рекомандую всех их, зюнгор вышедших и к Вам отосланных, и впредь отсылаемых калмык по вышеписанным резонам наградить...», — отмечал сановник [Волжские 2011: 223, 224]. При этом он желал от коменданта результативных мер по хозяйственному обустройству новоселов, позволявших включить их в службу в короткий срок: «наградить что да кого, и сюда [чтобы] дошло, что они довольны..., что ж им произвождимо будет, лично Вам рассудится ко обзавоживанию их делать и дать, и что и в каком чину имянно, о том Вашего известия ожидать буду... Потребно мне и то ведать, какие награждения сначала и после приходящим на житье в Ставрополе новокрещеным волжским калмыкам, и как на содержание их, так и на обзавождавание чинены, ибо, уповательно, тамо многие также, как и те, все скудны и досадны приходили...» [Волжские 2011: 223, 224].

Рапорт коменданта Б. Останкова от 5 июля 1757 г. извещал администратора, прежде всего, об устройстве указанной группы из 128 чел.: «И по силе оного Вашего высокопревосходительства ордира из вышеозначенных ныне сюда отправленных зюнгорских калмык к пребыванию с ставропольскими крещеными калмыками в улусы мною назначены, и по прибытии сюда определено быть имеет в Преображенской слободе... восемьдесят, в Предтеченской, что на Красном Яру при Кондурче тридцать, в Воскресенской слободе Ягодном тож осмнатцать человек, а зайсангом по новости их и до точного (на новых ли особливо для зюнгорских калмык во отмежевание будущих землях или обще с прежде поселенными низовыми калмыками быть имеют) определения о пристанище за лутшее признаваю иметь при Ставрополе, где как на зимнее время квартирами снабдены быть, так и содержанию своему лутшее удовольствие иметь могут, а к поселению оных зюнгорских калмык особыми двумя ротами, осмотра через нарочно посланных, где удобнее и угодыми довольнее мест явиться, о том впредь Вашему высокопревосходительству донести не премину, а для вышеозначенного владельца и протчих с ним здесь будущих к зиме квартиры ис прежде для калмыцких же старшин построенных домов приготовлены быть имеют...» [Волжские 2011: 225, 226].

Особо комендант оговаривал нормы денежных выдач хозяйственного назначения. Он напоминал, что выплаты установлены в 1737–1740 гг. для первых калмыцких поселенцев. В 1746 г., когда готовились к тому, что в Ставрополь приедет знатная калмычка Тютюря, дочь нойона Галдан Данжина и внучка ханши Дарма Балы, они были подтверждены, причем по прибытии, после крещения сама владелица получила дополнительно 50 руб., ее же спутникам ординарную сумму выдавали дважды — перед отправкой и на месте.

В дальнейшем, продолжал Б. Останков, размер выдачи изменился — за крещение в Ставрополе калмыкам причиталось по 1 руб. 50 коп. на человека. Комендант предлагал вернуть прежний порядок и вести денежную выдачу из расчета на семью, что с хозяйственной точки зрения представлялось ему более полезным: «...что же касается до вышеобъявленных ныне выходящих в подданство е. и. в. и во святое крещение приходящих зюнгорских калмыках, дабы они в здешних местах по новости своей могли чем себя содержать и впредь к лутшему состоянию скотом и протчим имуществом обзавестись, того для слабейшее мое мнение покорно представляю, не повелено ль будет при оном их первом приходе награждение учинить против того ж, как и вол[ж]ским производилось, незначитая, что им кормовые деньги до Ставрополя даются владельцу до пятидесят, зайсангам лутшим по дватцети, протчим по десяти, редовым по пяти рублей на семью, а холостым зайсангам и редовым против того вполы...» [Волжские 2011: 228, 229].

В результате «джунгарского призыва» в войско зачислили 2 961 чел. [Калмыки 2010: 52]. Это меньше, нежели вышло из Сибири: сказалась смертность в пути [Русско-джунгарские отношения 2006: 224]. Но в целом надежды И. И. Неплюева оправдались. К концу 1750-х гг. действительно удалось нарастить строевой состав войска: с учетом джунгарского пополнения в нем тогда насчитывалось более 11,5 тыс. калмыков [Калмыки 2010: 56]. Побег, разумеется, продолжались, но и в 1760-е гг. войско, усиленное тремя (вместо ранее предполагавшихся двух) ротами джунгар, держало состав порядка 8 тыс. чел. Наверху считали, что этого достаточно для выполнения текущих задач [ПСЗ 1830, Т. 17: 14; Волжские 2011: 236].

«Джунгарский» прирост ставропольцев вновь рождал на рубеже 1750–1760-х гг. у начальства соблазн перевести часть из них на постоянную службу под Оренбург, усилив тем самым первый пограничный эшелон. В указе Сената от 8 декабря 1765 г. губернатору А. А. Путятину отмечалось, что ставропольские калмыки идеально приспособлены «ко употреблению их по лехкости в нужных и необходимых случаях против степных пограничных народов, к чему напротив того регулярныя люди не могут быть способны..., а тамошняия линии всегдашней предосторожности требуют от степных и лехкомысленных народов...», и на новом месте ставропольцы также проявят себя с наилучшей стороны [Волжские 2011: 236, 237]. Военная коллегия делала оговорку: переводить можно «из находящихся тамо старых Калмык, кои не из Зюнгорцов и в Киргиз Кайсаках не бывали, но из Волских крещеных...», то есть давно живущих и обзаведшихся скотом, дабы переселение не вредило их имущественному положению и, соответственно, не создавало помех в службе [ПСЗ 1830, Т. 17: 14].

Однако допустить из-за переводов под Оренбург откат в вопросе о численности корпуса верховная власть не желала, осознавая его военное значение. Указ Сената содержал прямое предписание губернатору: Ставропольское войско нельзя сокращать переводами в другие места безоглядно, ибо «великая убавка людей из Ставрополя полезною быть не может, по последующей от того тамошним местам пустоте, и по пресечению способов к употреблению из живущих тамо ныне калмык для службы е. и. в. и знатным числом во все стороны, куда нужда впредь востребовала б...» [Волжские 2011: 237, 238]. Невозможно

было сбросить со счетов и полицейский потенциал войска, ибо «и в последнее башкирское беспокойство калмыки оказали себя весьма отменным образом...» [Волжские 2011: 237].

Джунгарский «человеческий материал» корпуса в обоих аспектах заслуживал высокой оценки в рамках сложившейся региональной пограничной политики. И. И. Неплюев говорил об этом еще в 1755 г., до завершения натиска Цинов на Джунгарию: если и брать джунгар в подданство, то именно как контингент, пригодный для сдерживания казахов и отчасти башкир [Русско-джунгарские отношения 2006: 187].

Гибель Джунгарии в корне изменила положение в Степи и на степном российском рубеже. Она вынуждала местную военно-гражданскую администрацию выдерживать внешний военный приоритет, заботясь «о пользе и содержании в Оренбурге и на тамошних линиях крещеных калмык для употребления их в нужных случаях против пограничных народов, то есть киргис кайсак...» [Волжские 2011: 237].

Джунгарское пополнение, таким образом, оказалось на переднем крае малой пограничной войны, на протяжении нескольких десятилетий вызывавшей затем у властей опасения войны большой (имела ли место подобная угроза на самом деле — вопрос особый).

Джунгары калмыцкого корпуса в российско-цинском внешнеполитическом размене (современный историографический контекст). В литературе хорошо изучена геополитическая стратегия цинских правителей, полагавших Джунгарское ханство и подконтрольные ему территории сферой своего влияния, с XVII в. преследовавших цель подчинения джунгари обосновывавших ее всячески — и до, и после завоевания Джунгарии [Златкин 1983: 183–210, 283, 289; Perdue 2005: 240–289, 470–481].

Новейшие труды подтверждают сложившийся подход [Ануфриев 2013: 153–155; Базаров, Хишигжаргал 2016: 182, 183]. В исследованиях также показано: политико-дипломатическая линия Цинов аккумулировала практики, ранее апробированные в отношении монголов и призванные создать у ойратской знати восприятие цинского двора как единственного политического центра, цинской монархии — как монархии буддийской, приверженной ценностям школы Гелугпа [Гомбожапов 2015: 199–201; Гомбожапов 2016: 162–164; Китинов, Лю Цян: 2019: 52, 53].

Ныне твёрдо установлено, что в ходе покорения Джунгарии император Цяньлун не желал поголовного истребления ойратов, более того, его политика применительно к ним отличалась интегрисмом [Пастухов 2009: 25–28], удары же цинских войск обрушивались на тех, кто активно сопротивлялся или блокировался с лидерами сопротивления. В этом плане выход в Россию нойона Норбо Данжина, близкого родственника Амурсаны — главного врага Цинов с середины 1750-х гг., абсолютно понятен: ему, как и последнему джунгарскому правителю, некуда было деться, в других местах никто не мог помочь ему, не рискуя навлечь на себя китайскую карательную экспедицию.

В наши дни историография обладает вполне сформированной картиной покорения джунгар Цинами. В 1753–1754 гг. в преддверии нападения на Джунгарию китайские войска совершили ряд экспедиций на Алтай для принуждения к

подданству тамошнего населения. В 1755 г. удар обрушился непосредственно на Джунгарию, вновь затронув и Алтай [Модоров 2011: 160].

В конце 1756 г. Лифаньюань сообщил российской стороне о присоединении Джунгарии к Китаю, однако спорадические боевые действия продолжались. Наиболее мощные удары Цинов по Джунгарии пришлось на лето 1757 г. и лето – осень 1758 г. [Скобелев 2010: 229]. Каждый из этих ударов сопровождался туром дипломатических осложнений между Россией и Цинами. Более того, в 1758 г. Россия и Китай стояли на грани войны, из-за чего понадобилось срочно усиливать границу в Сибири войсками с Оренбургской линии [Пузанов 2017: 1189]. В этих условиях приезд Норбо Данжина в Ставрополь-на-Волге так и не состоялся.

Известно, что основную проблему в диалоге сторон составила судьба джунгар: Цины требовали их выдачи, проявляя особую непримиримость в том, что касалось Амурсаны и его людей. Российские власти в целом занимали половинчатую позицию, не желая конфликтовать с Китаем и рассчитывая перевести всех пришлых в Калмыцкое ханство. По этой причине гонцы наместника Дондук-Даши весной 1756 г. побывали на Алтае и в крепостях Южной Сибири, где скапливались беженцы из Джунгарии. Но призывы калмыцких посланцев вызвали недовольство искателей российской протекции, посему в мае – июне 1756 г. появились указы о разрешении выходцам пребывать в родных местах и о присоединении Горного Алтая к Российской империи [Модоров 2011: 161].

Что касается джунгар, то после уведомления Лифаньюаня 1756 г. они формально считались подданными Цинской империи, и их прием на российскую сторону, как и прием российских подданных Китаем, попал под запрет в силу прежних обоюдных обязательств. Прием джунгар-пленников, бежавших от казахов, вызывал недовольство и последних. Поэтому российские власти вели его исподволь на местах и тайком от соседей [Шишкина 2014: 208, 209].

Принципиальность российская дипломатия проявила лишь однажды, по соображениям престижа категорически отвергнув выдачу ойратских лидеров — Амурсану и Норбо Данжина, разбитых Цинами наголову летом 1757 г. и укрывшихся на российской территории со своими людьми. В этих условиях решение Норбо Данжина о крещении и службе в Ставропольском войске, подсказанное властями, на переговорах с цинскими представителями послужило дополнительным аргументом в пользу его невыдачи. На прием джунгар — цинских подданных власти пошли только в 1762 г., однако вели его без официального подтверждения [Шишкина 2014: 210].

Существенным вкладом новейшей литературы в изучение вопроса стало определение численности беглецов из Джунгарии в российских владениях до начала 60-х гг. XVIII в. Установлено, что речь может идти не более чем о 15–20 тыс. чел. Сюда включено до 4 тыс. ойратов, первоначально нашедших убежище в крепостях сибирских линий, затем сведенных в Бийск и в итоге осевших на Волге — в Калмыцком ханстве или Ставрополе [Скобелев 2010: 229]. Именно к ним и относились джунгары «особливой дирекции» И. И. Неплюева, фигурировавшие в переписке с Б. Останковым. Цифры свидетельствуют, что большинство джунгар, собранных в Сибири, предпочло крещение и службу именно в Ставрополе-на-Волге.

Для России гибель Джунгарии имела серьезные последствия. Вместе с кочевой империей рухнула пограничная система двоеданнычества, сложных балансов между ойратами и казахами, по возможности выстраивавшихся российской дипломатией, динамическое равновесие в контактной зоне на Алтае, где отсутствовала четкая граница, вспыхнула борьба кочевников за освобожденные земли [Моисеев 2000: 40; Боронин 2002: 149–159; Бобров, Соболева 2015: 35–37, 40; Юферова 2017: 161; Уметбаев, Дудникова 2015: 22, 23; Джунджужов, Любичанковский 2019: 502–506]. В российскую же повестку дня встало разграничение с цинским Китаем, вовлечение военно-гражданской администрации в казахские перипетии по всей длине степной юго-восточной границы, интеграция казахских жузов в структуру государства.

Заключение

Падение Джунгарии делало казахов степными гегемонами и увеличивало их соприкосновение с Оренбургской и сибирскими линиями. Власти отреагировали на создавшуюся ситуацию естественным в тех условиях способом — усилив границу. Но российской стороне предстояло сделать выводы после крушения ойратской державы.

В 1760-е гг. становилось очевидным, что вдоль российских границ от Синьцзяна до Черного моря возник протяженный тюрко-мусульманский массив, разрываемый лишь калмыцкими кочевьями. Этот массив имел стратегически обеспеченный тыл в Средней Азии и совокупно с ней трактовался Турцией в качестве сферы преобладания и исключительного геополитического преимущества. В период противостояния 70–80-х гг. XVIII в. с Россией, обернувшегося двумя русско-турецкими войнами, Османская империя активно пыталась его использовать.

Источники

- Волжские 2011 — Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 320 с.
- ПСЗ 1830 — Первое полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 17 (1765–1766). 1139 с.
- Русско-джунгарские отношения 2006 — Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.

Литература

- Ануфриев 2013 — *Ануфриев К. С.* Эволюция политики Цинского Китая в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 153–157.
- Базаров, Хишигжаргал 2016 — *Базаров Б. В., Хишигжаргал Г.* Распад Монгольской империи и формирование династии Цин (XVII–XVIII вв.) // Власть. 2016. № 9. С. 178–184.
- Бобров, Соболева 2015 — *Бобров Д. С., Соболева Т. Н.* Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3–2 (87). С. 34–41.
- Боронин 2002 — *Боронин О. В.* Двоеданнычество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул: Азбука, 2002. 217, [2] с.

- Гомбожапов 2015 — *Гомбожапов А. Д.* Политика империи Цин в Центральной Азии (историографический обзор) // *Власть*. 2015. № 6. С. 197–201.
- Гомбожапов 2016 — *Гомбожапов А. Д.* Историография пограничной политики империи Цин: особенности модели взаимодействия кочевой и оседлой государственности // *Власть*. 2016. № 5. С. 161–166.
- Джунджузов, Любичанковский 2019 — *Джунджузов С. В., Любичанковский С. В.* Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 494–524.
- Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М.: Наука, 1983. 332 с.
- Калмыки 2010 — *Калмыки*. М.: Наука, 2010. 568 с.
- Китинов, Лю Цян 2019 — *Китинов Б. У., Лю Цян.* Религия в ойратской политике династии Цин // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 44–55.
- Кортунов, Фокин 2012 — *Кортунов А. И., Фокин А. А.* Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI–XIX вв.). Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2012. 113 с.
- Кузнецов 2009 — *Кузнецов В. А.* Новая Закамская линия и образование ландмилиции // *Известия Самарского научного центра РАН*. Тематич. вып. 2009. Т. 11. № 2 (28). С. 35–41.
- Модоров 2011 — *Модоров Н. С.* Из истории присоединения Южного Алтая к России в середине 50-х гг. XVIII в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2011. Вып. 4-2 (72). С. 159–166.
- Моисеев 2000 — *Моисеев В. А.* Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // *Вестник Евразии*. 2000. № 2. С. 22–41.
- Пастухов 2009 — *Пастухов А. М.* Ойратская политика Цянлуна // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2009. № 2. С. 19–29.
- Пузанов 2017 — *Пузанов В. Д.* Формирование и службы выписных казаков Сибири в XVIII в. // *Былые годы*. 2017. Т. 46. № 4. С. 1184–1193.
- Скобелев 2010 — *Скобелев С. Г.* Демографические последствия завоевания Джунгарии войсками империи Цин // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2010. Т. 9. Вып. 5: Археология и этнография. С. 219–235.
- Уметбаев, Дудникова 2015 — *Уметбаев Т. Ш., Дудникова А. В.* Две империи в начале борьбы за Центральную Азию // *Проблемы востоковедения*. 2015. № 1 (67). С. 19–26.
- Шишкина 2014 — *Шишкина (Ноздрина) И. А.* Проблема беженцев из Джунгарии в русско-китайских отношениях (конец 50-х – начало 60-х гг. XVIII в.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 208–210.
- Юферова 2017 — *Юферова Н. С.* Причины образования и этапы заселения Иртышского десятиверстного пространства (XVIII в. – первая половина XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2017. № 2 (94). С. 159–163.
- Perdue 2005 — *Perdue P. C.* China marches West. The Qing conquest of Central Asia. Cambridge (Mass.); London: The Belkhar Press of the Harvard University Press, 2005. XX, 725, [2] p.

Sources

- First Complete Collection of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. Vol. 17: 1765–1766. 1139 p. (In Russ.)
- Russian-Dzungar Relations: Late 17th c. – 1760s. Documents and Extracts. Barnaul: Azbuka, 2006. 360 p. (In Russ.)
- Volga Stavropol Kalmyks: Mid-1730s – 1850s. Documents and Materials. Vol. 1: Stavropol Kalmyk Host Mid-1730s – 1760s. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of RAS, 2011. 320 p. (In Russ.)

References

- Anufriev K. S. Development of China's Qing Dynasty policy in Central Asia. *Tomsk State University Journal of History*. 2013. No. 1 (21). Pp. 153–157. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. (eds.) The Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)
- Bazarov B. V., Khishigzhargal G. The decay of the Mongol Empire and formation of the Qing Dynasty (17th–18th centuries). *Vlast' (The Authority)*. 2016. No. 9. Pp. 178–184. (In Russ.)
- Bobrov D. S., Soboleva T. N. The state border in the Upper Ob-Irtysh area of the Russian Empire in the first half of the XVIII century. *Izvestiya of Altai State University*. 2015. No. 3–2 (87). Pp. 34–41. (In Russ.)
- Boronin O. V. Double Tributarieness in Siberia: 17th century – 1860s. Barnaul: Azbuka, 2002. 217 p. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovsky S. V. Impact of the Russo-Turkish War of 1735–1739 on the construction of relations between the Russian Empire and nomadic peoples of the Southern Urals and Central Asia (based on materials from Orenburg expedition). *RUDN Journal of Russian History*. 2019. Vol. 18. No. 3. Pp. 494–524. (In Russ.)
- Gombozhapov A. D. Frontier policy of the Qing Empire: peculiarities of the model of nomadic and settled statesmanship. *Vlast' (The Authority)*. 2016. No. 5. Pp. 161–166. (In Russ.)
- Gombozhapov A. D. Policy of the Qing Empire in Central Asia (historiographical review). *Vlast' (The Authority)*. 2015. No. 6. Pp. 197–201. (In Russ.)
- Kitinov B. U., Liu Qiang. Religion in Oirat Qing Dynasty politics. *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 44–55. (In Russ.)
- Kortunov A. I., Fokin A. A. Muslims in Cossack Hosts of the Urals: 16th – 19th Centuries. Ufa: Akmulla Bashkir State Pedagogical University, 2012. 113 p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. The new Trans-Kama Line and the formation of the land militia. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2009. Vol. 11. No. 2 (28). Pp. 35–41. (In Russ.)
- Modorov N. S. From the history of annexing Southern Altai to Russia in the middle of 50s of the XVIII century. *Izvestiya of Altai State University*. 2011. No.4-2 (72). Pp. 159–166. (In Russ.)
- Moiseev V. A. Dzungar-Kazakh relations in the 17th – 18th centuries and Russia's policy. *Vestnik Evrazii*. 2000. No. 2. Pp. 22–41. (In Russ.)
- Pastukhov A. M. Qianlong's Oirat policy. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2009. No. 2. Pp. 19–29. (In Russ.)
- Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Asia. London: The Belkhar Press of the Harvard University Press, 2005. XX, 725 p. (In Eng.)
- Puzanov V. D. The formation and discharge service of the Cossacks of Siberia in the XVIII century. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. No. 4. Pp. 1184–1193. (In Russ.)
- Shishkina (Nozdrina) I. A. Problem of refugees from Dzungaria in the Russian-Chinese relations (the end of the 50s – the beginning of the 60s of the XVIII century). *Historical,*

- Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2014. No. 8 (46): in 2 parts. Part II. Pp. 208–210. (In Russ.)
- Skobelev S. G. Demographic consequences of a gain of Jungaria by armies of Empire Qing. *Novosibirsk State University Bulletin*. 2010. Vol. 9. No. 5: Archaeology and Ethnography. Pp. 219–235. (In Russ.)
- Umetbaev T. Sh., Dudnikova A. V. Two empires in the beginning of the battle for Central Asia (concerning some issues in Russian-Chinese relations in the 18th century after the collapse of the Dzungar Khanate). *The Problems of Oriental Studies*. 2015. No. 1 (67). Pp. 19–26. (In Russ.)
- Yuferova N. S. The reasons for formation and stages of settling of the Irtysh ten verst space (the 18th – the first half of the 19th centuries). *Izvestiya of Altai State University*. 2017. No. 2 (94). Pp. 159–163. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. History of the Dzungar Khanate: 1635–1758. Moscow: Nauka, 1983. 332 p. (In Russ.)

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.5; 94(47).084.6

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-752-763

Партия и СМИ (развитие партийно-советской печати Калмыкии в 20–30-е гг. XX в.)

*Евгения Викторовна Сартикова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000, Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-3472-6435. E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Сартикова Е. В., 2020

Аннотация. *Введение.* На основе анализа архивных источников показан процесс становления и развития партийно-советской печати Калмыкии в 20–30-е гг. XX в. Партийная организация Калмыкии уделяла серьезное внимание развитию средств массовой информации. Если до 1926 г. в Калмыцкой области выходила только одна печатная газета «Улан Хальмг» («Красный калмык»), то с 1926 г. начали издаваться газеты «Красная степь», «Калмыцкие известия», журналы «Вестник Калмыцкого обкома ВКП(б)», «За работу» и др. *Источниковедческой основой* статьи являются документы партийного фонда Национального архива Республики Калмыкия. Степень достоверности результатов исследования обеспечивается привлечением значительного объема документальных источников. Анализ архивных материалов осуществлен на таких принципах, как объективность и историзм. *Целью данного исследования* является анализ деятельности Калмыцкой областной партийной организации в становлении печати Калмыкии. *Результаты.* Сделан *вывод* о том, что вопросы развития печати регулярно рассматривались на партийных конференциях, пленумах и заседаниях бюро Калмыцкого обкома партии. Бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) укрепляло республиканские и улусные газеты и журналы опытными журналистами. В издаваемых книгах и брошюрах обобщался опыт политической, организационной и идеологической деятельности партийных организаций. Издание газет и журналов на калмыцком и русском языках укрепляло связи партии с народом, облегчало проведение в жизнь своей политики. Печать использовалась партией и партийными организациями как политическое орудие в мобилизации и просвещении трудящихся.

Ключевые слова: Калмыкия, Калмыцкая областная партийная организация, деятельность, руководство, газеты, журналы, Вестник Калмыцкого обкома ВКП(б), идеологическая работа

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Сартикова Е. В. Партия и СМИ (развитие партийно-советской печати Калмыкии в 20-30-е гг. XX в.) // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 752–763. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-752-763

UDC 94(47).084.5; 94(47).084.6
DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-752-763

Party and Mass Media: Development of Party-Soviet Print Media in Kalmykia, 1920s–1930s

*Evgeniya V. Sartikova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate
 0000-0003-3472-6435. E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Sartikova E. V., 2020

Abstract. *Introduction.* The paper provides insight into archival sources and shows the development of Kalmykia’s party-Soviet print media during the 1920s and 1930s. Kalmyk Party Organization tended to keep a strong focus on the growth of mass media in the region. So, before 1926 there was only one newspaper in Kalmyk Oblast — *Ulan Khal’mg* (Kalm. ‘Red Kalmyk’), while that very year proper witnessed the emergence of multiple periodicals, such as *Krasnaya step’* (Russ. ‘Red Steppe’), *Kalmytskie izvestiya* (Russ. ‘Kalmyk News’), journals *Vestnik Kalmytskogo obkoma VKP(b)* (Russ. ‘Newsletter of Kalmyk Oblast VKP(b) Committee’), *Za rabotu* (Russ. ‘Down to Work’), etc. *Goals.* The study seeks to clarify the impacts of Kalmyk Oblast Party Organization on the development of regional print media. *Materials and Methods.* The article analyzes multiple — and authentic — documents stored at the National Archive of Kalmykia (Party Collection), key research principles being those of objectivity and historicism. *Results.* The work concludes that issues of print media’s development were regularly discussed at Party conferences, plenums, and meetings of Kalmyk Oblast Party Committee. The latter’s Bureau would employ experienced journalists to strengthen republican and district-level newspapers. The published books and brochures were summarizing political, organizational, and ideological experiences of party organizations. Kalmyk- and Russian-language newspapers and journals were tightening ties between the Party and people, which facilitated an easier implementation of state policies. Thus, print media were used by the Party and its agencies as a means of political mobilization and education.

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Research of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

Keywords: Kalmykia, Kalmyk Oblast Party Organization, activity, authorities, newspapers, journals, *Vestnik Kalmytskogo obkoma VKP(b)*, ideological experience

For citation: Sartikova E. V. Party and Mass Media: Development of Party-Soviet Print Media in Kalmykia, 1920s–1930s. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 752–763. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-752-763

В связи со столетием автономии Калмыкии становится актуальной проблематика регионального уровня. Необходимо подчеркнуть, что до сих пор мы не имеем объективной картины становления и развития партийно-советской печати в Калмыкии. Данная статья призвана хотя бы частично восполнить существующий пробел.

Как только закончилась Гражданская война на территории Калмыцкой степи, после образования Калмыцкой автономной области (1920 г.) большевики приступили к организационному оформлению партийной организации. 12 декабря 1920 г. в Астрахани состоялась уездная партийная конференция, на которой был избран уездком. К работе уездный комитет партии приступил только 1 января 1921 г. Уже тогда перед большевиками стояли задачи по усилению агитационно-пропагандистской работы в области, по созданию своего печатного органа, организации экспедиции для широкого распространения литературы и газет по области [[НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 48](#)].

Истории партийно-советской печати Калмыкии не уделялось особого внимания. Начало изучению истории печати в Калмыкии было положено в брошюрах Б. Г. Майорова [[Майоров 1967](#); [Майоров 1971](#)], А. Г. Маслова [[Маслов 1962](#)] и др., а первым исследователем этой темы стал А. С. Романов [[Романов 1971](#); [Романов 1973](#)]. Он осветил работу печати Калмыкии в годы Гражданской войны (разумеется, только большевистской и советской печати), писал об истории создания военной газеты «Улан хальмг» («Красный калмык») и газеты «Трудовой калмык», их роли в событиях Гражданской войны. Автор обращал внимание на движение рабселькоров в улусах, на место печати в реконструкции народного хозяйства, на ее общественно-просветительную работу, характер и содержание журналов: «За работой» (1927), «Калмыцкая степь» (1927–1929), «Мана келн» («Родное слово») (1928–1929). Однако 1930-е гг. в истории печати Калмыкии освещены еще слабо. Определенный материал о развитии печати также содержится в коллективных трудах [[Очерки истории 1970](#); [Очерки истории 1980](#); [История Калмыкии 2009](#)].

Продолжила изучение истории печати Б. Б. Санджиева, написав в 1985 г. диссертацию по истории партийно-советской печати [[Санджиева 1985](#)]. В исследовании она рассмотрела партийное руководство печатью в деле ликвидации неграмотности и просвещения калмыцкого народа. К истории создания и работы Калмыцкого подотдела печати в Астрахани обратился В. А. Стоянов. Он изучал обстоятельства возникновения Калмыцкого книжного издательства [[Стоянов 2009](#)].

Научное изучение истории партийно-советской печати в Калмыкии свидетельствует о том, что комплексных исследований по данной теме недостаточно. Большая их часть написана в советский период, когда многие факты замалчивались, внимание акцентировалось только на положительных результатах становления и развития периодической печати. Можно согласиться с мнением Б. Б. Дякиевой о том, что «во всех исследованиях имеется мало различий: они однообразны по содержанию, основываются на пространственно-временном принципе изучения, отличаются догматизмом, стремлением зависить роль партийных организаций в деле развития прессы» [[Дякиева 2017: 17](#)]. Поэтому сегодня необходимо переосмысление данной научной проблемы с деидеологизированной точки зрения и учетом современной методологии.

На первой Областной партийной конференции (1921 г.) был избран Областной Комитет РКП(б). Рабочим аппаратом Калмыцкого областного комитета партии являлся Секретариат, состоявший из нескольких отделов, в том числе агитационно-пропагандистского, который вел работу в области агитации, пропаганды и печати [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 173]. В области печати отдел руководил областным органом печати, уездной печатью, областным агентством печати. Кроме того, агитационно-пропагандистский отдел организовывал партийные библиотеки, принимал участие в организации изб-читален.

Как показывают архивные материалы, на состоявшейся 17 марта 1923 г. IV областной партийной конференции, издательская работа была вынесена в повестку дня специальным докладом. В нем, в частности, отмечалось, что вся издательская работа в Области сосредотачивалась на двух периодических изданиях: «Вестнике агитации и пропаганды» Обкома партии и газете «Красный калмык». Жизнь Области на страницах этих изданий освещалась недостаточно. Причина этого, как подчеркивалось в докладе, состояла в том, что «большинство ответственных работников Области мало уделяли внимания издательской работе» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 40. Л. 35]. Типография в то время имела две машины и два электромотора. Единственный недостаток в её работе — нехватка шрифта. Об этом было сообщено в ЦК РКП(б), но «из-за недостатка средств шрифт заказать не удалось. В типографии работало 3 человека (заведующий и два наборщика (ученики педагогического техникума))» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 40. Л. 38].

IV Областная партийная конференция (1923 г.), подчеркнув неудовлетворительное состояние областной печати, предложила областному комитету партии и всем ответственным партийным работникам уделять максимум внимания её развитию. Областная газета «Красный калмык» совсем не походила на газету. Выходя нерегулярно (один–два раза в месяц, а иногда и ни разу), она вмещала в себя не более 2–3 статей больших размеров, наполненных массой «варваризмов», совершенно непонятных, в том числе и для улусных работников. Круг читателей «Красного калмыка» ограничивался десятком ответственных работников центра области. К тому же из-за отсутствия средств, в улусы газета отправлялась только с оказией, пролеживая в редакции целыми неделями. Для окончательной характеристики газеты еще следует добавить изобилие орфографических и грамматических ошибок. Подотдел печати агитационно-пропагандистского отдела (далее — Агитпроп) обкома партии после IV партконференции приступил к работе по исправлению указанных недостатков. Прежде всего, была поставлена на должную высоту корректура. В содержании газеты открылись следующие постоянные отделы: «По Советским Республикам», «По Калмыцкой области», «Судебный отдел», «Народное образование», «Кооперация», «Партийная жизнь» и временные отделы: «Помощь воздухофлоту», «Красная Армия», «Профессиональная жизнь», «Сельскохозяйственная выставка».

Кроме этого, периодически появлялась для комсомольцев «Страничка молодежи». В целях освещения на страницах газеты жизни улусов, подотделом печати Агитпропа был принят циркуляр всем улускомам о выделении корреспондентов. Эта мера вскоре дала положительные результаты: «Отдел по Калмыцкой области» значительно увеличился. Началось печатание газеты на калмыцком

языке, когда впервые вышла страничка с калмыцким текстом» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 48. Л. 32]. Спустя несколько месяцев на калмыцком языке стала выходить целая страница. Дальше этого расширить объем калмыцких текстов не удалось. Несмотря на то, что IV партконференция предложила всем ответственным работникам уделять максимум времени областной печати, из всех работников центра Области более или менее постоянно работали в газете 5–6 человек. В течение 1923 г. после IV партконференции газета была бесплатной, находясь на полном содержании типографии, и лишь в конце февраля 1924 г. были предприняты первые шаги к введению платности. С этой целью Агитпроп отдел разработал циркуляр, в котором улускомам предписывалось провести кампанию подписки на газету. Сведений о практических результатах кампании с мест не поступало. Конечно, подписка не давала редакции больших материальных возможностей, она, скорее всего, являлась лишь полуактивной мерой. За 1922–1923 гг. в «Красном Калмыке» были проведены следующие кампании: «25-летие РКП(б)», «Помощь воздухофлоту», «Неделя беспризорного ребенка», «Помощь школе взрослых», «Неделя Красного флота», «Решения XII съезда РКП(б)», «День кооперации», «Шестая годовщина Октябрьской революции», и, наконец, 4 номера были посвящены В. И. Ленину. Всего за 1923 год вышло 36 номеров, за 3 месяца 1924 г. — 12 номеров. Некоторые номера выпускались с увеличенным тиражом до 1 000 экземпляров. Всего выпущено 14 800 экз. за 1923 г. и 7 500 экз. за 3 месяца 1924 г. Газета высылалась в улусы почтой и с командированными работниками [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 48. Л. 33].

Несмотря на то, что это была военная газета, Областной комитет партии все же обращал внимание на необходимость освещать в газете жизнь улусов. Но, как писали Р. Б. Дякиева и К. Н. Максимов, «газета играла огромную роль в мобилизации, политическом воспитании бойцов и командиров 1-го Калмыцкого кавалерийского полка» [Дякиева, Максимов 2009: 529].

Кроме газеты «Красный калмык», Агитотделом Калмыцкого обкома партии издавался ежемесячный журнал «Вестник Калмыцкого обкома РКП(б)» (1922–1926) тиражом 350 экземпляров, предназначенный для низового партийного актива. С «Вестником» дело обстояло благополучно. Выходил он аккуратно, и тираж его вполне был достаточен для сравнительно малочисленной тогда партийной организации. К недостаткам «Вестника», как указывалось в докладе на IV Областной партийной конференции, относились, во-первых, плохое освещение экономических вопросов Калмыцкой области; во-вторых, неважное литературное качество; в-третьих, небольшое число лиц, работавших в журнале, и, в-четвертых, выход «Вестника» на русском языке.

Исследование источников показало, что за 1922–1923 гг. вышло 13 номеров «Вестника Калмыцкого обкома РКП(б)» или 4 550 экземпляров. В целях распространения среди калмыцкого населения сведений об экономической и национальной политике власти, агитационно-пропагандистским отделом Обкома партии были выпущены следующие брошюры: «Какое дело русскому крестьянину до Германской революции» (500 экземпляров) и «Революции ЦК и ЦКК по внутрипартийному и экономическому вопросам» (350 экз.). В переводе находилась «Книга политграмоты» Коваленко [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 48. Л. 33]. С № 7–8 «Вестник» включал постоянные отделы: общий, о Ленине, Калмпросвещение, работа на местах, работа Обкома партии, самообра-

зование — спутник агитатора, профессиональная жизнь, наше хозяйство, вопросы быта, на трудовом фронте, наша смена, политобозрение и официальный отдел [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 66]. Журнал «Вестник Калмыцкого обкома РКП(б)» содержал много информации о работе улусных комитетов партии, о состоянии партийной работы в области. Он широко освещал вопросы партийного просвещения кадров, деятельность различных общественных организаций. В журнале публиковались материалы партийных конференций, пленумов, протоколы заседаний бюро Калмыцкого обкома партии, циркулярные письма обкома улусным комитетам партии, систематически помещались отчеты о работе областной совпартшколы, сведения о подготовке кадров партийных кадров.

Необходимо отметить, что вопросы развития печати и издательского дела регулярно рассматривались на партийных конференциях и заседаниях бюро Калмыцкого обкома партии. Так, на V областной партийной конференции (апрель 1924 г.) отмечалось, что «работа в области печати во многом тормозилась особенностью калмыцкой письменности. Обком партии поручил ЦИКу Области изучить вопрос о письменности и в случае необходимости провести её реформу» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 48. Л. 4].

В отчете ОК РКП(б) в ЦК РКП(б) за 1924 г. подчеркивалось, что центральное место в работе подотдела печати занимал вопрос о переходе к русской транскрипции, которая должна была заменить собой зая-пандитский алфавит [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 25]. Старокалмыцкая, так называемая зая-пандитская письменность находилась в употреблении до 1924 г. В декабре 1923 г. заведующий областным отделом образования Х. Косиев, вернувшись из командировки в Наркомпрос, обратился в Президиум Калмыцкого ЦИК с просьбой о созыве совещания, посвященного языковой проблеме. 6 января 1924 г. участники собрания калмыцкой общественности решили создать новую калмыцкую письменность на русской графической основе. С начала 1926 г. в Калмыкии повсеместно был введен в употребление алфавит на основе русской графики. Калмыки пользовались русским алфавитом с дополнительными латинскими знаками до 1930 г., после чего был введен латинский алфавит [Сартикова 2008: 121].

Прежде чем областной комитет партии и Калмыцкий облисполком утвердили новый алфавит, он был подвергнут всестороннему исследованию рядом научных и общественных организаций и получил соответствующее одобрение научного Совета Всесоюзного Центрального комитета Ново-тюркского алфавита.

В самой Калмыкии проблема языка и письменности обсуждалась ещё не раз. Основными этапами развития калмыцкой письменности стали: зая-пандитская (1648–1924), русская графика с введением дополнительных знаков (1924–1930), латинский алфавит с дополнительными знаками (1930–1938) и вновь принятие русского алфавита (1938). «В 1920-е годы старокалмыцкая письменность (тодо бичиг) считалась сложной для усвоения, технически неудобной из-за вертикального написания, чем в принципе и объясняется активная агитация за замену её русской транскрипцией», — писал знаток «ясного письма» А. В. Бадмаев [Бадмаев 1992].

Бюро Калмыцкого обкома партии своим постановлением подтвердило не-

обходимость перехода к русской транскрипции. Материалы были переданы в агитпропотдел ЦК РКП(б), которым переход к русской транскрипции также был санкционирован. С этой целью Калмобком ходатайствовал перед Отделом Печати ЦК партии об изготовлении шрифта русской транскрипции с дополнительными знаками через «Восточное издательство» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 25].

Партийной организации приходилось решать многие организационные и хозяйственные вопросы, связанные с дальнейшим укреплением печати.

В 1926 г. по решению бюро обкома партии газета «Улан хальмг» переименовывается в газету «Красная степь». Разноплановая по тематике, выступавшая по самым насущным вопросам своего времени, газета ставила и освещала вопросы народного образования, доходчиво объясняла трудящимся острую необходимость просвещения. Материалы всех отделов иллюстрировались рисунками, фотографиями, карикатурами. В разное время газету редактировали партийные и общественные деятели, известные литераторы. В 1926–1927 гг. редактором работал А. Д. Загорянский, его заместителем был молодой писатель Нимгир Манджиев. В дальнейшем коллективом газеты руководили Бадма Майоров (1927–1928), Араши Чапчаев (1928), Улан Илишкин (1930) [Дякиева, Максимов 2009: 530].

Особое внимание «Красная степь» обращала внимание на просветительскую работу среди калмычек: разъясняла равенство прав женщин с мужчинами, выступала за распространение книг и газет среди женщин. Редакция готовила специальные рубрики: «Страницы женщин», «Странички работницы». Для того чтобы газета доходила до рядового читателя, редакция объявила по области подписку на «Красную степь», которой занимались местные уполномоченные по ее распространению. Кроме того, для улусов выписывался журнал «Коммунистка», к 8 Марта 1925 г. был издан первый номер журнала «Первый шаг». Несмотря на трудность проведения работы среди женщин, по Калмобласти насчитывалось около 800 женщин-делегаток, из них 10 чел. в аймисполкомах, одна женщина — в ЦИКе, 2 — в Облпрофсовете, 4 — в Губотделе Союза, 17 — в кооперативных организациях [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 75. Л. 167].

На VIII Калмыцкой областной партийной конференции (15–20 ноября 1926 г.) отмечалось, что «газета „Красная Степь“ начала находить массового читателя. Значительно увеличился тираж газеты, который составлял 3 000 экземпляров, тогда как до этого было только около 700 экз. бесплатного тиража» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 127. Л. 30об.]. А. А. С. Романов отмечал, что «усилиями партийных организаций удалось за короткий срок создать материально-техническую базу для областной газеты и подготовить кадры полиграфистов. На этой основе „Красная степь“ стала выходить не один раз в неделю, как это было на первых порах, а два раза» [Романов 1969: 37].

Важнейшим в газете был отдел партийной жизни. Здесь публиковались официальные партийные документы, широко освещалась работа съездов, конференций. Отдел партийной жизни выдвигал актуальные вопросы для широкого обсуждения. Делалось это накануне партконференций под рубрикой «Ставим на повестку партконференции». «Подобная практика позволяла ком-

мунистам обратить внимание на нерешенные вопросы. Так, благодаря усилию областной парторганизации в Калмыкии расширилась сеть политпросвещения. Кроме того, со страниц «Красной степи» не сходили вопросы внутрипартийной работы (прием в партию, воспитание молодых коммунистов, укрепление парторганизаций). Материалы публиковались под рубрикой «В ленинских рядах», «В рядах партии» [Романов 1969: 44].

В соответствии с решением II Пленума Калмыцкого обкома ВКП(б) в ноябре 1926 г. стало выходить на калмыцком языке приложение к газете «Красная степь» под названием «Тангчин зянг» («Областные известия»). В июне 1927 г. V Пленум Калмыцкого обкома ВКП(б) признал целесообразным укрупнение газеты на калмыцком языке «Тангчин зянг» с расчетом, чтобы к 1 января 1928 г. она стала основной газетой, а «Красная степь» — приложением [Очерки истории 1980: 121].

В 1927 г. агитационно-пропагандистским отделом Калмыцкого обкома партии недолго издавался и журнал «За работой». На его страницах освещались вопросы партийной жизни, развития экономики, культуры и просвещения Калмыцкой автономной области.

Важную роль в идеологической работе выполняли журналы «Калмыцкая степь» — орган Калмыцкого обкома ВКП(б), облисполкома и облпрофсовета (1927–1929 гг.), «Калмыцкая область» — орган плановой комиссии Калмыцкого облисполкома (1925–1927 гг.), «Мана келн» («Родное слово») — ежемесячный литературно-художественный журнал — орган Калмыцкой ассоциации пролетарских писателей (КАПП). По мнению Т. Ю. Красовицкой, «средства массовой информации настраивали значительные контингенты людей на восприятие партийных установок» [Красовицкая 2014: 216]. Учитывая потребности населения области, Калмыцкий обком ВКП(б) и облисполком начали выпуск молодежной газеты «Теегин герл» («Свет в степи»), первый номер которой вышел 4 января 1929 г. В декабре 1929 г. «Теегин герл» была переименована в газету «Улан бахчуд» (1929–1941). С 1 августа 1930 г. начала выходить газета «Ленинский путь» (1930–1941).

Издание газет и журналов на калмыцком и русском языках укрепляло связи партии с трудящимися, облегчало проведение в жизнь политики Коммунистической партии. Печать использовалась партией и её партийными организациями как политическое орудие в мобилизации и просвещении трудящихся. Как писал профессор К. Н. Максимов, «печатные издания преподносились партийными органами как обретение калмыцким народом голоса, как значительный шаг в его культурном развитии» [Максимов 2002: 281].

Как свидетельствуют архивные источники, к середине 1930-х гг. в республике издавалось 4 республиканские газеты, 7 улусных, 7 политотдельских газет. В отчете обкома партии в ЦК ВКП(б) в 1936 г. отмечалось, что «очень плохо обстояло дело с кадрами газетных работников. Нет редакторов в 3-х улусных и 4 политотдельских газетах. Для подготовки работников редакции улусных газет проводились месячные курсы на 10 чел., 2 республиканских совещания редакторов газет. Содержание газет продолжает оставаться на низком уровне. Большинство улусных и политотдельских газет выпускается с большим количеством грамматических ошибок, а также имеют место и грубые политические ошибки» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 249. Л. 53].

Бюро обкома ВКП(б) неоднократно на своих заседаниях обсуждало вопросы деятельности республиканских и улусных газет, укрепляло их опытными журналистами. Если раньше на 2 газеты органа Калмыцкого обкома ВКП(б) — «Ленинский путь» и «Улан Хальмг» — был один редактор, то в конце 1937 г. были организованы самостоятельные редакционные коллегии газет «Ленинский путь», «Улан хальмг» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 6. Л. 90].

В 1939 г. в республике было организовано еще 6 новых улусных газет. Всего издавалось 4 республиканские, 13 улусных газет и 6 газет политотделов. Было проведено 5 областных совещаний редакторов республиканских, улусных и газет политотделов. На бюро обкома заслушивались отчеты редакторов 4 улусных газет и 1 газеты политотдела. Кроме этого, на бюро обкома партии 21 раз обсуждались отдельные вопросы работы газет, 15 раз — вопросы издательства. Было проведено республиканское совещание рабселькоров [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 342. Л. 21].

В отчетном докладе секретаря обкома ВКП(б) на XVII Областной партийной конференции (1940 г.) отмечалось, что «республиканские и улусные газеты значительно лучше стали работать. Содержательней освещались материалы партийной жизни, улучшилась борьба за успешное решение задач, стоящих перед республикой. Малодербетовская улусная газета „Большевик“ в 1939 г. за свою хорошую работу была представлена на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и занесена в книгу Почета. 5 газетных работников в 1939 г. прошли практику при редакции газеты „Сталинградская правда“» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 342. Л. 21].

В этот период выделяется своеобразный тип изданий — буквари-газеты, журналы-учебники. Их выпуск стал одной из наиболее приемлемых форм в работе по просвещению населения. Ученые Б. Б. Дякиева и К. Н. Максимов писали, что «в то время, когда в школах не было достаточного количества специальных учебников, наглядных пособий, литературы на родном языке, эти небольшие издания стали значительным подспорьем» [Дякиева, Максимов 2009: 533]. Из газет и журналов, начиная с 1924 г., профсоюз работников просвещения Калмыкии выписывал только «Работника просвещения» и «На путях новой школы» [Сартикова 2014: 25]. В то же время не следует преувеличивать роль периодической печати, потому что в стране, как справедливо указывал исследователь Л. А. Обухов, «где большая часть населения являлась неграмотной, огромную роль играла устная агитация» [Обухов 2017: 25]. Однако в годы первой пятилетки (1928–1932) и в особенности в ходе культштурма периодическая печать получила широкое развитие. Это позволило поднять уровень элементарной культуры взрослого населения [Сартикова 1995: 22].

Процесс становления и развития партийно-советской печати в Калмыкии в 20–30-е гг. XX в. был сложным. Отсутствие подготовленных кадров, технические трудности, слабая типографская база затрудняли работу по развитию партийно-советской печати. Но следует отметить, что в целом газеты и журналы способствовали развитию культуры и просвещения в Калмыкии, становлению национальной литературы и искусства.

Таким образом, как показывает анализ использованных источников, Калмыцкая партийная организация уделяла серьезное внимание развитию средств

массовой информации. Вопросы развития печати и издательского дела регулярно рассматривались на партийных конференциях, пленумах и заседаниях бюро Калмыцкого обкома партии. Бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) укрепляло республиканские и улусные газеты и журналы опытными журналистами. В издаваемых книгах и брошюрах обобщался опыт политической, организационной и идеологической деятельности партийных организаций. Газеты и журналы не только несли передовую культуру, но и вовлекали трудящихся в «строительство новой жизни», укрепляли дружбу калмыцкого народа с русским и другими народами. «Не отрицая положительного значения периодических изданий в жизни калмыцкого народа, все же следует заметить, что на самом деле они являлись идеологическим, пропагандистским оружием партии» [Максимов 2002: 281], а «расчет высшего партийного руководства был направлен на создание абсолютно послушной и управляемой страны» [Красовицкая 2014: 217].

Источники и литература

- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- Бадмаев 1992 — *Бадмаев А. В.* Ойратское «ясное письмо» и его создатель // Известия Калмыкии. 1992. 1 сентября.
- Дякиева 2017 — *Дякиева Б. Б.* Историография печати Калмыкии: этапы и особенности изучения // Вестник Калмыцкого государственного университета. 2017. № 36 (4). С. 12–17.
- Дякиева, Максимов 2009 — *Дякиева Б. Б., Максимов К. Н.* Печать // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 528–538.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. Т. 3. 752 с.
- Красовицкая 2014 — *Красовицкая Т. Ю.* Партия советских коммунистов. Гл. 2. // История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 204–235.
- Майоров 1967 — *Майоров Б. Г.* Печать Калмыкии к X годовщине Октября. Астрахань: Обл. изд-во, 1967. 34 с.
- Майоров 1971 — *Майоров Б. Г.* Великая перемена. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 72 с.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Маслов 1962 — *Маслов А. Г.* Страницы былого. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1962. 156 с.
- Обухов 2017 — *Обухов Л. А.* Периодическая печать как источник по истории революции 1927 года // Вестник Пермского университета. Серия История. 2017. № 2 (37). С. 17–26.
- Очерки истории 1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Очерки истории 1980 — Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 451 с.
- Романов 1969 — *Романов А. С.* Газета «Калмыцкая степь» (Из истории развития партийно-советской печати Калмыкии) // Вестник института. Серия историко-партийная. Элиста: КНИИ ЯЛИ, 1969. № 4. С. 35–46.
- Романов 1971 — *Романов А. С.* Печать Калмыкии 20-х годов: Очерк. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 196 с.
- Романов 1973 — *Романов А. С.* Роль партийно-советской печати Калмыкии в борь-

- бе за защиту Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства (1918–1929 гг.): автореф. дис. ... канд ист. наук. Ростов н/Д, 1973. 21 с.
- Санджиева 1985 — *Санджиева Б. Б.* Роль местной партийно-советской печати в осуществлении культурной революции в Калмыкии (1926–1932): дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1985. 229 с.
- Сартикова 1995 — *Сартикова Е. В.* Роль народного образования в создании условий преодоления культурной отсталости калмыцкого народа (с начала XX в. до Второй мировой войны): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 25 с.
- Сартикова 2008 — *Сартикова Е. В.* Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2008. 407 с.
- Сартикова 2014 — *Сартикова Е. В.* Становление и развитие профсоюза работников просвещения в Калмыкии: 1921–1928 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 1. С. 23–26.
- Стоянов 2009 — *Стоянов В. А.* Развитие печати Калмыкии в XX веке. Элиста: ЗАОр «АПП „Джангар“», 2009. 413 с.

References and Sources

- National Archive of the Republic of Kalmykia. (In Russ.)
- Badmaev A. V. Oirat ‘Clear Script’ and its creator. *Izvestiya Kalmykii*. 1992, September 1. (In Russ.)
- Chugaev D. A. (ed.) *Kalmyk ASSR: Historical Essays. Socialist Era.* Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)
- Dyakieva B. B. The history of the newspaper printing in Kalmykia: periods of time and features of study. *Bulletin of Kalmyk University*. 2017. No. 36 (4). Pp. 12–17. (In Russ.)
- Dyakieva B. B., Maksimov K. N. Print media. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: Since Earliest Times to the Present Days. Vol. 3.* Elista: Gerel, 2009. Pp. 528–538. (In Russ.)
- Gorodovikov B. B. (ed.) *Kalmyk Organization of the CPSU: Historical Essays.* A. Naberukhin, B. Gorodovikov et al. Elista: Kalmyk Book Publ., 1980. 451 p. (In Russ.)
- Krasovitskaya T. Yu. The Party of Soviet Communists (Chapter 2). In: Bezborodov A. V., Yeliseeva N. V. (eds.) *Communist Party of the Soviet Union: A History.* Moscow: ROSSPEN, 2014. Pp. 204–235. (In Russ.)
- Maksimov K. N. *Kalmykia in Russia’s Past and Present National Policies and Administrative System: 17th to 20th Centuries.* Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: Since Earliest Times to the Present Days. Vol. 3.* Elista: Gerel, 2009. 752 p. (In Russ.)
- Maslov A. G. *Pages of the Past.* Elista: Kalmyk Book Publ., 1962. 156 p. (In Russ.)
- Mayorov B. G. *Print Media of Kalmykia: Celebrating the 10th Anniversary of the Great October.* Astrakhan: Astrakhan Oblast Publ. House, 1927. 34 p. (In Russ.)
- Mayorov B. G. *The Great Transformation.* Elista: Kalmyk Book Publ., 1971. 72 p. (In Russ.)
- Obukhov L. A. Periodicals as a source on the history of the 1917. *Perm University Herald. History*. 2017. No. 2 (37). Pp. 17–26. (In Russ.) DOI: 10.17072/2219-3111-2017-2-17-26
- Romanov A. S. *Kalmykia’s print media in the 1920s: An Essay.* Elista: Kalmyk Book Publ., 1971. 196 p. (In Russ.)
- Romanov A. S. *Kalmytskaya step* newspaper: historical development of Kalmykia’s party-Soviet print media. In: Newsletter of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Ser.: History of the Communist Party. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1969. Vol. 4. Pp. 35–46. (In Russ.)
- Romanov A. S. *Struggling for the Soviets, Revival and Development of National Economy:*

- The Role of Kalmykia's Party-Soviet Print Media, 1918–1929. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Rostov-on-Don, 1973. 21 p. (In Russ.)
- Sandzhieva B. B. Cultural Revolution in Kalmykia, 1926–1932: The Role of Local Party-Soviet Print Media. Cand.Sc. (history) thesis. Leningrad, 1985. 229 p. (In Russ.)
- Sartikova E. V. Development of Kalmykia's School Education System: 20th Century. Elista: Dzhangar, 2008. 407 p. (In Russ.)
- Sartikova E. V. Establishing Conditions to Overcome the Kalmyk People's Cultural Backwardness (Early 20th Century to WWII): The Role of Public Education. Cand.Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 1995. 25 p. (In Russ.)
- Sartikova E. V. Formation and development of Trade Union of Workers of Education in Kalmykia: 1920- 1928. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 1. Pp. 23–26. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2014-15-1-23-26
- Stoyanov V. A. Development of Kalmykia's Print Media: 20th Century. Elista: Dzhangar, 2009. 413 p. (In Russ.)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572+294.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-764-777

**«Люди ехали и верили: город будет!».
К истории становления Элисты как города
в 1928–1930 годах**

*Алтана Марковна Лиджиева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант, младший научный сотрудник

 0000-0003-3932-0354. E-mail: kulminova@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Лиджиева А. М., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена начальному периоду истории Элисты как города. Впервые делается попытка сравнения антропологических параметров городского пространства на первоначальном этапе истории города и в настоящее время. *Цель* статьи — рассмотреть первый, ключевой, этап становления и развития Элисты как центра Калмыцкой Автономной области. Основным *материалом* для анализа послужили документы Национального архива Республики Калмыкия. *Методы.* Исследование проводилось с использованием исторического и структурно-функционального метода. *Результаты и выводы.* Автор приходит к выводу о том, что сохранение старых зданий до настоящего времени является репрезентацией собственной локальной памяти города. Показано, что важную роль в подобной репрезентации сыграла сохранность исторической архитектуры.

Ключевые слова: история, областной центр, Элиста, коллективная память, город, городское пространство, социальная память

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Лиджиева А. М. «Люди ехали и верили: город будет!». К истории становления Элисты как города в 1928–1930 годах // Монголоведение. 2020. № 4. С. 764–777. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-764-777

UDC 572 + 294.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-764-777

‘People Would Set out Completely Convinced: There Will Be a City!’: History of Transforming Elista into a City (1928–1930) Revisited

*Altana M. Lidzhieva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Postgraduate Student, Junior Research Associate

 0000-0003-3932-0354. E-mail: kulminova@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Lidzhieva A. M., 2020

Abstract. *Introduction.* The article deals with the early history of Elista as a city, and makes a first attempt to anthropologically compare urban space at the initial stage of the city’s history to its current conditions. *Goals.* The paper examines the first and key stage in the formation and development of Elista as center of Kalmyk Autonomous Oblast. *Materials.* The bulk of analyzed sources are documents contained in the National Archive of the Republic of Kalmykia. *Results.* The work concludes that the preservation of old buildings to date is a representation of the city’s local memory. As is shown, the preservation of historical architecture proved crucial to such a representation.

Keywords: history, regional center, Elista, collective memory, city, urban space, social memory, identity

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies in Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Lidzhieva A. M. *‘People Would Set out Completely Convinced: There Will Be a City!’: History of Transforming Elista into a City (1928–1930) Revisited.* *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. No. 4. Pp. 764–777. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-764-777

Введение¹

В истории Элисты как города в значительной степени отразились события социалистических преобразований в период Советской власти. Политические и общественные реформы 20–30-х гг. XX в. вносили крупные перемены в различные сферы повседневной жизни, идеологической борьбы и этничности, где каждый народ самоопределял себя в рамках новой единой национальной территории. Мартина Лёв, рассуждая о структуре собственной логики городов и их различий, отмечала, что «собственная логика каждого города не всегда объясняется только историей» [*Собственная логика* 2019: 45]. Изучение пространства, как справедливо замечает Ю. П. Шабаев, «неизбежно требует обращения к широкому культурному контексту, включая историю города и этнокультурную динамику территориального сообщества, с которым город непосредственно связан административными и иными отношениями» [*Антропология города* 2013: 12].

¹ В названии статьи использована цитата из [Ерымовский 1960: 19].

Этот подход мы и выберем в роли элемента изучения, который, как мы надеемся, позволит приблизиться к «пониманию города» в тех трансформационных процессах, в которых живет современная городская культура сегодня. На сегодняшний день существуют лишь единичные научные работы, где так или иначе затрагиваются интересующие нас вопросы. Большинство исследований, посвященных Элисте, показывают вектор развития и становления города с позиций истории, ее диахронных и синхронных срезов, как, например, в работах И. С. Немичева [Немичев 1965; Немичев 1970; Немичев 1975; Немичев 1981].

Большое внимание образованию калмыцкой столицы в период социалистического строительства уделено в «Очерках истории Калмыцкой АССР» [Очерки истории 1970].

В краеведческих заметках И. В. Борисенко охарактеризовано хозяйственное освоение отдельных территорий города и села [Борисенко 1990]. Значимым вкладом в изучение города Элисты с позиций архитектуры стала монография Д. Б. Пюрвеева [Пюрвеев 1975]. В книге проанализированы этапы развития архитектуры Калмыкии, изменения за годы советской власти, когда калмыки полностью перешли на оседлый образ жизни.

В работе Э. П. Бакаевой и Ю. И. Сангаджиева исследуются проблемы закономерностей и способов перехода от традиционного кочевого жилища к стационарному и этнических приоритетов в калмыцкой национальной архитектуре [Бакаева, Сангаджиев 2005]. В ряде научных статей Э.-Б. М. Гучиновой была дана характеристика конструируемого имиджа, рассматривались национальные символы в пространстве города [Гучинова 2011; Гучинова 2013].

Постановка задачи

Автор ставит своей целью рассмотреть первый, ключевой, этап становления и развития Элисты как центра Калмыцкой автономной области.

Основная часть

В съезд Советов Калмыкии в 1925 г. принял решение перенести областной центр из Астрахани в Элисту, расположенную в районе наибольшего сосредоточения калмыцкого населения [Очерки истории 1970: 145]. Известно, что согласно «Декларации прав трудового калмыцкого народа», принятой I Общекалмыцким съездом Советов (2–9.07.1920), провозглашалось образование общенародной административно-хозяйственной Автономной области калмыцкого трудового народа в составе РСФСР [НА РК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 925. Л. 351]. Изначально центральные калмыцкие учреждения находились в Астрахани, что продолжало дореволюционную традицию в XIX – начале XX в., когда аппарат управления калмыцким народом располагался в указанном губернском центре. В дореволюционный период власти использовали Астрахань как форпост для распространения своего «цивилизованного» влияния на «отсталых» кочевников: посылали в степь православных миссионеров, создавали школы для инородцев и др. В первые годы советской власти здесь готовили кадры партийных и советских служащих. Здесь выпускались первые газеты, журналы и книги. Астрахань была крупным центром рыбной промышленности, и сюда еще с дореволюционных времен из улусов стекались бедные калмыки на рыбные и соляные промыслы: «темно-бронзовые сыны степей шли на любую тяжелую работу — лямочниками, соленосами, гребцами. С угрюмыми лица-

ми, без песен, привычных русскому слуху, исполняли они свой неблагодарный труд» [Ерымовский 1960: 19].

Однако, по мнению делегатов V съезда Советов, поволжский город был слишком удален от большей части улусов, находился вне территории Калмыцкой автономной области и поэтому не мог быть ни административным центром, ни тем более центром развития экономики и культуры. Необходимо было создать новое общественное пространство, которое бы, по представлениям политической элиты Калмыкии советского периода, носило не символический, а национальный характер и могло отвечать новым вкусам социалистического строительства. Как отмечает И. С. Немичев, «Еще I общекалмыцкий съезд Советов в 1920 году дал наказ областному исполнительному комитету перевести центр автономии из Астрахани в Элисту» [Немичев 1965: 20–21]. Но проблемы социально-политической ситуации, критическая нехватка финансовых средств не давали возможности предпринять в те годы фактические шаги. Для пока еще неформализованной Элисты в форме населенного пункта власти принимают конкретные решения лишь во второй половине 1920-х гг.

29 апреля 1926 г. ВЦИК утвердил решение съезда и дал указание СНК РСФСР оказать Калмыцкому облисполкому необходимую помощь в строительстве нового города. 6 мая 1927 г. СНК РСФСР принял постановление о перенесении центра Калмыцкой автономной области из Астрахани в Элисту, считая первым годом строительства 1927 год [НА РК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 925. Л. 351].

Идея строительства новой столицы была принята калмыцким населением с огромным воодушевлением. На калмыцком и русском языках было распространено обращение с призывом принять «деятельное участие» в строительстве, создавались комитеты по сбору добровольных пожертвований. Вокруг элистинского строительства была развернута пропагандистская кампания. В ней использовались основные положения, выдвинутые еще 6 мая 1927 г. на заседании СНК РСФСР в горячей речи председателя Калмыцкого облисполкома Эрдни-Ара Кекеева. Он заявил, что вопрос о городе в Калмыкии упирается в будущее Калмыцкой области, что нельзя ждать три-четыре года, пока произойдет общий экономический подъем Калмыкии, пока будут проведены железные дороги, что следует «не ждать, а самим помогать этому подъему» [НА РК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 925. Л. 354].

Как будет выглядеть пространство будущего города, решали ведущие архитекторы страны: Б. А. Коршунов, Б. М. Великовский, И. А. Голосов и др. В формировании архитектуры Элисты принимали активное участие представители Объединения архитекторов-конструктивистов — ОСА, возникшего в 1925 г.² в Москве и возглавлявшегося Б. А. Коршуновым [Пюрвеев 1975: 107–110].

24 мая 1927 г. Б. А. Коршунов выступает на президиуме Калмыцкого облисполкома с предварительными проработками и предложениями развития будущего города. Проектом планировки предлагалось разделить строительство на очереди в 5, 10 лет с зонами: промышленная, жилая, общественная, которые составлялись в соответствии с генпланом. По этому же проекту застройку

² В 1927 г. Объединение современных архитекторов (ОСА) было переименовано во Всероссийское объединение современных архитекторов (РОСА), но по-прежнему называлось ОСА [Хан-Магомедов 1996: 402].

Элисты вводили в три очереди: 1-я очередь — 1928–1932 гг., 2-я очередь — 1932–1937 гг. и 3-я очередь — 1937–1952 гг. Расчетное количество населения города намечалось 10 тыс. человек [Пюрвеев 1975: 97].

Из этой перспективы исходили все последующие расчеты под жилье, общественные нужды. Новое мышление команды архитекторов в 1927–1930 гг. в действительности формировало новый облик города, где в значительной степени отражались идеи конструктивизма. Весьма важным, следуя логике подхода микроурбанизма, представляется и тот факт, что за основу при составлении генерального плана Элисты был взят эскизный набросок Б. Г. Джиринтеева, этнического калмыка, который вместе с инженером К. К. Клоссовским осуществил предварительную топосъемку территории под застройку. Особенность этого микрособытия, на наш взгляд, состоит в том, что при планировке и строительстве учитывались «особенности культуры как способа структурирования пространства» [Зукин 2018]. В этом смысле наглядным примером могут являться споры касательно места расположения будущего города.

Архивные источники сохранили сведения о дискуссии по этому вопросу. Так, одна часть калмыцких делегатов V съезда считала, что город должен находиться где-то недалеко от Волги, чтобы не уходить далеко в степь. В западной части области, говорили, нет дорог, нет перспективы для развития города. Другие считали, что город должен быть в самой глубине степи, в ее географическом центре: как раз в восточных районах, где преобладают пески, солончаки, отсутствует вода и сенокосы, нет перспектив не только для роста города, но и для развития хозяйства, и совершенно другое значение для области имеют западные районы, район села Элисты — в этих районах сконцентрировано 2/3 калмыцкого населения, 78 % скота — основного богатства области; посевная площадь сосредоточена в западных районах [НА РК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 925. Л. 351].

Существовала и третья точка зрения — перенести город в село Башанту. Вероятней всего, предложение было связано с тем, что село Башанта, образованное в 40-х г. XIX в. как ставка Большедербетовского улуса, после Октябрьской революции было перспективным, с точки зрения развития, районным центром.

Из трех вариантов был выбран второй, и столицу решено было учредить в центре степи. В решении о выборе места будущего города ключевым критерием стал территориальный фактор. Делегаты, принимавшие участие в решении данного вопроса, также посчитали, что районы Элисты были пригодны к обработке земли и являлись одним из центров скотоводства — основного хозяйства калмыков. Благоприятные условия существующего села должны были поспособствовать быстрому росту нового города.

Обосновывая перспективу развития столицы, Б. А. Коршунов указывал, что первоначальный толчок росту города даст объединение в одних границах будущего города и села Элисты, затем скажется то обстоятельство, что Элиста находится на пересечении трех магистралей — на Ставрополь, Астрахань, Волгоград, что обеспечит возможность проведения железных дорог [Немичев 1965]. При сборе материалов мы встречали упоминания об имеющемся проекте проведения железных дорог [НА РК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1073. Л. 163], но более подробных сведений источники не указали. Остается лишь признать, что замысел архитектора так и остался нереализованным.

По решению облисполкома в новой столице Калмыкии в первую очередь строились здания для административных органов: «*Мы, ответработники калмыки, готовы и вынуждены будем перейти и работать даже в кибитках, лишь бы построить помещения для аппарата и самых необходимых сотрудников*» [НА РК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 925. Л. 351].

Стоит отметить, что в первые годы строительства ввиду нехватки стационарных административных зданий, клубов, школ власти обращались к кибиткам. Кибитки (калм. *гер*) разрешали проблему острой нужды в производственных помещениях. Здесь мы видим еще одно проявление универсальности традиционного жилища. Таким же образом известные в истории Калмыкии «красные кибитки» «использовались под клубы, школы и другие общественные учреждения» [Пюрвеев 1975: 105–106]. Таким образом, кибитка в переходное время служила помещением для организаций до постройки общественных зданий, что, в свою очередь, свидетельствует о ее многофункциональности и иллюстрирует обращение к традиционным формам в новых городских условиях жизни.

Фото 1. Калмыцкая кибитка. 1928 г.

[Photo 1. Kalmyk yurt. 1928]

Для подготовки местных кадров рабочих были созданы курсы, на которых обучали строительным профессиям. Среди окончивших эти курсы были А. Садовников, И. Букагин, С. Комбиров и др.

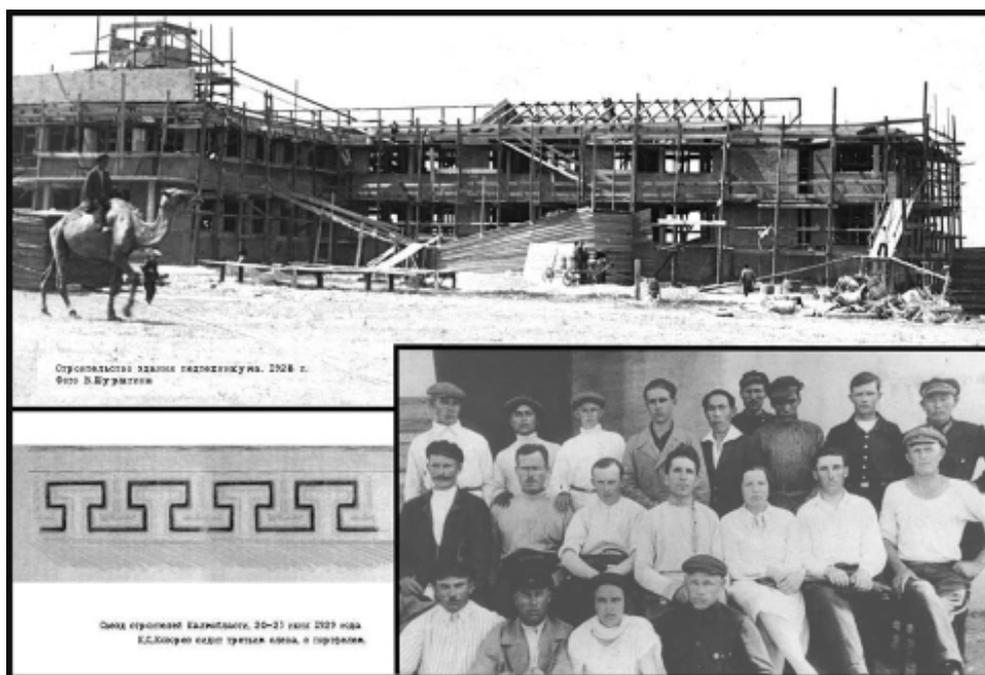
Многих строителей и инженеров направляли на строительство Элисты партийные власти г. Астрахани. Так, молодожены Козорез были направлены в Элисту в 1929 г. Братья Харченко прибыли из Ростовской области, А. Кибало и братья Логвиненко — из Украины; И. Скляр — из Воронежа. Большую помощь кадрами, стройматериалами, продовольствием оказывали Нижне-Волжский край, затем Сталинградский край³, в состав которых Калмыцкая область входила в 1928–1935 гг. [Степное чудо 2015: 38].

³ Постановлением ВЦИК от 10 января 1934 г. Нижневолжский край был разделен на Сталинградский и Саратовский края [История административно-территориального 2012: 7].

Строители города Элисты. Фото В.Шурыгина. 1927-30 гг.

Фото 2. Строители города Элисты. Конец 1930-х гг. Фото В. Шурыгина.
[Photo 2. Builders of Elista City. Late 1930s. Photo by V. Shurygin]

Строительство здания педтехникума. 1930 г.
Фото В.Шурыгина

Съезд строителей Калмыцкой обл. 20-23 июня 1929 года
К.С.Калмыков сидит третьим слева, в первом ряду.

Фото 2. Строители города Элисты. Конец 1930-х гг. Фото В. Шурыгина.
[Photo 2. Builders of Elista City. Late 1930s. Photo by V. Shurygin]

Фото 3. Вверху: Строительство здания педтехникума. 1930 г.
Справа: участники Съезда строителей Калмообласти. 20–23 июня 1929 г.
Фото В. Шурыгина

[Photo 3. At the top: Construction site of Teachers College. 1930.
On the right: participants to Congress of Kalmyk Oblast's Builders.
June 20–23, 1929.
Photo by V. Shurygin]

Строительство носило сезонный характер. «На зиму строительство замирало, с весны вновь все приходило в движение: приезжали рабочие, ставили кибитки и курени, начинали расти здания» [Немичев 1970: 25].

Жилые и общественные сооружения возводились не выше двух-трех этажей с расчетом, чтобы их высота не превышала крон окружающих деревьев, укрывающих от знойного солнца [Пюрвеев 1975: 92]. Наличие в районе Элисты сырья для производства некоторых строительных материалов сокращало поставки стройматериалов заказных. На месте было организовано производство стеновых материалов, таких как камышебетон, кирпич «рекс», красный кирпич. Кирпич изготовляли на старом заводе, который находился на западной окраине Элисты [Пюрвеев 1975: 98]. Для производства кирпича «рекс» и камышебетона в юго-восточной части города был построен новый завод на территории совхоза «Элистинский» (ныне помещение строительного магазина по ул. Ленина, 91А). Здания строили на глиняном растворе, так как весь цемент шел на формирование «рекса».

Можно сделать вывод, что уже на первом этапе развития в связи с массовым строительством в городе развивалась промышленность как один из способствовавших градообразованию факторов. К концу 1927 г. было возведено пять жилых домов, первые три из которых построили высотой в один этаж, остальные — в два этажа (ныне эти здания разрушены), автогараж (на его месте ныне стоит корпус № 1 гостиницы «Элиста»). Кроме того, в краткие сроки были построены амбулатория (сгорела во время войны, на ее месте построен роддом по ул. Ленина, ныне — перинатальный центр), педтехникум (разрушен во время войны, на его месте сегодня расположено центральное отделение «Почты России» по ул. Сусеева), — строительство этих зданий было завершено в 1928 г. [Немичев 1965: 23].

Начиная с лета 1927 г. в Элисту переезжают отделы облисполкома. В 1928 г. переехали остальные отделы, органы управления и редакции газет. По этому поводу в последнем астраханском номере газеты «Красная степь» был опубликован придуманный редакцией юмористический шарж: «работники областного исполкома, взгромоздив на плечи свое здание и держа за повод верблюда, шагали по пескам и вскоре распрощались с Астраханью» [Ерымовский 1960: 16].

После переезда в Элисту областных учреждений строительство города значительно активизировалось. В 1929–1930 гг. были построены типография, общежитие педтехникума, школа-десятилетка (взорвана фашистскими оккупантами в 1942 г.), госбанк, почта, пожарное депо, жилые дома [Элиста 1965: 24].

Центр автономии рос, однако официально Элиста продолжала числиться в списке сельских поселений. Калмыцкий облисполком настойчиво ходатайствовал о преобразовании Элисты в город. 10 марта 1930 г. Президиум ВЦИК принимает постановление «Село Элисту Калмыцкой Автономной области преобразовать в город, объединив его со вновь строящимся городом того же наименования» [НА РК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1339. Л. 56].

Что не изменилось с 1930-х гг., так это наше понимание впечатлений, обр-ности, следа или отражения, оставляемых в сознании человека предмета-ми и явлениями внешнего мира. Многие известные писатели, посетившие в те

годы Элисту, искали и видели в ней экзотику. Константин Ерымовский, бывший в те годы журналистом газеты «Улан теег» («Красная степь»), вспоминал, какой видел столицу Калмыкии летом 1927 г.: «В степную столицу переезжали сотни людей, учреждения, склады», «перед нами расстилалась степь, но уже обжитая — с ровной дорогой, частыми путниками и автомашинами. На одном из бугров одиноко и гордо возвышалось огромное белое здание. Вблизи раскинулись несколько темных кибиток. А прямо перед нами открытый автомобильный гараж с примкнувшими к нему строениями <...> К механическим машинам у кочевников сразу возникло чувство доверия. Они складывали о них песни, восхваляли их силу и даже „масть“. Животные, которые прежде боялись шума двигателя, впоследствии спокойно отходили в сторону, вдыхая запах бензина...» [Ерымовский 1960: 37].

Фото 4. Элиста. 1932 г.

[Photo 4. Elista. 1932]

Облик начинающегося складываться города был характерен своей яркой индивидуальностью и единством. В 1935 г. Калмыцкая автономная область была образована в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику, а Элиста стала столицей Калмыцкой АССР.

С момента переезда областных учреждений фактически начал формироваться городской ландшафт (общественные здания, жилые дома), который в настоящее время воплощается как материальные «места памяти». Понятие «места памяти» введено в научный оборот исследователем Пьером Нора. Одним из главных аспектов в концепции французского историка было то, что термин «места памяти» не всегда подразумевает только географическое наполнение. В ряде работ ученый исследовал символические особенности национального французского флага, государственного гимна Франции «Марсельеза», библиотеки, архивов, а где-то и известного во всем мире французского «Каберне Совиньон». «Места памяти» П. Нора определяет «как места, на которых складывается память» [Нора 1999: 35–38]. Концептуальность данного смысла опреде-

ляет его применимость и к особенностям современного городского ландшафте Элисты. Так, многие места и пространства в Элисте, которые сегодня считаются культурными объектами и городскими достопримечательностями, обрели этот статус не сразу. Некоторые из них, например краеведческий музей (1931 г., здание поныне стоит в г. Элисте в пер. Театральном⁴), изначально являлись культурным пространством. Об этом и сегодня говорит число посетителей музея, многие из которых оставили в книге записей свои отзывы, советы, пожелания, которые помогали сотрудникам музея улучшить его работу.

Другие объекты, как, например, Дом Советов, были построены в качестве репрезентации централизованной власти. Пространство центра Элисты акцентировалось зданием Дома Советов. Проект Дома Советов, разработанный архитектором И. А. Голосовым (в соавторстве с архитектором Б. Миттельманом и инженером С. Прохоровым), был представлен для участия в московском конкурсе «на проекты Домов Советов». Разработка проектов началась в середине 1920-х гг., как отмечает С. Хан-Магомедов, когда в республиках и областях развернулось строительство зданий для новых органов народной власти [Хан-Магомедов 1986: 41].

Фото 5. Дом Советов. Общий вид
[Photo 5. House of Soviets. Main view]

И. А. Голосов проектировал здания не только в Элисте, но и в других городах. Так, сохранившиеся до настоящего времени Дом Советов в Хабаровске (1928), Краевой Дом Советов в Ростове-на-Дону (1935) и др. также могут рассматриваться в качестве репрезентации централизованной власти, поскольку были созданы для размещения партийных и советских органов. Архитектор И. А. Голосов творил в стиле конструктивизма — авангардного направления искусства того периода, главными отличительными особенностями которого

⁴ Калмыцкий республиканский краеведческий музей ныне называется Национальный музей Республики Калмыкия имени Н. Н. Пальмова, новое здание музея построено в г. Элисте по ул. Джангара.

являлись строгость форм, отражающих конструктивное решение, а также геометризм и монолитность форм. Конструктивисты главное внимание уделяли функциональному значению здания, которое должно было определить его конструкцию. Не стал исключением и Дом Советов в Элисте.

Здание Дома Советов выделено в окружающей застройке. Архитектурная композиция здания замкнутая. Как отмечает Д. Б. Пюрвеев, «композиция наиболее соответствовала местным климатическим условиям: П-образное в плане расположение трехэтажных корпусов способствовало затемнению дворового пространства» [Пюрвеев 1975: 110].

В проекте Дома Советов И. А. Голосов реализовал замысел генерального плана Элисты — связал главные магистрали города, организовав административную площадь с памятником В. И. Ленину в центре. Как пишет С. Хан-Магомедов, «Дом правительства определил облик центра Элисты» [Хан-Магомедов 1986: 31]. Несмотря на то, что в послевоенный период в процессе восстановления разрушенного здания оно было в незначительной степени изменено, а в конце 1980-х гг. фасадная часть облицована розовым туфом, здание Дома Советов (ныне первый корпус Калмыцкого госуниверситета им. Б. Б. Городовикова) по-прежнему является одним из коммеморативных мест, константой, сохраняющей визуальное прошлое города.

Фото 6. Элиста. Площадь Ленина.

В глубине — здание первого корпуса Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (в прошлом Дома Советов). 2009 г. Фото Н. Бошева [Photo 6. Elista. Lenin Square.

At the back – Headquarters building of the Gorodovikov Kalmyk State University's (former House of Soviets). 2009. Foto by N. Boshev]

Визуальные проявления локальной памяти отражаются и в других районах города. Примером может служить расположенное по ул. Ленина к западу от

центра города здание, известное среди горожан как Красная школа. Из истории города известно, что здание было построено в 1907 г. на общественные средства как улусная школа-интернат для мальчиков. Строилось оно из красного кирпича, эта примета закрепились в названии. Красная школа состояла из двух классных комнат, одного зала, квартиры для учителя и санитарной комнаты. В настоящее время здание сохранилось почти в первоначальном виде.

Для жителей города здание школы — память о первых учителях Калмыкии, символ народного просвещения.

Фото 7. Элиста. Красная школа по улице Ленина, 201а. 2010 г. Фото Н. Бошева
[Photo 7. Red School (201a, Lenin St., Elista). 2010. Foto by N. Boshev]

Заключение

Перевод центра Калмыцкой Автономной области в 1927–1930 гг. в г. Элисту положил начало строительству степного города. На первом, ключевом этапе становления и развития Элисты как города формируется общее городское пространство, строятся общественные здания, которые в настоящее время считаются объектами исторической архитектуры. Сохранение и функционирование сегодня зданий, построенных в 1930-е гг., которые прочно закреплены и отражены в современном городском пространстве, являются иллюстрацией собственной памяти города. Приводимые в работе архивные данные позволяют передать атмосферу повседневной жизни, энтузиазм людей, вдохновленных идеями созидания. Первый этап формирования облика столицы Калмыкии ознаменовал начало создания нового пространства. К концу 1930-х гг. столица Калмыкии — Элиста, строящаяся в самом центре калмыцкой степи, объединила вокруг себя единомышленников и стала местом экономической, политической и культурной жизни Калмыцкой автономной области.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Антропология города 2013 — Антропология города. Вып. 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность / под ред. Ю. П. Шабаева, И. Л. Жеребцова. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 192 с.
- Бакаева, Сангаджиев 2005 — *Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И.* Культура жилища: этнические и современные приоритеты у калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 196 с.
- Борисенко 1990 — *Борисенко И. В.* Времен минувших отражень: краеведческие заметки о Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 175 с.
- Гучинова 2011 — *Гучинова Э.-Б. М.* Встречный ориентализм // Антропология социальных перемен. Исследования по социально-культурной антропологии: сб. ст. / отв. ред. Э.-Б. Гучинова, Г. А. Комарова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 464–480.
- Гучинова 2013 — *Гучинова Э.-Б.М.* Элиста: национальные символы в пространстве города // Антропология города. Вып. 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 43–65.
- Ерымовский 1960 — *Ерымовский К.* Степные были: очерки, рассказы. Элиста: Калмиздат, 1960. 255 с.
- Зукин 2018 — *Зукин Ш.* Культуры городов. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.: ил. (серия *Studia Urbanica*)
- История административно-территориального 2012 — История административно-территориального деления Сталинградского (Нижеволжского) края. 1928–1936 гг.: справочник / сост. Д. В. Буянов, Н. С. Лобчук, С. А. Норицына. Волгоград: Волгоградск. науч. изд-во, 2012. 575 с.
- Немичев 1965 — *Немичев И. С.* Краткий очерк истории Элисты (1865–1943 гг.) // Элиста. 100 лет. Прошлое. Настоящее. Будущее. Элиста: Калмиздат, 1965. С. 3–32.
- Немичев 1970 — *Немичев И. С.* Город Степной (Элиста) и районы Калмыкии в период четвертой и пятой пятилеток (1946–1956 гг.) // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 9. Элиста, 1970. С. 179–219.
- Немичев 1975 — *Немичев И. С.* История города Элисты — столицы Калмыцкой АССР (1928–1970 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 1975. 203 с.: ил.
- Немичев 1981 — *Немичев И. С.* Роль города Элисты в консолидации Калмыцкой АССР // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 121–126.
- Нора 1999 — *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора [и др.]. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Очерки истории 1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР: эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Пюрвеев 1975 — *Пюрвеев Д. Б.* Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975. 183 с.
- Собственная логика 2019 — Собственная логика городов: новые подходы к урбанистике: колл. моногр. / отв. ред. Х. Беркинга и М. Лёв; пер. с нем. К. Левинсон. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 424 с. : ил.
- Степное чудо 2015 — Элиста: 150 лет. В 2 кн. Кн. 1. Степное чудо — Элиста. Элиста: Изд. дом «Герел», 2015. 95 с.
- Хан-Магомедов 1986 — *Хан-Магомедов С. О.* Архитектор Илья Голосов (Пионеры советской архитектуры). М.: Знание, 1986. 62 с.

- Хан-Магомедов 1996 — Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Книга 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996. 709 с.
- Элиста 1965 — Элиста. 100 лет: прошлое, настоящее, будущее. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1965. 127 с.

References

- 100 Years of Elista: Past, Present, Future. Elista: Kalmizdat, 1965. 127 p. (In Russ.)
- Berking H., Löw M. (eds.) *Internal Logic of Cities: New Approaches to Urban Studies*. Joint monograph. K. Levinson (transl.). 3rd ed. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2019. 424 p. (In Russ.)
- Buyanov D. V. et al (comps.) *Stalingrad (Lower Volga) Krai: History of Administrative (Territorial) Division: 1928–1936*. Reference book. Volgograd: Volgograd Science Publ., 2012. 575 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Sangadzhiev Yu. I. *Culture of Dwelling: Ethnic and Contemporary Priorities of Kalmyks*. Elista: Dzhangar, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Borisenko I. V. *Glimpses of the Past: Essays on Kalmykia's History and Lore*. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 175 p. (In Russ.)
- Elista: 150 Years. In 2 vols. Vol. 1: Elista — a Miracle in the Steppe. Elista: Gerel, 2015. 95 p. (In Russ.)
- Erymovsky K. *True Stories of the Steppe: Essays, Short Novels*. Elista: Kalmizdat, 1960. 255 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. Elista: ethnic symbols in urban environment. In: Shabaev Yu. P., Zherebtsov I. L. (eds.) *Anthropology of the City. Vol. 1: Cultural Symbols and Images in Urban Environment. Ethnicity and Urban Identity*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History (Komi Scientific Center of Ural Branch, RAS), 2013. Pp. 43–65. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. *Reciprocal Orientalism*. In: E. B. Guchinova, G. A. Komarova (eds.) *Anthropology of Social Changes: Studies in Sociocultural Anthropology*. Coll. papers. Moscow: ROSSPEN, 2011. Pp. 464–480. (In Russ.)
- Kalmyk ASSR: *Historical Essays. Socialist Era*. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)
- Khan-Magomedov S. O. *Architect Ilya Golosov (Pioneers of Soviet Architecture)*. Moscow: Znanie, 1986. 62 p. (In Russ.)
- Khan-Magomedov S. O. *Soviet Avant-Garde Architecture. Vol. 1: Issues of Structural Morphology. Masters and Trends*. Moscow: Stroyizdat, 1996. 709 p. (In Russ.)
- Nemichev I. S. *Elista — Capital of the Kalmyk ASSR: History of the City, 1928–1970*. Cand.Sc. (history) thesis. Elista, 1975. 203 p. (In Russ.)
- Nemichev I. S. *Elista and its role in the consolidation of the Kalmyk ASSR*. In: *Kalmyk ASSR: Studies in Historical Geography*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 121–126. (In Russ.)
- Nemichev I. S. *Elista: a brief historical essay, 1865–1943*. In: *100 Years of Elista: Past, Present, Future*. Elista: Kalmizdat, 1965. Pp. 3–32. (In Russ.)
- Nemichev I. S. *Stepnoy (Elista) City and Kalmykia's districts during the Fourth and Fifth five-year plans: 1946–1956*. In: *Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History: Scholarly Notes. Vol. 9*. Elista, 1970. Pp. 179–219. (In Russ.)
- Nora P. *Problematique of memory places*. In: P. Nora et al. *France – Memory*. St. Petersburg: St. Petersburg University, 1999. Pp. 17–50. (In Russ.)
- Puurveev D. B. *Architecture of Kalmykia*. Moscow: Stroyizdat, 1975. 183 p. (In Russ.)
- Shabaev Yu. P., Zherebtsov I. L. (eds.) *Anthropology of the City. Vol. 1: Cultural Symbols and Images in Urban Environment. Ethnicity and Urban Identity*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History (Komi Scientific Center of Ural Branch, RAS), 2013. 192 p. (In Russ.)
- Zukin Sh. *Urban Cultures*. 2nd ed. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2018. 424 p. (In Russ.)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 394

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-778-800

У каждого своя Сибирь. Два женских рассказа о депортации калмыков

*Эльза-Баир Мацаковна Гучинова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Гучинова Э.-Б. М., 2020

Аннотация. *Введение.* Предлагаемая публикация представляет собой введение, текст двух биографических интервью и комментарии к тексту. Обе беседы состоялись в Элисте (2004 и 2017 гг.) в рамках исследовательского проекта «У каждого своя Сибирь», который посвящен важному в истории Калмыкии, но еще недостаточно исследованному антропологами и социологами периоду депортации народа в Сибирь (1943–1956 гг.) и памяти об этом. *Цель и задачи* проекта — показать повседневные практики выживания и калмыков в Сибири. *Результаты.* В спонтанном биографическом интервью с упором на годы депортации калмыков важны не только приведенные факты, о которых мы иначе не узнаем, как только из устного повествования, но и рассказанная история внутренней жизни: чувств и мыслей взрослеющих девушек. К тексту спонтанных интервью был применен текстологический анализ и метод де-конструкции текста. Из транскрибированного текста интервью мы видим стратегии выживания женщин, включая инициативность и риск, и сверх-усилия в интеграции юного поколения спецпереселенцев в принимающем обществе. Для многих калмыков того поколения средняя школа была «стеклянным потолком», ограничением в жизненных выборах. В приведенных биографиях показаны гендерные стратегии городской девушки, выросшей в семье образованных родителей, и сельской девушки из простой семьи. В нарративе Р. Ц. Азыдовой мы встречаемся с немислимим сегодня социальным пакетом для студенток КУТВа, имеющих детей, — так работала политика коренизации в СССР, а также много узнаем о повседневных практиках довоенной Элисты. В рассказе Т. С. Качановой особенно четко проявляется «язык травмы», в первую очередь, памятью тела, лексикой смерти и проявлениями смеха. Текст интервью представляет интерес для всех исследователей депортации калмыков и памяти об этом периоде.

Ключевые слова: репрессии, устная история, Сибирь, депортация, калмыки, нарратив, политики памяти, гендер, дискурс

Благодарность. Автор выражает благодарность Раисе Цебековне Азыдовой и Тамаре Семеновне Качановой за понимание и сотрудничество. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов

общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер государственной регистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Два женских рассказа о депортации калмыков // Монголоведение. 2020. № 4. С. 778–800. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-778-800

UDC 394

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-778-800

‘Everyone Has One’s Own Siberia’: Two Female Narratives of the Kalmyk Deportation

*Elza-Bair M. Guchinova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Guchinova E.-B. M., 2020

Abstract. *Introduction.* The proposed publication consists of an introduction, texts of two biographical interviews and comments thereon. Both the conversations took place in Elista (2004, 2017) as part of the research project ‘Everyone Has One’s Own Siberia’ dedicated to the important period in the history of Kalmykia though not yet sufficiently explored by anthropologists and sociologists — the deportation of Kalmyks to Siberia (1943–1956) and related memories. *Goals.* The project seeks to show the daily survival practices of Kalmyks in Siberia. In the spontaneous biographical interviews focusing on the years of Kalmyk deportation, not only the facts cited are important — of which we would otherwise stay unaware but from the oral narratives — but also the introduced stories of inner life: feelings and thoughts of growing girls. *Methods.* The paper involves the use of textual analysis and the method of text deconstruction. *Results.* The transcribed texts show survival and adaptation strategies employed by the young generation of ‘special settlers’ in places of forced residence. For many Kalmyks of that generation, high school was a ‘glass ceiling’, a limitation in life choices. In the narrative of R. Ts. Azydova, we face a today unthinkable social package for KUTV students with children — this illustrates how the *korenization* policy for indigenous populations in the USSR worked, and provides insight into daily practices of pre-war Elista. The story of T. S. Kachanova especially clearly manifests the ‘language of trauma’, first of all, through the memory of the body, vocabulary of death and displays of laughter. The texts of the interviews shall be interesting to all researchers of Kalmyk deportation and the memory of that period.

Keywords: repressions, oral story, Siberia, deportation, Kalmyks, narrative, politics of memory, gender, discourse

Acknowledgements. The author extends gratitude to Raisa Tsebekovna Azydova and Tamara Semenovna Kachanova for understanding and cooperation. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’ (state reg. no. АААА-А19-119011490038-5).

For citation: Guchinova E.-B. M. Everyone Has One’s Own Siberia: Two female narratives on Kalmyks Deportation. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 778–800. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-778-800

Введение

Представленные два женских интервью — часть исследовательского проекта «У каждого своя Сибирь», в котором записываются и публикуются спонтанные рассказы о депортации калмыков, имеющих личный опыт переселения и жизни в статусе спецпереселенцев [Гучинова 2005; Гучинова 2008; Гучинова 2019а; Гучинова 2019б; Гучинова 2019в]. «Устная история возвращает историю людям, — писал Пол Томпсон, — и это история, рассказанная их собственными словами» [Томпсон 2003: 303]. Это особенно важно, потому что история депортации калмыков покидает коммуникативную память в связи с уходом представителей того поколения, и набирающая обороты в социальных сетях постпамять все чаще показывает эту страницу истории народа схематично, в черно-белых тонах. А в рассказах участников мы видим жизнь во всем ее разнообразии — с бедами и радостью, голодом и праздниками.

Калмыки долго не желали вспоминать о депортации. Но когда они заговорили об этом, они по существу перестали быть репрессированными, потому что «угнетенные не могут говорить» [Спивак 2001: 667].

Гендерные линзы придают особое звучание рассказам двух калмыцких женщин, которые совсем юными были депортированы в Сибирь и там смогли продолжить обучение в школе, а Р. Ц. Азыдова — поступить и закончить институт. Эти две беседы состоялись в разное время: с Раисой Цебековой — в 2017 г. в республиканской больнице, с Тamarой Семеновной — в 2008 г. в Элисте у нее дома.

Интервью были свободными. Я просила рассказать о себе и своей семье, начиная с рождения и заканчивая возвращением в Калмыкию из Сибири. Было важно, чтобы интервью было спонтанным, собеседницы не готовились специально к разговору, а рассказывали своим обычным языком, используя первые приходящие в голову формулировки. Это отвечало моим исследовательским задачам: проследить, какие образы, какие сюжеты и оценки всплывают при воспоминаниях о Сибири. Наши беседы я записывала на диктофон, расшифрованные тексты не были отредактированы — этого требовала методика, хотя грамотная речь филологов с большим педагогическим стажем оставляет такое впечатление.

Слова Г. Ч. Спивак относятся к политически и экономически зависимым группам, и особенно — к женщинам в этих зависимых группах, которые дополнительно подчинялись своим мужчинам. Хотя модернизационные процессы в XX в. в Калмыкии начались в 20-е гг. и уже в середине XX в. мы видим по приведенным ниже рассказам, как появляются и закрепляются тенденции на получение женщиной образования как основы построения ее самостоятельной жизненной карьеры. Перелом в традиционном подходе к гендерным ролям в обществе произошел именно в Сибири, когда в декабре 1943 г. именно женщинам пришлось нести основную ответственность за свои семьи: за малышей и стариков, потому что мужчины были на фронте.

Мне показалось, что эти два нарратива также были первым цельным повествованием о своей жизни с упором на сибирский период, в которых подбором сюжетов и слов рассказчицы невольнo конструировали свою жизнь. Именно осмыслением жизни вызваны оценки сибирского периода сквозь десятилетия — когда оптика убирает случайное и мелкое, оставляя в памяти важное и ценное.

Р. Ц. Азыдова

Родилась я 8 мая 1927 г. в Элисте. Отец мой Цебек-Дорджи Эрдниевич, журналист, работал в газете «Ленинский путь». А мама моя 1908 г. р. — краснокосыночница. Маму звали Кооку Нарановна Азыдова, она из бедняцкой рыбацкой семьи приволжских калмыков. Папа мой — ики-бурульский, он был из более-менее интеллигентной семьи. Его отец закончил училище в Ставрополе, имел хороший дом и был попечителем, что ли, от Астрахани этого улуса. Дом его был обставлен по-европейски, он хорошо играл на скрипке, у него была хорошая библиотека. Самое главное — он в Ики-Буруле построил школу, которая была жива до прихода немцев, немцы ее разрушили, а после возвращения ее восстановили, и недавно она праздновала 100-летие. Конечно, они меня приглашали на празднование, но я не смогла поехать, плохо себя чувствовала. У нас дома хорошая библиотека, и я собрала пять или шесть ящиков книг для школьной библиотеки в подарок.

Папа с моей сестренкой остался в Элисте, а меня мама взяла с собой в Москву. Маму направили в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Мы с ней пять лет жили в Москве. Мама закончила КУТВ, она там училась не одна, с тетей Гиланой Килгановой, они вместе жили в одной комнате, и мы с Витей Килгановым ходили в детский сад, который был вторым домом по Тверской улице от Пушкинской площади. Клуб находился в Страстном монастыре. Это было до школы. Наш детсад был круглосуточный. Тогда было шесть рабочих дней и выходной. На выходные нас с Витькой забирали домой. Мы говорили по-русски, и калмыцкий язык я совсем не понимала, пока в Сибирь не попала. В Сибири я научилась понимать.

Сестренка была младше, она заболела и умерла. Я осталась одна в семье. Детство мое было счастливое. Единственный ребенок в семье, безусловно, растет в любви. Если считать, что в жизни бывает везение, то мне везло всегда — и с людьми, и с обстоятельствами в жизни.

Мы приехали в Элисту, и в школу я пошла в 1936 г., в среднюю школу № 2. Она находилась там, где сейчас горотдел милиции на ул. Клыкова. Первая школа стояла там, где дом на Хонинова, 4. В этом месте была трехэтажная школа № 1. Где третья школа была, не знаю. Перед войной открыли новую школу № 4, где теперь находится Технический лицей. Наш класс перевели в новую школу, которую построили прямо напротив кинотеатра «Родина». Я проучилась один год в 4-й школе и вернулась во 2-ю школу.

Жили мы в 5-м жилдоме. Он и сейчас жив. А моя подруга Клара Педерова жила в 6-м жилдоме. Там было так: два жилдома фасадом стояли к улице, а наш стоял торцом. Мы всем двором дружили: дети из четырех домов. Там жило начальство. В 6-м жилдоме жили секретари обкома, работники совнаркома, редакций. С 1-го класса мы учились вместе с Кларой Педеровой, Антоном Романовым, Клавой Басановой. Юра Клыков жил напротив, в доме работников НКВД. Сейчас это какой-то оздоровительный центр МВД. Мы с ним не дружили, он был немного старше и хулиганистый.

Дома тогда так строили, что подъезды были сквозные. Из него можно было выйти и во двор, и на улицу. А на первом этаже 6-го жилдома был магазин канцелярских товаров, я там стояла и что-то выбирала. Вдруг услы-

шала радио, и все побежали на площадь. Так в моей памяти сохранилось начало войны. Мы перед войной успели закончить семь классов. Мы с Кларой были две отличницы. Из учителей 4-й школы я запомнила выпускницу Ленинградского пединститута молодую красивую Баскакову, ее муж работал в наркомате просвещения, они вдвоем приехали из Ленинграда. А в начальной школе меня учила все четыре года Александра Борисовна Ункова. Мы ходили в музыкальную школу, я закончила только пять классов, Клара — шесть, и началась эвакуация.

Эвакуировали нас так. Нам дали автобус и сказали: «Соберите вещи». Это было в начале августа 1942 г. 8 августа немцы уже заняли Элисту, или мы уехали 8-го, а 9 августа немцы заняли Элисту. Пришли и сказали: «Собирайте вещи, только то, что можно взять с собой». Ну и побежали мы садиться. Я запомнила такую сценку: мамы почему-то нет, а посадкой командует Александра Александровна Горева, Кларина мама. А там через скверик, который идет перед 6-м жилдомом, идет ее сын Гена, младший брат Клары, и тащит в руках швейную машинку. Он подошел, и она его гонит: зачем тебе эта машинка нужна, тут людям сидеть нет места. Он ушел и вернулся, в руках принес четверть — такую большую бутылку с подсолнечным маслом. Против масла уже не возражали. Привезли нас в Приволжье, там нас уже ждали. В райкоме партии знали, что едут дети из семей работников горкома и обкома. Нас встретили, покормили, посадили на баржу, и на барже по Волге повезли дальше и высадили в селе Володарское Астраханской области.

Мы с папой жили в каком-то доме, у него был туберкулез в закрытой форме, и его в армию не взяли. Он с нами эвакуировался. А маму не отпустили с работы, она в горкоме партии работала. Еще у меня была сестренка Кишташка, ей года три, наверное, было. Сестра, папа и мамина сестра тетья Цаган — так мы жили. Сестренка заболела, что-то вроде дизентерии было. Она умерла, ее там похоронили. Через короткое время заболела я. Папа испугался и повез меня назад в Приволжье. Запомнилась такая сцена. Мы плывем. Немцы рвались в Астрахань к заводу Ленина. И мы попали под бомбежку. Бомбы падали в воду, и я слышала всплески воды от бомб. Помню, я лежу, папа закрывал меня своим телом. Но мы благополучно доехали. В Кануково уже мама нас встретила. Она там работала — так сказать, «подпольный обком действовал», он был расположен в здании Приволжского райкома. Остаток эвакуации мы здесь провели.

В Кануково я закончила восемь классов. Элисту освободили 1 января. Родители вслед за войсками входили в Элисту 1 января. По дороге... Гололед был, и редакционная машина — грузовик — перевернулся, и папу придавило ящиками с шрифтом. Его, раненого, привезли в Элисту, положили в больницу. Он так и не поправился, умер в больнице 14 октября. А меня не взяли в Элисту, я с тетей осталась в Кануково до окончания учебного года, и летом 1943 г. мы приехали в Элисту, пошла в девятый класс. Проучилась первую и вторую четверть. Когда мы приехали после эвакуации, в газете появилась статья об Олеге Кошевом. В моем классе оказалась девочка, которая с ним дружила в Ровно, где он жил, пока отца не перевели на работу в Краснодар. Мы тогда все написали письмо матери Олега.

Тогда рассказывали и про Бадму Адучиева, он был комиссаром партизанского отряда, его называли «Однорукий»: у него одной руки до локтя не было. А мы до войны вместе жили в одной секции, это когда одна кухня на две квартиры. А Юрка Клыков был задиристый и верховодил среди мальчишек, такой, конечно, мог и в партизаны пойти и погибнуть геройски. А Володя Косиев был совсем другой: спокойный, тихий, интеллигентный. Он был заместителем секретаря школьной комсомольской организации. Володя был хороший. Он меня в комсомол принимал до войны. Всех тогда приняли, а меня не приняли: мне еще не было 14 лет. Принимали в марте, что ли, а мой день рождения в мае. Сказали, в следующий раз. Все вышли радостные, одна я вышла и плачу, прямо рыдаю. Кто-то забежал на заседание комитета и говорит им: ой, да она сидит и плачет. Володя выходит и говорит: «Ну что ты плачешь? Мы тебя примем, но только через два месяца». Они сжалились, меня приняли, но сами же сказали, что тебя могут не утвердить на заседании бюро горкома комсомола. Но я согласилась, пускай. И я получала билет в мае.

Я ходила с короткой стрижкой, у Клары были косы, небольшие, но косы. Один раз мальчишки — Антон Романов и Гена Коротков — позвали нас за цветами в степь. Тогда выйдешь за кирпичный завод, а там уже степь — ну мы и пошли. А потом Александра Борисовна их вызвала и выговор сделала. Никто ни за кем явно не ухаживал. Отец Клары Дорджи Педеров был нарком просвещения, а Кларины мама была инструктором обкома партии. Еще тогда они разошлись. Дети остались с матерью, конечно. А Дорджи Педерович женился на своей секретарше. Тогда разводы были редкими и поэтому резонансными. Этот развод был громкий.

Был еще один громкий развод. Помню, дядя Гаря Манджиев работал в совнаркоме управделами. У него были две дочки Эмилия и Ирина, их мама тетя Наташа не работала. Он уехал в командировку, приезжает, а жены нет, девочки плачут. Она оставила их на прислугу тетю Машу и ушла к Бадме Джимбееву. У них была когда-то старая любовь, но она вышла замуж, родились дети, а когда они встретились, чувства снова вспыхнули. Она ушла к нему. Так девочки остались с отцом. У Бадмы был красивый голос. Он ушел на фронт и песню «Нюдля» про нее написал, про Наташу...

Родители Антона жили в Западном улусе, были простые люди из рода *ах-нуд*. Потом это был совхоз «Пролетарская победа». Старшая сестра Антона Гилана Сайковна была замужем за О. И. Кукуновым, председателем радиокомитета. Когда Антону исполнилось шесть лет, Гилана его забрала к себе. Сестра жила в двухэтажных домах, на месте которых позже построили телецентр. Он жил у сестры и пошел вместе с нами в школу. Там жили Саня Гунаева, Антон Романов и Эльза Элюева. Это была наша компания.

Я знала весь репертуар нашего драмтеатра. Во-первых, мой двоюродный братишка там постижером работал, парики делал. Братишка погиб на фронте под Сталинградом, был пулеметчиком. А во-вторых, мы, кто учился в музыкальной школе, ходили туда играть на пианино, так как в частных домах пианино не было. Пианино или рояль в Элисте были в драмтеатре и в радиокомитете. Мы с Klarой ходили заниматься на пианино туда. Нас с Klarой все артисты знали, они нас заводили со служебного входа на спектакли. Тогда

было две певицы: Улан Барбаевна и Цаган Иванова. Улан Барбаевна пела все торгутские песни.

Декабрь 1943 г. никогда не забудешь. Закончилась вторая четверть, и мы готовились к балу-маскараду. Тогда Новый год все так отмечали. Обязательно устраивался бал-маскарад. Я готовила костюм: Герб Советского Союза. Я помню, у меня на голове была сделана башня Кремля, тут глобус, тут колосья, тут написано «Пролетарии все стран, соединяйтесь!». Но не пришлось надеть.

Мама пришла с работы, поужинала и говорит: «Всех работников обкома и горкома собирают на экстренное совещание в десять часов вечера». И ушла. А я уроки сделала и легла спать. Уснула, вдруг меня мама трясет за плечо и говорит: «Рая, вставай». Я спросонья говорю: «Зачем?». «Мы уезжаем». «Как уезжаем?». «Давай собирай свои вещи, а мы будем свои вещи собирать». «Кто еще уезжает?». «Все уезжают». «Куда мы уезжаем?». «Наверное, в Сибирь». «И дядя Нальджи уезжает?». «И он уезжает». Я ничего понять не могу. Но встала, стала собираться. Нам сказали ничего лишнего не брать, а только то, что можно унести.

Все мы собираемся. Тетка жарит борциги, рядом с нами был дом Манджигевых, у них мы к Новому году готовили подарки на фронт — мясо и борциги. А масло и мука были у нас. Тетка говорит, какие теперь подарки, будем жарить борциги.

Потом капитан НКВД к нам зашел с красноармейцем, у того винтовка за плечом и говорит: Кооку Нарановна, все, что можете унести, берите с собой. У нас один ковер был огромный, неподъемный. А второй ковер небольшой — надкроватный, на нем был изображен Совет в Филях. «Забирайте ковры с собой». «Да как же, стыдно же, я уже их соседям отдала». «Тогда мы заберем». Они притащили нам эти два ковра и мешок горчицы. Потом мама этот мешок горчицы продала в Челябинске. «Часа в три ночи мы вас сами погрузим и отвезем в кинотеатр и сами разгрузим». Мы сидели в малом зале кинотеатра.

А Клара еще оставалась в Кануково, там она тифом заболела, уже выздоравливала. Ковры помогли на месте. Мама сразу начала работать в зооветтехникуме, и нам дали комнату на втором этаже деревянного дома. Как-то мы решили его помыть под дождем, помыли, а поднять не можем. Оставили на перилах сохнуть. Утром просыпаемся, а ковра нет.

Привезли нас в город Куйбышев Новосибирской области. Это везение, что мы попали хоть в маленький, но в город. Встречали нас плохо. Так вроде ничего встретили, привезли куда-то в клуб. Потом сани подъезжали, нас выкрикивали, и мы садились, и нас везли на поселение. Приехали мы к одному дому, все закрыто. Мы стоим — мама, тетя, я и 6–7-месячная сестренка. Никто не открывает. Вдруг подходит из дома напротив русская женщина и говорит: «Ой, Фадеевна говорила, что никого не пустит. Специально куда-то ушла и неизвестно, когда придет. Идите к нам». У нее муж, татарин, сказал: «Иди, заведи людей, что это люди на морозе стоят». Все равно Фадеевна пришла домой ночевать. Орет, плачет: не пушу, я боюсь, куда хочешь, их вези. Оказывается, слух прошел, что людоедов привезут. А она одна живет: сын в армии, а дочь учится в ФЗУ в Барабинске. Человек, который нас привез, убеждал ее долго: «Ну ты на них посмотри, две женщины, два ребенка — ну какие они людоеды». Он ее уговорил только до утра.

Очень хорошо помню, мы на полу ночевали. Утром просыпаюсь, вижу мамин силуэт, она одевается. Там поздно светает. «Ты куда?». Мама: «Пойду найду школу, ты уже сколько пропустила, уже 20 января». Ушла. Потом приходит и говорит: «Завтра пойдешь в школу, но в 8 класс». «А почему, я же 2 четверти 9 класса закончила». «Потому что табеля с собой нет, директор не хочет тебя так принимать». В школе меня встретили нормально, ни разу меня никто не дразнил — ни одноклассники, ни учителя. Со мной подружилась Ида Фурман, еврейка, сразу потянулась ко мне. У меня сохранилась фотография 10-го класса. Повезло мне, и со школой повезло, и с городом.

Маму взяли в контору гормолзавода счетоводом. Тогда в бухгалтерии было 3 должности: бухгалтер, счетовод и кассир. Проработала несколько месяцев счетоводом. У них на всех есть дела, тем более она партийная была. Там узнали, что мама закончила университет, попросили принести диплом. Они копию диплома посылали в Москву, потому что не слышали про такой вуз и, оттуда пришло подтверждение: можно преподавать в полном объеме. Она преподавала географию, конституцию, а историю преподавать ей не давали.

Когда я в десятом классе училась, меня актриса Галина (фамилию не помню) устроила в интернат для трахомных детей, она работала там воспитателем, до войны она как раз ГИТИС закончила. Я там работала ночной дежурной. Ночью делала уроки, утром шла в школу.

А после окончания школы мы, 8 человек из одного класса, поехали поступать в мединститут. Но все, кроме меня, завалили физику. У нас в школе не было учителя физики. Все мужики на фронт ушли. Директриса была женой первого секретаря горкома партии, и она нашла какого-то инженера-золото-промышленника, который должен был за полгода с нами пройти курс двух лет. Ну и что мы знали? Ничего мы не знали. А в аттестате у меня стояло пять, потому что мне попал первый билет. А на вступительных экзаменах на два вопроса я хорошо ответила, а на третий не смогла. Мне поставили тройку. А там объявление: все, кто сдал экзамены, должны пройти личное собеседование с ректором. Это был 1946 г. В тот год был приказ — набрать 30 % фронтовиков-мужчин. Поэтому ректор сам решал, кого сразу зачислять, а кого на конкурс. Захожу, он спрашивает: «А как же так получилось: в аттестате пять, а на экзамене три?». Я объяснила все. «Отец где?». «Нет отца». «Мать есть?». «Есть». И он меня принял.

Приезжаю домой, а там уже все знают, что Раю приняли. Комендант меня отпуская: я за месяц писала заявление на учебу и получала разрешение. Начала учиться, дали общежитие, поселилась я, сгоняли нас на картошку, вдруг говорят, что общежитие ликвидируется, в нем будут открывать госпиталь, с запада привезли раненых. Ищите себе квартиры, а цены на квартиры неподъемные. Уже учеба началась. Я случайно наткнулась на ... Когда анатомка переезжала, я увидела трупы, ящики с костями, испугалась. Сразу домой захотела, перестала спать по ночам, с криками просыпалась. Девчата написали моей маме, что Рая не спит, а как заснет, то с криками просыпается, не ест. Мама приехала перед 7 ноября и увезла.

А твой отец, Гучинов Мацак, поехал зачем-то в Алтайский край, в Бийск. Приехал и говорит мне: «Там есть учительский институт, в котором надо

учиться всего два года, и будешь иметь диплом преподавателя 5–7-х классов». И я загорелась. Во второй раз он поехал, взял мои документы и сдал их в приемную комиссию.

Я ехала в Бийск с одной бумажкой — с разрешением коменданта на проезд. Мама моя заранее поехала в Барнаул в крайоно, и поехала за мной в Бийск и стала работать в мужской средней школе № 3 преподавателем. Перед моим окончанием, за полгода, она сходила в крайоно¹ и сказала, что дочь закончит через полгода и она хочет в одной школе преподавать. Ей дали направление в Кытмановский район, село Кытманово, райцентр. Она приехала, собрала тетю, сестренку мою и перевезла. Началось распределение. Смотрю, а той школы в списке нет. Я перепугалась уже, думаю, куда-нибудь заткнут меня и, буду жить одна. А тогда везде требовались преподаватели. Когда я зашла, спрашивают у меня: «Вы выбрали себе место работы?». «Нет». «А почему?». Стала говорить, что мама была в крайоно и, ей обещали меня в ту же школу направить. Они говорят: «Подождите, да, есть». Пошла открепляться в комендатуру. Мне говорят: «Да, вот вам сопровождающий». Какой сопровождающий? Конвоир?! Меня привезет туда милиционер? А что люди скажут, что арестованную привезли? Я аж заплакала. А что делать? Договорились, что встретимся на перроне такого-то числа. Вышла, села на завалинку и сижу, жду, когда рабочий день закончится. Он вышел и говорит: «А что ты тут делаешь?» Я говорю: «Я Вас попросить хочу, Вы не в этой форме, а в другой одежде езжайте, а то мне стыдно будет». Он говорит: «Не переживай, иди домой». Я всю ночь не спала. Стою на вокзале, жду милиционера. Вдруг меня кто-то за плечо берет: «Ты меня ждешь?» Я смотрю: дядька в коричневом пиджаке. Я ему: «О, какое Вам спасибо большое». Он еще мой чемодан тащил. Отнес по адресу, потом пошел в милицию, ночевать где-то надо. Я говорю: «Мама, пускай он у нас ночевать останется». Утром он позавтракал, говорит: «Пошли». «Куда?». «В милицию, я тебя должен под расписку сдать». Он сдал и уехал. Вот такие люди попались. Хороших людей везде много: и ректор, и этот милиционер.

Я ни дня не работала на тяжелых работах. В школе я была классным руководителем 6Б, а в остальных классах вела русский и литературу. У нас еще только одна была молодая — учительница биологии, донская казачка. Мне давали и такой кружок, и другой кружок, и еще в вечернюю школу направили, там в основном демобилизованные офицеры, которые работают в милиции. Никто не хотел из местных, потому что у всех свое хозяйство. Мне было 22 года, но выглядела я молодо. Я не хотела учить взрослых, боялась, что милиционеры меня не будут слушать. Позже я благодарила завуча. Я не ходила расписываться в комендатуру каждый месяц, а они все у меня учились, и они мне на занятия приносили журнал, и я расписывалась.

Как-то в Сибири вдруг приходит письмо от Клары Педеровой из Житомира, это было в 1947 г. Стали переписываться. Потом она вдруг приезжает ко мне в Бийск навестить. Я еще подумала, как это мама отпустила девчонку на другой конец страны и не в санаторий, а в Сибирь. Она приезжала в летние каникулы, наверное, на две недели. И с тех пор мы с Klarой все время переписывались, считай, 80 лет дружили.

¹ Красовой отдел народного образования.

Когда умер Сталин, мама моя ревела. Она переживала, плакала. Я ей говорила: «Да ты что, с ума сошла, что ли?». Мама переживала. Помню, что погода была отличная. 5 марта в Сибири обычно холода, а тут все растаяло, так тепло было.

К нам дважды приезжали свататься. У меня и в голове не было замуж выходить. Я в первый раз человека вижу, куда же соглашаться? У меня всегда много подруг было.

В 1955 г. освобождали от учета членов партии. Нашу семью освободили. И сразу мама засобиравалась. Она переписывалась с матерью Адьяна Букаева, она писала, что у них калмыков много. А там, где мы жили, калмыков не было. И мы поехали в Алма-Атинскую область, в с. Узу Агач. Мама пошла сразу работать в сельскую школу им. Белинского. А я работала в 7-летней школе — через речку.

Мама со многими переписывалась, и в декабре 1956 г. ей пришел вызов из обкома партии, и мне пришел вызов из обкома комсомола. Но школа не могла отпустить одновременно двоих преподавателей. Решили, что вначале поедет мама, а я отработаю третью четверть и позже приеду. И перед отъездом мама говорит: «Давай съездим во Фрунзе, за 200 км (там тетя Нина Пандинова жила), посмотрим Фрунзе». Сели в восемь утра в автобус, и к часу уже были на месте. Тетя Нина нас приняла хорошо. У нее жила девушка, которая училась медицине. Она меня уговорила пойти вместе с ней на калмыцкую вечеринку. Пошли в какой-то дом калмыцкий. Зашли, большая комната. В углу на скамье сидит старая женщина. Если сейчас рассуждать, то не старая. Тогда же казалось, что старая. Она говорит: «Рая, ты?». Это была мама Риты Хазыковой, тетя Галя. «Сядь рядом», и стала рассказывать, кто живет во Фрунзе. Вдруг дверь открывается, и трое молодых людей заходят и спрашивают: «Где она?». «А, вот она». И подходят ко мне. Это были Антон Романов, Петя Шарпов. Оказывается, элистинская молодежь собиралась в доме у Эльзы Элюевой. «Как вы узнали, что я здесь?». Оказывается, тетя Нина, дядя Цагада поехали навестить Бальджирму, и сказали, что я с ней приехала и пошла на вечеринку. Они зашли в один дом, потом во второй дом и, в третьем доме они меня нашли. Когда мы уезжали, договорились, что они втроем приедут в гости. Поехали в Алма-Ату. Ночевали один раз у Ирины и Эмилии, во второй раз — у Пети Ланцанова, он тогда был женат на Тамаре Буриновой, они жили с тетей Фросей и дядей Михаилом.

В Калмыкию приехала я после 3 четверти 1958 г. Примерно 30 марта они посадили меня с теткой на поезд. Мы поехали через Москву. Мама говорила, что дорога через Астрахань немного короче и немного дешевле. Но я сказала, только через Москву. Меня там должна была встретить Белла Монтаевна Надбитова, она на каких-то курсах там была. Она меня встретила, тетку мы отвезли к Хомутниковым, у него жена Очка Колпаковна была приволжская. А сами гуляли по Москве.

Т. С. Качанова

Мы — терские, с Терека моя семья. Наурский район, станица Ишорская, хутор Мельников, так у меня записано в паспорте. Я родилась там 19 ноября

1938 г. Отец, сколько мать рассказывала, был охотник. Первый раз мать была замужем, у нее было четверо детей, Хогтин — фамилия ее первого мужа. В 1932–1933 гг. было дело бухаринцев, а он был председатель сельского совета, его арестовали, он умер в тюрьме. *Мини эцк арсмч бээжэ* (мой отец был спекулянт. — Э.-Б. Г.), он спекуляцией занимался, перепродажей. *Цэ-мэ* (чай. — Э.-Б. Г.) с Кавказа привозил и тут продавал. Сестра материна жила на Кавказе, и она попросила моего отца, чтобы он привез ее с детьми на Кавказ. Потому что здесь (в Калмыкии) был страшный голод, а там, видимо, было получше. Они же терские, знают друг друга. Он приехал, и мать с детьми повез на Кавказ, в Чечню. У матери было четверо детей в Башанте, они уже с голода пухли. Они приехали в Чечню и, *хот идэд* (еду съели. — Э.-Б. Г.), с голода переели, умерли. Осталась одна дочь. Мой отец был один парень в семье, его родители рано женили и, у него тоже была одна дочь, ровесница моей сестры. Он развелся с женой, уличил жену в неверности, что ли. Отца звали Семен Михайлович, его называли на калмыцкий манер Семкя. Мы все с русскими именами. Маму звали Авдотья, а по-калмыцки *Узмэ*, у нее калмыцкое имя было. Отец был разведен, семь лет как ходил неженатый. Он женился на моей маме. У матери от него было четверо детей, один ребенок умер.

А вообще-то, когда автономию организовывали, всех калмыков с Кавказа и оренбургских перевезли в Башанту. Они какое-то время пожили, и некоторые уехали. Наши оказались в Грозном.

В Сибирь мы отправились, трое детей было. Отец был 1907 г., он моей мамы младше был на 7 лет. И в 1941 г. ему вначале давали бронь, почему, не знаю — потом отца в 1942 г. взяли на войну, на фронт. Оттуда он писал матери, что был ранен в первый раз, но долго не лежал в госпитале, на фронт отправили. Второй раз был в ногу ранен, но тоже долго не лежал, месяц всего, был выписан и снова на фронт. Он погиб 23 мая 1942 г. где-то под Ростовом. Всего пять месяцев служил, два месяца в госпитале лежал. Служил в пехоте, он же неграмотный был. А отец его был, видимо, грамотный, так как он работал управляющим у помещика. Управляющий, наверное, грамотный был. Похоронка была, мы ее получили там, на Кавказе.

В 1942 г. наши стали отступать от Грозного. Наши стали отступать, и красноармейцы, когда проходили, говорили населению: «Уходите, здесь будут такие бои, ничего не останется». И наши двинули в Башанту на коровах. Мать всегда вспоминала Гудермес, Святой Крест. Я все думала: что за Святой крест, оказывается, это Буденновск. Через эти края они на телегах перебрались опять в Башанту.

Документы они закопали в землю, шли без ничего и, выселяли нас отсюда, из Западного района. Деревня была, я потом искала по карте, не нашла — Ротфани. Там же немцы, эстонцы жили, это их название. Как шли с Кавказа, помню смутно, как в тумане. Помню, что ехали на телегах, костры жгли. Мать рассказывала смешные истории. Например, самолет летит, бомбы бросает, а один мужик взял колесо от телеги и держит нал головой — спасается. Когда бомбят-то, не до смеха, а когда самолеты улетят, вспоминают, кто как спасался, и начинают смеяться.

Мать моя тяжело болела. По нынешним временам, у нее что-то вроде саркомы было между лопатками на спине. В Башанте была одна русская женщина, которая лечила. Она вылечила, мазала чем-то, молитвы читала, настои давала. У нее выпал кусок мяса весь в дырочках. Потом вот такой шрам остался на спине. В Сибири в бане у нее многие спрашивали: «Откуда у тебя шрам, это ранение?». Она смеялась, что от бомбы.

Чуть-чуть помню, как нас выселяли. Видимо, слух шел. У кого родственники с немцами ушли, те готовились, продукты собирали. А мы ходили, гордо голову подняв, мы — семья красноармейцев, нас выселять не будут. А наша семья никуда не готовилась, для нас это была неожиданность. Утром рано постучались в двери, зашли два красноармейца. Сказали: «Вы выселяетесь, собирайтесь». Должна сказать, они как-то человечно отнеслись. Наши же не знают, что брать. Они сказали, берите все, что есть, ткани все. Я помню, как из подушек перо вытряхивали. Потом нас посадили на машины. Я помню, что скот... [плач]... такой рев стоял, так они мычали, собаки лаяли, как будто солнечное затмение.

Выселяли в товарном вагоне. Нам, что ли, места не хватило? Вот в вагоне с обеих сторон нары двухэтажные, а в середине пусто, и мы на таком месте лежали — мать, она еще плохо ходила, нас было мать, сестренка, младшая сестренка, брат. Нас было трое малышей, сестра старшая и мать 1900 г. р. Старшая Зина, 24 г. р., брата звали Леня, 35 г., у него было еще калмыцкое имя Дамба, я с 38 г., а сестренку младшую звали Нина, 41 г. р. Мы лежали на бревнах между полками, а поверх, видимо, были перины. Перины наши взяли. Я помню, у нас много перин, подушек было много. Ну вот какие курьезные случаи были в вагоне? Во-первых, у нас умер дед какой-то. Родственники просили, видимо, не говорить никому, чтобы его довезти и там похоронить. Дед напротив меня лежал. А когда человек умирает, он длиньше становится или вытягивается что ли? Я лежала головой впритык к его ногам, а потом прямо на ногах. Он так полмесяца и лежал. Но холодрыга такая была в вагоне, ни запаха, ничего не было. Довезли его.

Что еще было такого смешного или трагического? В туалет как ходили? В вагоне окошко маленькое было. Зима, холод, мороз. Такие морозы были жуткие. И ходили в медный тазик, и его выливали в окно. Но кто-то тазик выронил в окно, он вылетел от скорости. Там жалели его, кто-то чуть ли не плакал. Потом дыру сделали в вагоне, а посередине вагона была буржуйка. Какие-то там начальники райкомовские ехали, они лежали молча, они-то больше шокированы, простой народ относился попроще.

Мы выжили благодаря моей сестре, которая 24 г. р., она такая боевая была, четыре класса школы закончила, курсы трактористов закончила еще до войны. Она весь вагон держала, где-то добывала дрова и буржуйку топила. Бегала за кипятком, самая активная была. Остальные, видимо, лежали трупом, молча. Где она спала, не знаю, места ей не было, видимо, в наших ногах. Вот так вот мы ехали.

Нас привезли в Омскую область, видимо, в военный госпиталь. Там видела я части человеческого тела — то рука, то нога валялись — говорили, что от раненых остается. Погнали всех в баню, завшивели же все. Одежду отбирали и

на дезинфекцию – в жарку. Люди были голодные. Помню, нам всем давали по крохотному кусочку мыла и некоторые люди ели это мыло.

В село одно привезли. Конечно, местные не хотели нас пускать домой, кричали всякое: «Людоедов привезли, изменников привезли». В Омской области мы перезимовали. А потом поехали в Тюменскую область. А почему? У материной сестры был дед, его на войну не брали, видимо, в возрасте были. Всех по спискам: у кого иждивенцев и рабочих одинаковое количество, тех на рыбалку в Ханты-Мансийск. А у кого иждивенцев много было, не хотели брать. Кто в Омскую область сразу попал, им было легче. А кто в Ханты-Мансийск, там было ужасно. Во-первых, там зима дольше длится. Привезли к осени, уже холодно было. Поселили в клубе и там по деревням брали, кому сколько надо. Потом нам дали жилье, видимо, были пустые дома бывших кулаков. Там были домики, в которых селили сразу несколько семей. В нашем доме — одна комната, большая русская печь. Кулаки говорили: «Ничего, выживете». Нас, когда привезли, в лес выбросили.

Мы жили в этой деревне, нас пятеро, и к нам поселили еще женщину с двумя детьми. А домик на комнаты не делится, одна комната и в ней большая русская печь. В первую зиму эта семья из трех человек погибла. Получилось так: сын пошел в лес, за дровами что ли, и замерз. Второй пошел искать и тоже пропал. И мать не вынесла. Что-то они в одну зиму умерли, это 1945 г. был.

Я заболела, у меня было воспаление легких, и я болела долго. А сестренка заболела и за три дня умерла. Тоже воспаление, но какое-то сильное. Топили плохо, а мы же маленькие, выбегали в холодные сени, мать ждали, звали, замерзали, так и простывали.

Картошку мерзлую собирали. Мать на ток ходила, там овес или ячмень был. Мать зерна приносила, прятала в штанах. Принесет зерно, на сковородке пожарит и мы едим. Как снег растаял, мы ходили на поле собирать прошлогоднюю картошку. Чем мы от русских отличались, у них хоть картошка была. Все, что у нас было из утвари, пиалки (*шаазн*), все меняли на еду — на несколько картошек. Вот так и жили.

Когда мы уже подросли, я в школу пошла. Там жили одна семья немцев, одна семья украинцев, мы и местные. Местные нас обзывали, всегда говорили «изменники», избегали нас.

Сестру забрали на лесозаготовки в 1947 г. Это был тяжелый год, по всей стране голод.

А как я училась интересно. В школу я ходила до Седьмого ноября, а потом сидела дома. Потом снова шла Первого мая. (Слезы на глазах. Ой, я не думала, что я расстроюсь так). Вот так я училась первый год. Я в первом классе полгода не училась, во втором классе полгода не училась. В третьем классе мне, видимо, трудно было. Наша учительница Вера Ивановна со мной мучилась, заставляла меня читать и пересказывать книжку «Звездочка».

По-русски мы хорошо говорили. Моя мать говорила как донская казачка. Мы же среди казаков жили. Я голод переносила более-менее легко. А мой брат, 1935 г.р., он очень тяжело переносил. Сестра моя приносила карточки. Когда хлеб был, мать делила хлеб на всех. А я свою половину всегда брату отдавала.

Однажды все ушли на работу, а хлеб забыли запрятать. Я целый день этот хлеб щипала. И не поняла, что его съела.

Калмыки ели падаль. Что-то корма мало было, скотдох. *Хальмгуд* (калмыки. — Э.-Б. Г.) раскапывали скотомогильники и приносили мясо. Варили его и ели, бульон не пили, только мясо. Нормальное мясо варишь, пенку снимешь, и оно просто кипит. А если падаль варить, то все пена, все время пенится. Это мясо ели, ничего, никто не умер.

Мы уже переехали в другой дом. С нами жила семья К-ых. Они продукты закрывали в сундуке — кусок хлеба да пять картошек. А во второй половине жила русская семья Бобылевых, у них был подвал, в котором они хранили картошку. Наши соседи чем-то это картошку вытягивали. С Бобылевыми мы дружили. У них сын игрушки мастерил, и мы вместе ходили к пекарне, выменивали игрушки на хлеб.

В классе и в школе к нам хорошо относились, а когда выйдешь из школы, тогда посторонние дети дразнили. У меня портфель был фанерный, как чемоданчик, вот я им дралась.

Но в то же время всегда относились с уважением к детям погибших красноармейцев. Мне в первом классе подарили карандаш, это было такое сокровище, далеко не у каждого был карандаш. Как-то полтора метра ситца дали. Выделяли детей погибших на фронте. Мне очень помогало это. По крайней мере, я ходила с гордо поднятой головой, уверенно. Если меня кто обзывал, я давала отпор. То, что отец мой погиб, мне давало уверенность, какой-то стержень.

Нормально в школу я стала ходить уже в 1951 г., это уже пятый класс, ходила за 15 км. Было трудно, но я хотела учиться и училась. Девочки моего возраста многие бросали учиться. У меня лицо было отморожено, а вода текла по щекам. Сейчас бы месяц дома сидели. А тогда на второй день в школу пошла. В деревне Ярки вообще пионеров не было, а в Ханты-Мансийске я вступила в пионеры.

Мама работала в колхозе, хотя и болела. Сестра нас из колхоза какими-то путями вырвала. Помню, как от коменданта бегали. Мы бежали ночью, чтобы комендант не засек, к сестре на лесозаготовки. Сестра старшая без спроса коменданта устроится на работу, нас потом заберет. Она не спрашивала у него, он все равно бы не разрешил. До 1950 г. она работала на лесозаготовках, это было страшное дело. Там в основном указники работали. Я видела, как там люди от голода ворон стреляли и ели, а все равно считалось, что там лучше, чем в колхозе. Большущий барак: в первой половине лошади, а во второй половине люди жили: и там все жили на нарах — и семейные, и холостые, и мужчины, и женщины. Сестра возила дрова в город, в Ханты-Мансийске было печное отопление. Они ей за работу давали щучьи головы. А у щуки — голова пустая, в ней мяса почти нет, но все равно что-то находили. Кони от голода дохли, их привязывали в стойле, и они на подтяжках стояли.

В Ханты-Мансийске сестра работала на рыбзаводе, на плашкоуте, за ка-тером баржу тащат, они из специальных ледников забирали лед, они ездили и собирали улов по бригадам и отвозят на рыбоконсервный комбинат. Уже после 8-го класса я работала летом матросом, а сестра — приемщиком рыбы.

Потом она уже пошла на повышение, работала в магазине для рыбаков, тоже на плашкоуте.

Потом мы в Ханты-Мансийск переехали. Брату дали квартиру в 4-квартирном доме. Где мы только не жили. А до этого нас подселили в дом частный, поселили к семье новобрачных в спальню, у них там мать с отцом, брат с сестрой и нас — целая куча людей. И как мы жили? Вот так мы кочевали.

Мы жили еще ничего. Благодаря тому, что сестра такая активная была и что русский язык знали. Другие хуже жили. *Баһ дөрвүды*², которые по-русски не понимали, им труднее пришлось. Помню, про одну женщину рассказывали, она по-русски не понимала и ей сказали, чтобы научиться говорить по-русски, надо облизать язык русского человека. И она одну девочку поймала и хотела ее язык облизать, а та такой крик подняла, все решили, что она хочет эту девочку убить и съесть. Мы потом смеялись над этим.

А как нас везли на пароходе из Омска в Ханты-Мансийск... Молодежь танцевала, все собиралась на одном борту, и он вот так сильно кренится, мы на другую сторону переходили. Не все время ж плакали. Смешное тоже находили. А после 51 г. мы, наша семья, вообще жили хорошо. Сестра на этом плашкоуте ездила и в одной деревне с будущим мужем познакомилась. Сестра замуж вышла, муж работал продавцом. Муж ее был *баһ дөрвүд* Очир Арчиевич Арчиев. А там его звали Николай Николаевич. Русские имена всем давали. Ни за что русские не хотели калмыцкие имена говорить. Все рыбаки зятя уважали, лучшую рыбу ему — стерлядку, муксунчика. Мы такие пироги пекли! Свадьбу не делали, меня сестра к себе забрала, чтобы я по хозяйству помогала. Я была в третьем классе. Сестра лед рубила, это тяжелая работа. Лед размером с двухэтажный дом. Надо его колоть. Сестра еще рыбу разделывала. Через год мать к нам приехала. У нее уже экзема начиналась. Ее записали уборщицей, а работала я. Я мыла полы в магазине, на почте. Я за скотиной смотрела, воду носила, в огороде работала. Там деревушки маленькие, и в каждой деревушке была церковь. Там я закончила пять классов. Воду носили на коромыслах, зимой из проруби.

В 53 г., когда Сталин умер, 3 марта погода была теплая. Мы знали, что он болеет. Я дрова колола, тарелка одна на деревню и передавали. Мы все плакали. Стояли в почетном карауле в школе. Портрет Ленина у нас висел дома. Мама всегда говорила, что Ленин бээсн бээхлэ, ийм юмн гарх болдго биш (если бы Ленин был жив, таких вещей не было бы. — Э.-Б. Г.). А мы говорили: «Мама, ну что ты понимаешь в политике?». Это потом мы что-то стали понимать про Сталина, а тогда все думали, что это Берия виноват.

Я была пионеркой, а как меня приняли — не знаю. Но приняли без всяких [преград]. Училась я неплохо и в классе всегда была на каких-то должностях: звеньевая, командир отряда. В самодеятельности участвовала. Ну, как сейчас показывают в «Минуте славы», акробатические номера, вот так и мы тогда. Я тогда чересчур самоуверенная была. Отец погиб на войне, так я через это прямо героем себя чувствовала. Если мне кто-нибудь что-нибудь скажет, я могла и глаза выдрать. Подружки мои все русские были, я же одна была калмычка. Помню, в седьмом классе одна девочка мне дала кусочек вареного сала. Я как попробовала — боже, до чего было вкусно.

² Одна из калмыцких этнических групп.

Я даже дружила с девочкой, ее отец в милиции был большим начальником. Они жили очень богато. А я училась хорошо, он не возражал против нашей дружбы, я ей физику объясняла. Я на дни рождения ходила к девочкам из семей верхушек Ханты-Мансийска.

В те годы училось много переростков. У нас один учился парень взрослый, 4-й класс закончил и женился. А мы, совсем дети, рядом.

Программу я усвоила и школу закончила неплохо, с одной тройкой по немецкому языку. Я учителя немецкого Перельмана не любила. Немцев мы ненавидели, немецкий никто не хотел учить. 10-й класс я закончила в 1957 г. в Ханты-Мансийске.

Мы и пастухами работали, скот пасли. Рядом с лесоповалом было село Нагорное. Мать на лето взялась пасти коров. Там хорошо платили. Ведро картошки, литр молока и 3 рубля в месяц. Пасти коров надо было в тайге. Поднимали с зарей. Я спать хочу, под каждое дерево прячусь поспать. Она меня найдет, трясет, будит и провожает дальше. Мать коров подоит и с коромыслом 5 км идет в Ханты-Мансийск это молоко продавать, нас же одевать надо.

Я помню, мы как-то с братом на поляну зашли, а там черника. Мы давай ее есть и уснули. Проснулись, а коров нет. Вот ужас! Коров было, наверное, 50. Потом нашли их. Мы здорово научились искать по следам. Представляешь, мы могли по следу понять, корова утром прошла, вчера или три дня назад. А еще мы ели бурундуков. Мясо варили, казалось очень вкусным. Человек так устроен, организм мяса требует.

К 52–55-м гг. к нам уже привыкли. Нормально мы жили, только что в комендатуру надо было каждый месяц ходить отмечаться. Мы приехали [в Сибирь] без документов, и здесь меня записали как 1937 г. р. Я со страхом думала, что и мне придется ходить отмечаться. А в 10-м классе я написала письмо на родину, и мне пришло подтверждение, что я 38 г. р. Таким образом, эта процедура с комендантом мне не досталась.

Я такая отчаянная была, меня все рекомендовали в комсомол. И на танцы ходила. В Ханты-Мансийске был клуб рыбаков — с паркетным полом, духовым оркестром. Танцевали в валенках и вальс, и танго, и фокстрот. Такие белые валенки, самые модные — фетровые. Первый парень на селе был Анатолий Куберлинов, мастер спорта по теннису.

Хальмгуд (калмыки. — Э.-Б. Г.) собирались на вечеринки — по очереди друг у друга. Праздники мы дома отмечали. Мать наша была не слишком богемная, но все высчитывала, когда Цаган сар, когда Зул. Как мы стали жить более-менее, на Зул она всегда подарки приготовит, хоть ленту, но купит. В первый раз помню, она купила 2 стакана сметаны. Тогда *хальмгуд* не пили. Пьянства совсем не было. *Торхудмуд* и *дөрвдмуд*³ отмечали по всем правилам. Мы-то обрусевшие, ну *зул өргэд* (лампадку зажигали. — Э.-Б. Г.), конечно. А они по всем правилам делали, на палке *зул* зажигали, и им сказали, что не надо, дома деревянные. А в Сибири мы дома всегда на калмыцком говорили, хотя мы все русский язык знали.

Однажды в Ярки приезжал к нам кто-то в форме красноармейца, сказали, что лама. Все услышали, прибежали и давай ему дарить все, что было, чтобы

³Торгуты и дербеты — основные этнические группы калмыцкого народа.

он *бу* (обереги) написал. И он всем писал бумажки. А потом дома кто-то *бу* развернул, а там мелко было написал «два–три», «два–три».

Нет, нас только в первое время гоняли, а потом уже нет. Ну и я отпор давала. Что хорошо училась — это помогало. А калмыки каждую весну надеялись вернуться домой. Там же выехать только летом можно.

Моя сестра хотела там остаться жить, она материально хорошо жила. Но мать не дала: домой, домой, домой. В 1957 г. услышали по радио, что автономия, и поехали. Мы вчетвером поехали в 57 г. до Тюмени на пароходе, а из Тюмени — на поезде. Нам с собой сухари дали. Там как-то только серый хлеб был, а белого совсем не было. Даже поговорка была: «ой, очередь как за белым хлебом».

Приехали в Ростов. Тогда Элиста называлась Степной. И пос. Яшалта назывался Степной. Мы говорим: «Нам в Степной». А водитель автобуса говорит: «Садитесь». Приехали в Яшалту вместо Элисты. Какие дружные калмыки были! С кем я была, не помню — то ли с Наташей Ховлюковой, то ли с Томой Баулкиной. Стоим на остановке. Подходит мужчина лет 40. «Вы куда приехали?» Мы: «В Степной». «Да вам в город надо. Следующий автобус завтра. Ну что будете стоять, пойдете к нам». Мы приходим, а там столько людей, все приехали из Сибири. Но какие замечательные люди были. Нам маленькую комнатку освободили — для нас двоих: *гижэтэ куүкд* (девушек на выданье. — Э.-Б. Г.) почитали. Девушек, как чистых, уважали — наравне с мужчинами. Остальные спали на полу, как сельди в бочке. На второй день мы приехали в Элисту. Куда деваться? Тоже нас кто-то позвал, пойдете, там наших много. Пришли туда, где сейчас 1-й корпус КГУ⁴, там развалины были, после бомбежек не ремонтировали еще. И там *хальмгуд* ночевали — на картонках спали.

Там встретили Бату Бадмаевича Бадмаева. Я хотела поступать на медицинский или на юридический. Он говорит: «Девчонки, все заявления уже приняли. А я калмыцкое отделение открываю при Ставропольском пединституте, поехали со мной!». И мы сели в грузовик и поехали. Вот на фотографии мои однокурсницы Шура Бартунова, Света Натырова. Так мы закончили при Ставропольском пединституте учительское калмыцкое отделение. Республике требовались кадры. Нас первых выковали за два года. Как закончили калмыцкое, я тут же поступила на 3-й курс уже русского отделения. К нам хорошо относились, приезжали писатели, всегда нам встречи устраивали.

Один наш родственник, такой осторожный всегда, неизвестно, что там будет, здесь все есть, и он остался в Сибири. Сейчас в Ханты-Мансийске моя племянница живет. Уже отсюда уехала — теперь они сами едут.

Комментарии

Калмыки молчали о Сибири практически тридцать лет. Можно сказать, что только когда появляется спокойный связный рассказ об этом периоде, можно утверждать, что травматический эффект отдаленного события перестал работать, потому что травма депортации к 2008 г., когда состоялось одно из приведенных интервью, уже была проговорена: и государство своим Законом от

⁴ Калмыцкий государственный университет.

26.04.1991 г. «О реабилитации репрессированных народов» признало свою неправоту, и люди стали рассказывать в газетах и на телевидении о пережитом.

Прибывших калмыков опережали слухи на местах прибытия, что они — «людоеды». Фадеевна из нарратива Р. Ц. Азыдовой боялась калмыков именно по этой причине, не хотела их селить у себя. Мы видим, что и в Омской, и в Новосибирской областях именно к приезду калмыков стали циркулировать страхи об их «каннибализме». Сосланные за нелояльность Советской власти, калмыки всячески дегуманизировались властями, начиная с языка документов, создаваемых в ходе проведения операции «Улусы» как «операции по изъятию и выселению лиц калмыцкой национальности» [[Ссылка калмыков 1993: 42](#)].

Одной калмычке сказали, чтобы научиться говорить по-русски, надо облизать язык русского человека. Она одну девочку поймала и хотела ее язык облизать, а та такой крик подняла, все решили, что она хочет эту девочку убить и съесть. Мы потом смеялись над этим.

В этом провокативном розыгрыше, принятом неграмотной женщиной за чистую монету, мы видим и ее желание заговорить, наконец, по-русски и готовность калмыков смеяться над собой в драматических обстоятельствах. Присутствие комического для рассказчицы в этой ситуации, как и в рассказе о том, как спасались люди при бомбежке, проявляет высокий накал только что пережитого страха, после которого разрядка смехом кажется самой простой. Кроме того, что смех «объединяет людей» [[Козинцев 2007: 3](#)], поводом для смеха «является то, к чему недавно относились серьезно» [[Козинцев 2007: 28](#)]. Обижавшее при встрече калмыков местным населением подозрение в каннибализме актуализировалось в данном контексте, и смех над глупой женщиной, над легковерным местным населением и над собой «отключал само обвинение, нейтрализуя тему» [[Козинцев 2007: 44–45](#)].

Оба приведенных повествования рассказывают о женских судьбах — не только рассказчиц, но и их матерей, которые, видимо, принадлежали одному поколению, но разным социально. Рядом с выпускницей КУТВа Авдотья была обычная сельская женщина: жена и мать — со всем набором традиционных навыков калмыцкой женщины, которые давали возможность работать в разных сферах и с трудом обеспечивали достаток в семье из пяти человек. Из-за ее болезни и, возможно, характера лидером семьи становится старшая дочь, которая взяла инициативу в свои руки еще в железнодорожном вагоне: она не только энергичная, но и инициативная и смелая, предпочитающая самой решать, где ей работать, а не просить разрешения у коменданта.

Как и в предыдущих публикациях нарративов о депортации калмыков, мы встречаемся с рядом ситуаций, которые, видимо, были типичны для многих высланных калмыков: это сюжет о том, как при заболевании калмыки обращаются не в больницу, а к врачам народной медицины, не раз всплывавший сюжет о младенческой смертности, а также и упомянутая готовность защищаться в любую минуту, если тебя заденут, была у многих калмыцких детей: приходилось жестко пресекать задиру, защищать девочкам себя, в том числе физически.

Выбор такого жизненного сценария, в котором женщина сама становится его автором, — это осознанно модернизированный подход к женским социальным ролям в обществе. Если в традиционной семье девушку готовили к замужеству, в котором муж должен обеспечивать свою семью, то теперь ставка делается не на возможного зятя, а на дочь, для которой в приоритете получение образования, следовательно, достойной работы.

История жизни Р. Ц. Азыдовой интересна тем, что она принадлежит второму поколению калмыцкой советской интеллигенции: отец — журналист, мама — юрист, сотрудник горкома ВКП(б). Мы чуть больше узнаем о том, как жили элистинцы того круга. Как замужние калмычки с детьми уезжали на учебу в КУТВ, как мужья могли оставаться дома с другим ребенком на руках. Это была государственная политика коренизации, которая должна была восполнить нехватку местных кадров в республиках. И выпускница КУТВ получила хорошую подготовку. Она не просто справлялась с ответственной работой в горкоме ВКП(б), но и в сложных сибирских условиях могла преподавать общественные науки, опасные для разночтений при толковании, включая такой предмет, как Конституция.

6-й жилдом, в котором жила Рая Азыдова, стоит и поныне. Дом хранит в себе много историй, связанных с известными людьми, ведь он почти что элистинский Дом на Набережной. Неожиданно всплыли сюжет о соседях и сложная романтическая история, связанная с именем Б. Джимбеева и его песней «Нюдля». Наверное, это самая известная калмыцкая песня советского времени. Теперь мы знаем больше об истории ее создания и видим, что шедевры не рождаются из ничего, их создание сопровождается не только любовью, но и страданием, мучительным выбором, болью.

Как мы знаем, в травматической памяти, особенно женской, необходимо присутствует телесность. Обычно это память о голоде, холоде, неудобной одежде, усталости, тяжести груза и подобном дискомфорте. В этом рассказе мы встречаемся с концентрированным выражением травматической телесности: девочка запомнила на всю жизнь защищающее тело отца, помнит звуки всплесков воды, и конечно, перед нами классический пример отцовской любви и готовности к самопожертвованию. Чувство защищенности отразилось в слове «укрытая».

Немцы рвались в Астрахань к заводу Ленина. И мы попали под бомбежку. Бомбы падали в воду, и я слышала всплески воды от бомб. Помню, я лежу, вся такая укрытая. Папа закрывал меня своим телом.

Предновогоднее время, на которое была назначена операция «Улусы», было связано с подготовительными хлопотами школьников для бала-маскарада. Рая приготовила костюм: Герб Советского Союза. Такую искреннюю индоктринацию нам трудно представить, но, возможно, здесь сыграла роль и маскарадность бала, которая широко использовала господствовавшие в обществе символы: «Я помню, у меня на голове была сделана башня Кремля, тут глобус, тут колосья, тут написано „Пролетарии все стран, соединяйтесь!“». Но костюм Рае надеть не пришлось.

Интересно, что, когда мать ночью на 28 декабря говорит Рае, что надо просыпаться и собираться в дорогу, куда едут все, она задает очень точный вопрос: «А дядя Налъджи тоже едет?». Живший в том же доме Налъджи Лиджиевич Гаряев был председателем СНК Калмыцкой АССР. Он был самым влиятельным калмыком, представлявшим государственную власть. Вопрос девочки подразумевал: представители государства тоже с нами? Не то что ребенку, но и взрослому человеку было трудно представить, что калмыцкая государственность может быть упразднена.

Эта же отношение к учебе как главному занятию школьника, желание быть достойным членом общества видны в отношении к учебе. Если представить шок партийного работника от ликвидации республики, от тяжелого переезда в Сибирь, от страха местных перед пришедшими ночевать «людоедами», первая после скотского вагона ночь на полу чужого дома и наутро с рассветом:

Мама одевается. «Ты куда?». Мама: «Пойду найду школу, ты уже сколько пропустила, уже 20 января». Ушла. Потом приходит и говорит: «Завтра пойдешь в школу, но в 8 класс».

Что касается жизненного выбора, то для Раи выбор был связан с учебой. Приезжали свататься калмыки, но она и не рассматривает возможность замужества с незнакомым или малознакомым человеком. Для нее есть пример — ее мать, которая обладает не только компетенциями, позволяющими работать в бухгалтерии, в училище и в школе — и устраиваться на работу везде, чтобы жить рядом с дочерью. Более того, Кооку Нарановна хорошо понимала, по каким законам работают крайоно, и за полгода до распределения дочери устраивалась в райцентре в школу, в которой нашлось место для обеих.

Повествование Т. С. Качановой полно воспоминаний о дорогах — и это все трудные, вынужденные переселения задолго до 1943 г. Из Башанты — на Кавказ на телеге, запряженной лошадьё, с опухшими от голода детьми, и обратно — на телеге, которую тащат коровы, под бомбежками оккупантов. Кроме тяжелой дороги в Омскую область, семью Качановых весной 1944 г. перевезли в Тюменскую область, оттуда в Ханты-Мансийск. Эти маршруты обобщаются красноречивой репликой: так мы кочевали.

Ее нарратив наполнен травматическими знаками, и в первую очередь — это лексика смерти. В сюжете о дороге упоминается труп старика, который удлиняется от мороза, и если девочка вначале отвердевания трупа лежала головой вплотную к его ногам, то к концу второй недели ей пришлось лежать головой уже на ногах. Не только живые люди ехали две недели вместе с трупом, но и некоторые живые, особенно шокированные произошедшим, бывшие ответственные работники ликвидированной Калмыцкой республики, «лежали молча, как трупы». От остановки в военном госпитале в памяти остались увиденные «части тела: руки, ноги — говорили, что от раненых остается». Только одни эти «части тела» могли травмировать девочку дошкольного возраста. И она все запомнила, как и тот маленький кусочек мыла, что давали калмыкам в бане, и которые кто-то от голода ел.... Раньше мыло считалось трагическим

момом Холокоста, но его драматическое присутствие проявляется и в истории калмыков.

Особенно ценными представляются рассказы о кризисной пище — той, которую едят в отсутствие обычной еды. Это и мерзлая картошка, и ворованное с большим риском зерно (ячмень или просо в зернах — скорее еда для скота). Снова этой едой становится падаль — и даже мне, калмычке, рассказчица говорит «хальмгуд», вроде как информация становится еще более конфиденциальной. ... «А еще мы ели бурундуков», а кто-то стрелял ворон для еды.

Первое жильё — домик, в которой разместились в одной комнате 2 семьи — 8 человек. Современный человек сразу подумает об отсутствии личного пространства, но для тех лет и тех обстоятельств это были не самые плохие условия, тем более что бывшие кулаки делились своим опытом: «нас бросили прямо в лес».

И как у многих калмыков, высланных детьми, в ее голове должны уживаться противоречивые проявления по отношению к себе со стороны государства: она спецпереселенка, она выслана как калмычка — как изменница. И в то же время девочка получает подарки от государства как дочь погибшего фронтовика. Уязвимость внесудебного обвинения и противоречивой государственной политики ощущалась даже ребенком. Также парадоксальным кажется факт, что высланная калмычка оказалась учителем вечерней школы, в классе которой сидели сотрудники комендатуры для спецпереселенцев. Педагог осуществляет власть в классе, по крайней мере в течение урока. Может быть, мягкая манера преподавания Р. Ц. Азыдовой в некоторой степени влияла и на комендантов, которые приносили своей учительнице журнал, чтобы она расписалась в школе, а не в комендатуре.

Телесность как маркер травматической памяти отражается не только в нехватке еды, но и в нехватке одежды, отраженной в школьном расписании. Какой удивительный у Тамары учебный год: советские государственные праздники (7 ноября и 1 мая) отмеряют относительно теплый сезон, в котором в Сибири можно было ходить школу в той одежде и обуви, что есть, и холодный сезон, для которого нужна специальная теплая одежда и обувь.

Если пытаться реконструировать осколки традиционного мировоззрения, передаваемого рассказчицами через слова и поступки старших, то в рассказе Т. С. Качановой мы встречаем редкое свидетельство о почитании девушек на выданье.

Каждый рассказ о прожитой жизни имеет свои педагогические цели, часто не артикулируемые рассказчиком прямо. В первом интервью звучит тема о важности дружбы. Раиса Цебековна в Сибири переписывалась со своей лучшей подругой по Элисте, которая не была депортирована, — Кларой Педеровой (мама — русская, а папа женат на другой), которая смогла в 1947 г. приехать из Житомира в гости на каникулы, и во Фрунзе встретить друзей по Элисте и вместе навещать друзей в Алма-Ате.

Во втором интервью мы увидели пример трудолюбия и готовности работать в любой сфере, чтобы семья была лучше обеспечена, верность интересам семьи.

Сибирь стала для Раисы и Тамары важным местом взросления, школой социальности, в которой обе девушки учились успешно. «Мне везло в жизни», — скажет Раиса Цебековна. Оба приведенных интервью — позитивные в терминах Джеффри Александера [Александр 2013: 164]. Испытания, которые выпали на их долю, были пережиты в Сибири, и там остались.

Литература

- Александр 2013 — Александр Д. Смыслы социальной жизни: культур-социология / пер. с англ. Г. Ольховикова. М.: Праксис, 2013. 639 с.
- Гучинова 2005 — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 400–442.
- Гучинова 2008 — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя «Сибирь». Ссылные калмыки в Средней Азии // Диаспоры. 2008. № 1. С. 194–220.
- Гучинова 2016 — Гучинова Э.-Б. М. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР. Саппоро: Изд-во ун-та Хоккайдо, 2016. 220 с.
- Гучинова 2019а — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Две истории о депортации калмыков (интервью с С. М. Ивановым и С. Э. Нарановой) // *Oriental Studies*. 2019. № 3. С. 397–422.
- Гучинова 2019б — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Интервью с В. П. Санчировым // *Монголоведение*. 2019. № 3. С. 543–563.
- Гучинова 2019в — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Биографическое интервью с Е. А. Буджаловым. Введение // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 1. С. 222–269.
- Козинцев 2007 — Козинцев А. Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007. 236 с.
- Спивак 2001 — Спивак Г. Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия. Харьков, СПб.: Алетейя, 2001. С. 649–670.
- Ссылка калмыков 1993 — Ссылка калмыков: как это было. Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 262 с.
- Томпсон 2003 — Томпсон Пол. Голос прошлого. Устная история. М.: Весь мир, 2003. 368 с.

References

- Alexander J. C. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. G. Olkhovikov (transl.). Moscow: Praksis, 2013. 639 p. (In Russ.)
- Bakaev P. D. et al. (comps.), Maksimov K. N. et al. (eds.) Deportation of the Kalmyks: How It Was. The Kalmyk People's Memorial Book. Vol. 1. Book 1. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 262 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. 'Everyone Has One's Own Siberia': Two Stories of the Kalmyk Deportation (Interviews with S. M. Ivanov and S. E. Naranova). *Oriental Studies*. 2019. No. 3. Pp. 397–422. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422
- Guchinova E.-B. M. 'Everyone's Got His Own Siberia': a Biographical Interview with Vladimir P. Sanchirov. *Mongolian Studies*. 2019. No. 3. Pp. 543–563. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-543-563
- Guchinova E.-B. M. 'Everyone's Got His Own Siberia': a Biographical Interview with Yegor A. Budzhalov. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019. No. 1. Pp. 222–269. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. Drawing the Confinement Camp: Language of Trauma in Memoirs of Japanese POWs about the USSR. Sapporo: Hokkaido University Press, 2016. 220 p. (In Jap.)
- Guchinova E.-B. M. Everyone has one's own Siberia. *Forum for Anthropology and Culture*. 2005. No. 3. Pp. 400–442. (In Russ.)

- Guchinova E.-B. M. Everyone has one's own Siberia: deported Kalmyks in Soviet Central Asia. *Diaspora*. 2008. No. 1. Pp. 194–220. (In Russ.)
- Kozintsev A. G. Man and Laughter. St. Petersburg: Aletheia, 2007. 236 p. (In Russ.)
- Spivak G. Ch. Can the suppressed speak? In: Zherebkin S. V. (ed.) An Introduction to Gender Studies. Vol. II. Chrestomathy. Kharkov, St. Petersburg: Aletheia, 2001. Pp. 649–670. (In Russ.)
- Thompson P. The Voice of the Past: Oral History. Moscow: Ves' Mir, 2003. 368 p. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 811.512.3+ 821.512.36

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-801-814

Шинжаангийн уйгур өөртөө засах орны цөөн тоот үндэстний эртний ном бичгийн албан гэрийн тод үсгийн дурсгал бичгийн тойм байдал (= Ойратская коллекция Фонда древних рукописей национальных меньшинств Синьцзяна)

Галдан Д.¹

¹ Фонд древних рукописей национальных меньшинств СУАР КНР (д. 14, ул. Шенгли, 830046 Урумчи, Синьцзян-Уйгурский автономный район, КНР)

доктор филологических наук, хранитель ойратского фонда

E-mail: galdan928141@163.com

© КалмНИЦ РАН, 2020

© Галдан Д., 2020

Аннотация. Ойратские рукописи из Синьцзяна до последнего времени оставались не доступными для исследователей в силу ряда обстоятельств. Большая часть рукописей хранится в частных коллекциях. По некоторым данным, только на территории Или-Казахской автономной провинции у проживающих там олетов более 300 личных коллекций, в которых по приблизительным подсчетам насчитывается более двух тысяч рукописей. Крупным хранилищем текстов на «ясном письме» ойратов является Фонд древних рукописей национальных меньшинств Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, созданный во второй половине 1970-х гг. Основой для его создания послужили рукописи и ксилографы из личных коллекций, которые удалось сохранить в годы культурной революции. В ойратской коллекции Синьцзяна хранится 398 рукописей и ксилографов различного содержания: буддийские сочинения канонического содержания (сутры, шастры, девоциональные тексты), произведения литературы популярного буддизма (джатаки, поучения, дидактические наставления и изречения, обрамленные повести и др.), астрологические, обрядовые и фольклорные тексты.

Ключевые слова: Синьцзян, ойратская коллекция, «ясное письмо», рукописи, ксилографы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)». Материалы статьи апробированы на Международной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Галдан Д. Шинжаангийн уйгур өөртөө засах орны цөөн тоот үндэстний эртний ном бичгийн албан гэрийн тод үсгийн дурсгал бичгийн тойм байдал (= Ойратская коллекция Фонда древних рукописей национальных меньшинств Синьцзяна) // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 801–814. (На монг.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-801-814

UDC 811.512.3+ 821.512.36

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-801-814

Oirat Collection of the Fund of Ancient Manuscripts of Xinjiang Ethnic Minorities

*Galdan D.*¹

¹ Foundation of ancient manuscripts of national minorities of Xinjiang (14, Shengli Road, Urumqi, Xinjiang 830046, China)

Dr. Sc. (Philology), Keeper of the Oirat Fund

E-mail: galdan928141@163.com

© Kalm SC RAS, 2020

© Galdan D., 2020

Abstract. Until recently, the Oirat manuscripts from Xinjiang remained inaccessible to researchers due to a number of circumstances. Most of the manuscripts are kept in private collections. According to some data, in the Ili-Kazakh Autonomous Province alone, the Olets living there have more than 300 personal collections, in which, according to rough estimates, there are more than two thousand manuscripts. The Fund of Ancient Manuscripts of National Minorities of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the PRC, created in the second half of the 1970s, is a large repository of texts in the ‘Clear Script’ of the Oirats. The basis for its creation was manuscripts and xylographs from private collections, which were preserved during the years of the Cultural Revolution thanks to the personal courage of ordinary lovers of book antiquity. The Oirat collection of Xinjiang contains 398 manuscripts and xylographs of various contents: Buddhist texts of the canonical content (sutras, sastras, devotional texts), works of popular Buddhist literature (jatakas, teachings, didactic instructions and sayings, framed novels, etc.), astrological, ritual folklore texts.

Keywords: Xinjiang, Oirat collection, ‘Clear Script’, manuscripts, xylographs

Acknowledgments. The research was funded by RFBR and Academy of Social Sciences of China within the scope of research project № 19-512-93002 “The Folklore of the peoples of the Silk Road: Oirat-Mongols of China and Kalmyks of Russia (from fairy tale to epos)”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Galdan D. Oirat Collection of the Fund of Ancient Manuscripts of Xinjiang Ethnic Minorities. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 801–814. (In Mong.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-801-814

1. «...
 2. «...
 3. «...
 4. «...
 5. «...
 6. «...
 7. «...
 8. «...
 9. «...
 10. «...
 11. «...
 12. «...
 13. «...
 14. «...
 15. «...
 16. «...
 17. «...
 18. «...
 19. «...
 20. «...
 21. «...
 22. «...
 23. «...
 24. «...
 25. «...
 26. «...
 27. «...
 28. «...
 29. «...
 30. «...
 31. «...
 32. «...
 33. «...
 34. «...
 35. «...
 36. «...
 37. «...
 38. «...
 39. «...
 40. «...
 41. «...
 42. «...
 43. «...
 44. «...
 45. «...
 46. «...
 47. «...
 48. «...
 49. «...
 50. «...
 51. «...
 52. «...
 53. «...
 54. «...
 55. «...
 56. «...
 57. «...
 58. «...
 59. «...
 60. «...
 61. «...
 62. «...
 63. «...
 64. «...
 65. «...
 66. «...
 67. «...
 68. «...
 69. «...
 70. «...
 71. «...
 72. «...
 73. «...
 74. «...
 75. «...
 76. «...
 77. «...
 78. «...
 79. «...
 80. «...
 81. «...
 82. «...
 83. «...
 84. «...
 85. «...
 86. «...
 87. «...
 88. «...
 89. «...
 90. «...
 91. «...
 92. «...
 93. «...
 94. «...
 95. «...
 96. «...
 97. «...
 98. «...
 99. «...
 100. «...

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 294.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-815-823

Зая-бандид Намкайжамцогийн тууж «Сарны гэрэл»-ийн зохиогчийн тухай шинэ шинжилгэ (= Новые сведения об авторе сочинения «Лунный свет. История Зая-пандиты Намкай Джамцо»)

*Алдарту Борджигин*¹

¹ Центральный университет национальностей (д. 27, Южный проспект Чжунгуаньцунь, район Найдянь, 100081 Пекин, КНР)
докторант
E-mail: tirbsatu@163.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Алдарту Борджигин, 2020

Аннотация. В монгольской литературе XVII в. среди произведений исторического содержания особо выделяется биография Зая-пандиты Намкайджамцо, написанная его учеником Раднабхадрой, известная под названием «Лунный свет. История рабджам Зая-пандиты». Произведение Раднабхадры является ценным источником по средневековой истории, культуре и религии ойратов. Однако сведения о биографии самого автора этого сочинения нам неизвестны. В данной статье приводятся некоторые новые сведения о деятельности Зая-пандиты и деятельности его ближайшего ученика, который был не только буддийским монахом-летописцем, но и переводчиком, а также ревностным деятелем ойратской культуры.

Ключевые слова: Зая-пандита, «Лунный свет», биография, Раднабхадра, автор, переводчик, деятель культуры

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Алдарту Борджигин. Зая-бандид Намкайжамцогийн тууж «Сарны гэрэл»-ийн зохиогчийн тухай шинэ шинжилгэ (= Новые сведения об авторе сочинения «Лунный свет. История Зая-пандиты Намкай Джамцо») // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 815–823. (На монг.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-815-823

UDC 294.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-815-823

New Information about the Author of "Moonlight. The Story of the Ravjam Zaya Pandita"

*Bao Aladartu*¹

¹ Central University for Nationalities (27, Zhongguancun St., Haidian Distr., Beijing 100081, China)

Doctoral Student

E-mail: tirbsatu@163.com

© Kalm SC RAS, 2020

© Bao Aladartu, 2020

Abstract. The biography of Zaya-pandita Namkaijamtso known as «Moonlight. The Story of Rabjam Zaya Pandita», written by his disciple Radnabhadra, is a well-known work of Mongolian literature of the 17th century. Radnabhadra's work is a valuable source on medieval history, culture and religion of the Oirats. However, information about the biography of the author of this work remains unknown. This article provides some new information about the activity of Zaya Pandita as well as his closest disciple, who was not only a Buddhist monk-chronicler, but also a translator and zealous figure of the Oirat culture.

Keywords: Zaya-pandita, "Moonlight", biography, Radnabhadra, author, translator, cultural worker

Acknowledgements. The article was presented at the international scientific online conference "Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II", held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Bao Aladartu. New Information about the Author of "Moonlight. The Story of the Ravjam Zaya Pandita". *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 815–823. (In Mong.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-815-823

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 294.321

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-824-833

Фотообразы буддистов Бурятии

Андрей Александрович Базаров¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация); Бурятский государственный университет (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, профессор

 0000-0002-6837-7280. E-mail: bazarow_andr@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Базаров А. А., 2020

Аннотация. *Цель.* Статья посвящена проблеме визуальных образов в повседневной ритуальной практике ординарных буддистов Бурятии. *Актуальность* изучения раритетных фотографий с буддийским сюжетом в качестве исторического и культурологического источника не вызывает сомнений, поскольку данное исследование раскрывает неизвестные аспекты в формировании идентичности бурят и роли буддизма в этом процессе. *Материалом* для изучения послужили коллекция редких фотографий Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук и фоторяд ритуального комплекса «хоймор-гунгурба», собранные в ходе экспедиций 50–70-х гг. XX в. и в начале XXI в. *Результаты.* В ходе предварительных работ был разработан метаязык описания визуальных образов с целью выяснения механизма актуализации данного материала в буддизме в виде следующих пунктов: механизм отбора образов; культурный контекст; ритуальные и социальные цели; характер материалов; учет реакции верующих на визуальные образы. На основе сравнительного анализа двух баз данных автор устанавливает взаимосвязь между местной визуальной практикой буддистов и формированием бурятской идентичности с конца XIX в. до начала XXI в. После сравнительной реконструкции структуры визуальных образов в этой статье утверждается, что культура повседневной практики их почитания является важным аспектом в формировании местной идентичности. Наиболее интересным фактом, обнаруженным в ходе исследования, является то, что в настоящее время центральное место в фото визуальной практике буддистов бурят занимают дореволюционные образы бурятских лам. Анализ подтвердил тот факт, что кардинальное изменение механизма передачи буддийской традиции в Бурятии, социальные сдвиги, экономическая ситуация привели к трансформации вектора развития традиционной буддийской культуры бурят, приоритетом которого становятся на данный момент автокефальные формы, с сохранением своей этнической специфики.

Ключевые слова: буддизм, визуальные образы, фото, коллекция, почитание, буряты, идентичность, повседневная ритуальная практика

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рам-

ках научного проекта № 19-09-00068 А «Визуализация повседневной ритуальной культуры в буддизме».

Для цитирования: Базаров А. А. Фотообразы буддистов Бурятии // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 824–833. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-824-833

UDC 294.321

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-824-833

Photo Images of Buryatia's Buddhists

*Andrei A. Bazarov*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation); Buryat State University (24A, Smolin St., Ulan-Ude 670000, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate, Professor
 0000-0002-6837-7280. E-mail: bazarow_andr@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bazarov A. A., 2020

Abstract. *Goals.* The paper examines the issue of visual images in the everyday ritual practice of ordinary Buddhists in Buryatia. The relevance of studying rare Buddhist photographs as a historical and cultural source cannot be questioned, since this perspective reveals unknown aspects in the formation of Buryat identity and the role of Buddhism in this process. *Materials.* The work investigates the collection of rare photographs at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences) and photographs of the ritual complex 'khoimor-gungurba' collected during expeditions of the 1950-1970s and in the early 21st century. *Results.* A method (metalanguage) of describing Buddhist photo images was developed during preliminary works to clarify the mechanism of actualizing this material in Buddhist discourse, including elements as follows: a mechanism of image selection; cultural context; ritual and social goals; nature of materials; registration of believers' reactions to visual images. The paper shows a close relationship between the local visual practice of Buddhists and the formation of Buryat identity from the late 19th towards the 21st century, which is concluded from a comparative analysis of the two databases. After a comparative reconstruction of the structures of the collections, the work argues that the everyday ritual practice of praying before these photos is an important aspect in the formation of local identity. The most interesting finding of the study is that pre-revolutionary images of Buryat Lamas are central in the culture of the photo-visual practices of Buryat Buddhists nowadays. The comparative analysis confirmed that a fundamental change in the transmission of the Buddhist tradition in Buryatia, social changes, and the economic situation led to a change in the development of the traditional Buddhist culture of the Buryats that currently prioritizes autocephaly and the preservation of ethnic identity.

Keywords: Buddhism, visual images, photo, collection, worship, Buryat, identity, everyday ritual practice

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project no. 19-09-00068 А 'Visual Images of Everyday Buddhist Ritual Culture'.

For citation: Bazarov A. A. Photo Images of Buryatia's Buddhists. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 824–833. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-824-833

Введение

Визуальные образы в буддизме играют основополагающую роль в повседневных религиозных ритуалах, психосоматической (йогической) практике, а также в распространении ряда конфессиональных представлений. Активная социальная роль буддийской сангхи в Бурятии во все времена формировалась за счет актуализации конкретных образов благодаря картинам (танка, цагли). Начиная с конца XIX в. большую роль в этих действиях начинают играть фотографии. Актуальность изучения раритетных фотографий с буддийским сюжетом в качестве исторического и культурологического источника не вызывает сомнений, поскольку данная научная проблема обращена как к анализу специфических историко-социальных изменений в развитии идентичности бурят на рубеже веков, так и к особенностям использования визуального ряда в современных историко-антропологических исследованиях.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили коллекция редких фотографий с буддийским сюжетом (далее — ФБС) — монахи, святые места и предметы (250 ед. хр.), хранящаяся в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН; коллекция ФБС из этого учреждения далее упоминается как КФБС ИМБТ), и фоторяд (28 фото) комплекса «хоймор-гунгурба» (далее — ФК ХГ). Необходимо отметить, что ФБС в традиционной буддийской культуре региона хранились на северной, «святой», стороне дома (бур. *хоймор*) верующих буддистов региона в специальном ящике-локусе (бур. *гунгурба*)¹ и становились частью комплекса «хоймор-гунгурба».

Каков характер материалов? Что касается коллекции ФБС из фондов ИМБТ СО РАН, то ее происхождение связано с экспедиционными работами института в 50–70-е гг. прошлого столетия², поскольку в ней представлены фотографии как дореволюционного периода, так и конца 1960-х гг. ФБС (средний размер экземпляров от 6х9 см до 9х14 см — традиционный размер буддийских миниатюр «цагли») были созданы в фотоателье («Cabinet portreit», «Photographie Borel, St. Petersbourg, Nevsky 54», «Н. А. Чесноковъ, Санкт-Петербургъ», «Т. А. Урсу, Верхнеудинскъ», «Souvenir», «Т-во А. Ф. Второва съ С-ми. Отделение въ Верхнеудинске», «Г. С. Сибирская фотография въ Читъ», «Yu Chang, Peking» и др.) и представляют собой предмет религиозного ежедневного почитания учителей в буддизме (бур. *лама тахиха зан үйлэ*)³. Что касается фоторяда комплекса «хоймор-гунгурба», то материалом служат ФБС, которые были собраны в ходе экспедиций ИМБТ СО РАН в период 2019–2020 гг. (частично 2006–2015 гг.). Данный материал ФБС состоит как из фотокопий дореволюционных фотографий, так и из современных открыток, выполненных в типографиях Улан-Удэ и Москвы на рубеже XX–XXI вв.

¹ Данные фотографии широко используются бурятами-буддистами в ежедневной религиозной практике для ритуала почитания учителя, прочтения текста «прибежища», многочисленных заклинаний и подношений и т. п.

² Это предполагается, поскольку никаких архивных документов о происхождении данной коллекции не было найдено.

³ В буддийской культуре монгольских народов существуют различные объекты почитания [Бакаева 2019а], «учитель» является одним из главнейших.

В связи с современными тенденциями в гуманитарном знании при анализе подобных визуальных собраний востребованы исторический [Магидов 2005] и социально-антропологический подходы [Anthropology and Photography 1992; Гурьева 2009]. Предлагаемая в данном исследовании методика основывается на системном анализе культур прошлого и настоящего, которые в каждую историческую эпоху проявляют себя на 3-х взаимосвязанных уровнях: 1) на уровне повседневности (ежедневная активность, всевозможные типы регламентации); 2) на уровне идеологии (система символов, отношений и культурно-значимых примеров, через которую формулируются ценности культуры); 3) на уровне социальной организации (внутренние иерархические связи и т. п.). В ходе предварительных работ был разработан метаязык описания визуальных образов с целью выяснения механизма актуализации данного материала в буддизме в виде следующих пунктов:

- механизм отбора образов и отношение к ним;
- всестороннее изучение культурного контекста, в котором эти образы проявляются;
- ритуально-психосоматические цели тех, кто представляет и тех, кто использует образы;
- характер материалов: старые — новые, картины — фото;
- учет реакции потенциальных категорий верующих, визуализирующих образы.

Также для данного исследования был использован метод сравнительного анализа с привлечением инструментов конкретного описания фотоколлекций с религиозным содержанием.

Специфика диахронических изменений в повседневной визуально-ритуальной культуре буддистов-бурят

Сравнительный анализ ФБС из КФБС ИМБТ с современным ФК ХГ позволил проследить специфику диахронических изменений в повседневной визуально-ритуальной культуре буддистов-бурят. Какова структурная композиция данных собраний? Анализ показал, что в них зафиксирована ярко выраженная визуальная иерархия, характерная для исторических ситуаций конца XIX – начала XX в., середины XX в. и начала XXI в.

Во главе иерархии представлен прежде всего образ Далай-ламы. В КФБС ИМБТ это образ Далай-ламы XIII Нгаванг Лобсанга Тубтэн Гьяцо (тиб. *ngag dbang blo bzang thub bstan rgya mtsho*, 1876–1933)⁴. Данный образ представлен в трех возрастных категориях: молодость (наиболее популярный), зрелость и старость. Поскольку в КФБС ИМБТ этот образ наиболее представительный (38 экземпляров), делается вывод, что данный экземпляр был центральным, начиная с конца XIX в. вплоть до конца 80-х гг. XX в. Эта визуализация фиксируется и в ФК ХГ (1 экз.), т. е. она активна и в наши дни. Несмотря на долгое функционирование, фото Далай-ламы XIII Тубтэна Гьяцо постепенно заменяется фото Далай-ламы XIV Нгаванг Лобсанга Тэнзин Гьяцо (тиб. *ngag dbang blo bzang bstan 'dzin rgya mtsho*, род. 6 июля 1935 г.). Если в КФБС ИМБТ представлены фотографии молодого Далай-ламы XIV (13 экз.), то в ФК ХГ —

⁴ О значении образа Далай-ламы XIII Нгаванг Лобсанга Тубтэн Гьяцо в истории монгольских народов см. [Богословский 2002].

в зрелом возрасте (26 экз.). Интересен сюжет фотографий Далай-ламы XIV. Фотографии из КФБС ИМБТ являются самостоятельными фотокопиями из советских журналов и газет. На них изображен Далай-лама XIV отдельно (6 экз.) и совместно с Панчен-ламой X (7 экз.). Все фотографии являются официальными и связаны с общественно-политическими событиями на территории КНР, т. е. до 1959 г. Фотографии из ФК ХГ напечатаны в типографиях. Основная часть (20 экз.) фиксирует Далай-ламу отдельно, остальные (6 экз.) совместно с Пандито хамбо-ламой XXIII Чой-Доржи (Александром Нимбуевичем) Будавым (род. в 1959 г.). Вторым по значимости является образ Панчен-ламы. В КФБС ИМБТ это прежде всего образ Панчен-ламы IX Тубтэн Чокьи Ньимы (тиб. *thub bstan chos kyi nyi ma*, 1883–1937), представленный в двух возрастных категориях: молодость (5 экз.) и зрелость (2 экз.). Что касается ФК ХГ, то здесь этот образ не встречается. Фото Панчен-ламы X Лобсанг Тринле Лхундруп Чокьи Гьялцена (тиб. *blo bzang phrin las lhun grub chos kyi rgyal mtshan*, 1938–1989) в молодом возрасте (4 экз.) обнаружены в КФБС ИМБТ (не считая 7 экз. совместно с Далай ламой XIV). В ФК ХГ фотографии Панчен-ламы X отсутствуют, а также и Панчен-ламы XI. Следующий образ в визуальной иерархии буддистов региона связан с Богдо-гэгэнами. В КФБС ИМБТ обнаружены фото Богдо-гэгэна VIII Нгаванг Лобсанг Чокьи Ньима Тензин Вангчуга (монг. *агваан лувсан чойжин ням данзан ванчуг*, тиб. *ngag dbang blo bzang chos kyi nyi ma bstan 'dzin dbang phyug*; 1869–1924)⁵. Его образ зафиксирован в нескольких вариантах: в молодом (11 экз.) и зрелом возрасте (2 экз.). Фотографии в зрелом возрасте являются парными: Богдо-гэгэн VIII сфотографирован с женой Цэндийн Дондогдулам (монг. *Улсын эх дагина 'Мать-дакини государства'*, 1876–1923). На двух фотографиях его супруга изображена в одиночестве. На одном экземпляре обнаружена подпись «Белая Тара» на бурятском языке⁶. В ФК ХГ образ Богдо-гэгэнов представлен 1 фотографией Богдо-гэгэна VIII. Фотообразы последующих перерожденцев этой линии преемственности в данной коллекции найти не удалось.

Следующая группа фотографий в визуальной иерархии бурятского буддизма представляет тибетских и монгольских учителей. В КФБС ИМБТ хранятся фото знаменитых представителей буддийских монастырей Тибета и Монголии, посетивших Бурятию на рубеже XIX–XX вв., а также имевших духовную связь с бурятами в этот период. Это представители монастыря Лавран Ташичил (тиб. *bla brang bkra shis 'khyil*): Кунчен Джамьян Шэпа IV Келсанг Тубден Ванчуг (тиб. *kun mkhyen 'jam dbyangs bzhad pa skal bzang thub bstan dbang phyug*, 1856–1916) в детстве (1 экз.) и молодости (1 экз.); Кунчен Джамьян Шэпа V Лобсанг Джамьян Еше Тенпе Гьялцэн (тиб. *kun mkhyen 'jam dbyangs bzhad pa blo bzang 'jam dbyangs ye shes bstan pa 'i rgyal mtshan*, 1916–1947) в детстве (1 экз.); Гунтан Джамьян Тенпе Нима V (тиб. *gung thang 'jam dbyangs bstan pa 'i nyi ma*, 1860–1925) в пожилом возрасте (2 экз.). Представитель другого тибетского монастыря Гумбум, шестьдесят девятый Гумбум-тичен (тиб.

⁵ О роли Богдо-гэгэна VIII в формировании монгольской этнической идентичности см. [Кузьмин, Оюунчимэг 2009].

⁶ Возможно, буряты рассматривали в качестве Белой Тары любую правительницу, не только правительницу России. В результате значение олицетворения российской царской власти с образом Белой Тары для бурятской культуры не следует преувеличивать.

sku 'bum khri chen) Джаягсы-гэгэн Келсанг Цултим Тэн Нима (тиб. *rgya yag mkhan chen skal bzang tshul khrim bstan nyi ma*, 1858–1913) в молодости (2 экз.) и зрелости (7 экз.)⁷. Булганский монастырь в Монголии представлен в коллекции фотографиями монгольского монаха, известного в бурятском буддизме под именами Гашой-лама Дамби-Жамса и Шераб Гьяцо⁸, годы жизни неизвестны (10 экз.). В коллекции хранятся фотографии тибетских и монгольских монахов, имена которых известны, но исторической информации по ним нет: Лобсанг Жампа Зангпо (1 экз.), Милаггшин-гэгэн (3 экз.), Акпа-лама (1 экз.), Дара-эхэ-лама (1 экз.), Ургинский Гашой-лама (1 экз.). В ФК ХГ тибетские учителя представлены исключительно современными образами Кушок Бакулы Ринпоче (1917–2003) в пожилом возрасте (3 экз.), Ело Тулку Еше Лодоя Ринпоче (тиб. *ye blo sprul sku ye shes blo gros rin po che*, род. в 1943 г.) в зрелом возрасте (2 экз.). Монгольские учителя в коллекции не представлены. Фотографии тибетских и монгольских монахов рубежа XIX–XX вв. отсутствуют.

В иерархической структуре визуальных образов следующей группой являются фото представителей бурятского буддизма:

- перерожденцы;
- Пандито хамбо-ламы;
- настоятели монастырей и известные религиозные деятели.

В КФБС ИМБТ присутствуют фотографии следующих лиц:

- Ганжурва-гэгэна VI Данзана Норбоева (1887–1935) (1 экз.);
- Пандито хамбо-ламы X Дампил Гомбоева (1831–1896) (1 экз.);
- Пандито хамбо-ламы Чойнзон-Доржи Иролтуева (1843–1918) (2 экз.);
- Пандито хамбо-ламы XV Цыгунжапа Баниева (?) (1 экз.);
- Пандито хамбо-ламы XVII Лубсан-Нимы Дармаева (1890–1960) (1 экз.);
- Пандито хамбо-ламы XVIII Еши-Доржи Шарапова (1892–1976) (1 экз.);
- Агван-Лобсана Доржиева (1853–1938) (3 экз.)⁹;
- Лубсан-Сандана Цыденова (1841–1922) (1 экз.);
- Тугулдура Тобоева (?) (1 экз.);
- настоятеля Баргузинского дацана Цыдена Соодоева (6 экз.); настоятеля Анинского дацана Жамбаева (5 экз.);
- настоятеля Эгитуйского дацана Соржи-ламы Чойжи-Лобсан Гомбо-Дорже Эрдынеева (5 экз.);
- настоятеля Эгитуевского дацана Дашапыла Зодбоева (4 экз.);
- настоятеля Тугнуй-Галтайского дацана Чагдаржапа Донсорунова (2 экз.);
- настоятеля Цугольского дацана Галсаа-Гарба Иванова (1 экз.);
- настоятеля Агинского дацана Дарижапа Норбоева (1 экз.);
- настоятеля Анинского дацана Аюши Абидуева (4 экз.).

Что касается ФК ХГ, то в этой коллекции можно обнаружить фото:

- Ганжурва-гэгэна VI Данзана Норбоева (2 экз.);
- Пандито хамбр-лаамы X Дампила Гомбоева (1831–1896) (2 экз.);

⁷ О роли Джаягсы-гэгэна Келсанг Цултим Тэн Нимы в истории бурятского буддизма см. [Лепехов 2012].

⁸ О Гашой-ламе Дамби-Жамса см. [Дарибазарон 2018].

⁹ О роли Агван-Лобсана Доржиева в истории российского буддизма см. [Андреев 2006].

- Пандито хамбо-ламы XII Даши Доржо Итигэлова (1852–1927) (18 экз.)¹⁰;
- Агван-Лобсана Доржиева (1853–1938) (5 экз.);
- Лубсан-Сандана Цыденова (1841–1922) (2 экз.);
- настоятеля Баргузинского дацана Цыдена Соодоева (7 экз.);
- настоятеля Анинского дацана Жамбаева (1 экз.);
- настоятеля Эгитуйского дацана Соржи-ламы Чойжи-Лобсан Гомбо-Дорже Эрдынеева (1 экз.);
- настоятеля Эгитуйского дацана Дашапыла Зодбоева (1 экз.);
- настоятеля Тугнуй-Галтайского дацана Чагдаржапа Донсорунова (3 экз.);
- настоятеля Анинского дацана Аюши Абидуева (2 экз.).

Сравнительный анализ двух баз данных (КФБС ИМБТ и ФК ХГ), распределенных на три группы: буддийские иерархи, тибетские и монгольские учителя, бурятские ламы, позволил проследить интересные изменения, происходящие в визуальной практике буддистов бурят в период с конца XIX до начала XXI вв.

Анализ образа буддийских иерархов показал, что изображения Далай-лам устойчиво занимают центральное место в визуальной иерархии буддистов региона на протяжении всего периода. Необходимо отметить, что вплоть до 70–80-х гг. XX в. данный образ был в основном связан с фотографией Далай-ламы XIII, жившего до 1933 г. Такая продолжительность распространенности данного образа объясняется фактическим отсутствием связи бурятских буддистов с Далай-ламой XIV до конца 1980-х гг. Отдельные фотографии Далай-ламы XIV, появляющиеся в практике 1960–1970-х гг., являются любительскими фотокопиями китайской официальной прессы 1950-х гг. Начиная с 1990-х до настоящего времени фотообраз Далай-ламы XIV обладает наибольшим значением для местных буддистов, что можно заключить исходя из количества экземпляров. Что касается образа Панчен-лам и Богдо-гэгэнов (Панчен-ламы IX и X, Богдо-гэгэн VIII), то судьба их во многом похожа. Если до 1970–1980-х гг. данные образы еще присутствуют в ритуальной практике, то после 1990-х гг. они резко исчезают. Характерно, что изображение Богдо-гэгэна VIII в виде 1 экземпляра фотографии было найдено в ФК ХГ. Тем не менее, можно утверждать, что данный образ фактически исчез. Исчезновение этих образов объясняется запутанностью религиозно-политической ситуации относительно признания перерожденцев данных линий преемственности в настоящее время.

Обращение к визуальным образам тибетских и монгольских учителей позволило сделать ряд интересных историко-социальных умозаключений. Необходимо подчеркнуть, что буддисты в Бурятии в период с конца XIX в. до 70–80-х гг. XX в. строили свою общину (в Российской империи и советском государстве) в весьма сложных условиях государственного давления, направленного на достижение полного управленческого унитаризма и унификацию населения¹¹. Они прекрасно осознавали свое маргинальное положение в стране, свою культурную инаковость и чуждость основному направлению государственного развития (православного и коммунистического). Вероятно, в этих

¹⁰ О месте Даши Доржо Итигэлова в современном буддизме Бурятии см. [Амоголонова 2012].

¹¹ О проблеме взаимодействия царской власти и буддийской общины Бурятии в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. см. [Цыремпилов 2013].

условиях ординарное буддийское население рассматривает фото тибетских и монгольских монахов не только как образ буддийского учителя, распространяющего учение [Нацов 1995; Нацов 1998] и объект для ежедневной ритуальной практики, но и как основу собственной религиозной и этнической идентичности. Вероятно, этот фактор повлиял на массовое распространение данных фото¹², когда вопрос о бурятской идентичности в конце XIX в. стал острым. Также необходимо заметить, что царский запрет на проповедническую деятельность иностранных религиозных деятелей на территории Восточной Сибири бурятской буддийской общиной фактически игнорировался с конца XIX в. Материалы свидетельствуют, что приглашенные в этот период бурятами тибетские и монгольские монахи переходили границу и распространяли буддийское учение, становясь на долгие годы объектом визуальной практики местных буддистов, вплоть до 70–80-х гг. XX в. Что касается ситуации после 1990-х гг., образы тибетских и монгольских учителей рубежа XIX–XX вв. постепенно исчезли (особенно монгольские). Несмотря на бурную проповедническую деятельность многочисленных тибетских монахов на рубеже XX–XXI вв. в связи с социально-политическими изменениями в России, их образы практически отсутствуют в ритуальной практике местного буддизма. Это не касается только двух лиц: Кушок Бакулы Ринпоче и Еше Лодоя Ринпоче, фотообразы которых были обнаружены в небольшом количестве в ФК ХГ. Интересный факт связан с тибетским наставником Джампа Тинлей Вангченом (род. в 1962 г.), основателем общины «Зеленая Тара» и популярным буддийским учителем в Бурятии: его образ не был найден вообще.

Сравнительный анализ двух баз данных показал, что на рубеже XX–XXI вв. центральное место в визуальной практике буддистов бурят начинают занимать образы бурятских лам. В основном, в местном буддизме прослеживаются ретроспективные формы отбора образов. Точка зрения «Буддийской традиционной сангхи России» (далее — БТСР) играет главную роль в этом механизме. В дальнейшем официальная позиция БТСР относительно образов ретранслируется через систему монастырей до каждого буддиста-мирянина. В результате буддисты-буряты в отборе фото большое значение придают бурятским ламам прошлого или недавнего прошлого. Так, например, наиболее значимым местным образом становится фотография Пандито хамбо-ламы XII Даши Доржо Итигэлова. Он в определённой степени начинает соперничать с образом Далай-ламы XIV. Образы бурятских лам прошлого (рубежа XIX–XX вв.) все чаще занимают место тибетских и монгольских учителей, особенно это касается изображений Агвана Доржиева, Данзана Норбоева, Цыдена Соодоева, Лубсан-Сандана Цыденова и многих других, прежде всего настоятелей местных монастырей. Большое значение придается образам местных лам, работавших с населением в 1940–1980 гг. Что касается современных бурятских монахов, то набор образов ограничен фотографиями родственников и односельчан — священнослужителей и учеников монастырей, открыткой с изображением Пандито хамбо-ламы XXIII Чой-Доржи Будаева (с совместного фото с Далай-ламой XIV). Образ современного Пандито хамбо-ламы XXIV Дамбы Аюшеева в системе отсутствует.

¹² О связи этнической идентичности монголоязычных народов России и тибетского буддизма см. [Бакаева 20196].

Выводы

Что касается изменений, произошедших в 90-х гг. прошлого столетия, необходимо подчеркнуть, что определение локальной идентичности бурят-буддистов подразумевает анализ разных аспектов их мировоззрения, культурной жизни, исторического прошлого [Жуковская 2008]. Буддийская визуальная практика в повседневных ритуалах ординарных буддистов является важнейшим аспектом в формировании местной идентичности в современных условиях. Фотографические образы играют значительную роль в данной практике. Сравнительный анализ двух собраний фотообразов подтвердил тот факт, что кардинальное изменение механизма передачи буддийской традиции в Бурятии, социальные сдвиги, экономическая ситуация привели к трансформации вектора развития традиционной буддийской культуры бурят, приоритетом которого становятся на данный момент автокефальные формы с сохранением своей этнической специфики.

Необходимо подчеркнуть, что рассмотрение интереснейших фотоколлекций из фондов ИМБТ СО РАН на основе методов сравнительно-исторического анализа позволяет исследовать не только ранее неизвестные исторические факты, выявить специфику историко-социальных изменений, но и оценить возможности использования визуального ряда в современных историко-антропологических исследованиях.

Литература

- Амоголонова 2012 — *Амоголонова Д. Д.* Возвращение Хамбо-ламы Итигэлова в контексте постсоветской десекуляризации общественного сознания // *Tartaria Magna*. 2012. № 1. С. 128–147.
- Андреев 2006 — *Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: СПбГУ; Нартанг, 2006. 464 с.
- Бакаева 2019а — *Бакаева Э. П.* Буддизм калмыков и ойратов: обряды подношений предкам и духам хозяевам территорий (некоторые аспекты) // *Труды института востоковедения РАН*. Вып. 23. М.: ИВ РАН. 2019. С. 39–66.
- Бакаева 2019б — *Бакаева Э. П.* Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников) // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 891–925.
- Богословский 2002 — *Богословский В. А.* Политика XIII Далай-ламы в Тибете. М.: ИВ РАН, 2002. 141 с.
- Гурьева 2009 — *Гурьева М. М.* Повседневная фотография как объект научного исследования // *Вестник Ленинградского гос. ун-та им А. С. Пушкина*. Серия философия. № 3 (2). 2009. С. 153–161.
- Дарибазарон 2018 — *Дарибазарон Д. Э.* «Нектар устных наставлений» Лобсанг Тенпе Гьяцо как источник буддийской философской мысли в Бурятии на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2018. 239 с.
- Жуковская 2008 — *Жуковская Н. Л.* Буддизм и шаманизм как факторы формирования бурятского менталитета // *Религия в истории и культуре монголоязычных народов России*. М.: Вост. лит., 2008. С. 9–37.
- Кузьмин, Оюунчимэг 2009 — *Кузьмин С. Л., Оюунчимэг Ж.* Богдо-гэгэн VIII — великий хан Монголии // *Азия и Африка сегодня*. 2009. № 1. С. 59–64.
- Лепехов 2012 — *Лепехов С. Ю. Б. Д.* Дандарон — буддолог, тибетолог, философ // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2012. № 3 (7). С. 259–266.

- Магидов 2005 — *Магидов В. М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 393 с.
- Нацов 1995 — *Нацов Г. Д.* Материалы по истории и культуре бурят / введ., пер. и примеч. Г. Р. Галдановой. Ч. I. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 156 с.
- Нацов 1998 — *Нацов Г. Д.* Материалы по ламаизму в Бурятии / предисл., пер., примеч. и глоссарий Г. Р. Галдановой. Ч. II. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1998. 187 с.
- Цыремпилов 2013 — *Цыремпилов Н. В.* Буддизм и империя: бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2013. 338 с.
- Anthropology and Photography 1992 — *Anthropology and Photography, 1860–1920* / ed. by Elizabeth Edwards. N. Haven, London: Yale University Press. 1992. 288 p.

References

- Amgolonova D. D. Khambo Lama Itigelov's return in the context of post-Soviet desecularization of public consciousness. *Tartaria Magna*. 2012. No. 1. Pp. 128-147. (In Russ.)
- Andreev A. I. Russia and Tibet: A History of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Policy. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Narthang, 2006. 464 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Ethnic identity of the Kalmyks and confessional ties with Tibet: a case study of some little-known sources. *Oriental Studies*. 2019. No.5. Pp. 891–925. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925
- Bakaeva E. P. The Buddhism of Kalmyks and Oirats: rituals of offerings to the ancestral spirits and the spirits - masters of the territories (some aspects). *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of RAS*. 2019. Is. 23. Pp. 39-66. (In Russ.)
- Bogoslovsky V. A. Policy of the 13th Dalai Lama in Tibet. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2002. 141 p. (In Russ.)
- Daribazarov D. E. Nectar of Oral Instruction by Lobsang Tenpe Gyatso as a Source of Buddhist Philosophical Thought in Buryatia at the Turn of the 20th Century. Cand.Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2018. 239 p. (In Russ.)
- Edwards E. (ed.) *Anthropology and Photography, 1860-1920*. New Haven, London: Yale University Press, 1992. 288 p. (In Eng.)
- Gourieva M. M. Scientific evaluation of everyday photography. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2009. No. 3(2). Pp.153-161. (In Russ.)
- Kuzmin S. L., Oyuunchimeg J. 8th Bogdo-Gegen - the Great Khan of Mongolia. *Asia and Africa Today*. 2009. No. 1. Pp. 59-64. (In Russ.)
- Lepekhov. S. Yu. B. D. Dandaron – Buddhist scholar, Tibetologist, Philosopher. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS*. 2012. No. 3 (7). Pp. 259-266. (In Russ.)
- Magidov V. M. Film, Photo, and Phono Documents in the Context of Historical Knowledge. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2005. 393 p. (In Russ.)
- Natsov G. D. Materials on Lamaism in Buryatia. Part II. G. Galdanova (foreword, transl., etc.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 1998. 187 p. (In Russ.)
- Natsov G. D. Materials on the history and culture of the Buryats. Part I. G. Galdanova (foreword, transl., etc.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 1995. 156 p. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. V. Buddhism and Empire: Buryat Buddhist Community in Russia (18th – Early 20th Century). Ulan-Ude: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Sib. Branch of RAS), 2013. 338 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Buddhism and shamanism as factors in the shaping of Buryat mentality. In: Religion in the History and Culture of Russia's Mongolic Peoples. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. Pp. 9–37. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

**Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)**

Т. 12. № 4

Главный редактор — Э. П. Бакаева

2020

Дата выхода: 17.12.2020. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 22,05. Тираж 100 экз. Заказ 18-20.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 г. Элиста,
Республика Калмыкия, Российская Федерация.
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved@kigiran.com